

Проб. 1980

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

79

ИИМК

Ф. 501

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

К. 13(5)

ИИМК

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

79

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1960

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Т. С. Пассек*

Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук *Н. Н. Гурина*

Члены редколлегии:

*Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, А. Ф. Медведев,
Т. Г. Оболдуева (отв. секретарь),
П. А. Раппопорт, Д. Б. Шелов, В. П. Шилов*

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

С. А. ПЛЕТНЕВА

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ
ВЕРХОВЬЕВ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

В 20-х годах XVII в. в географическом описании Московской Руси — «Книге Большому Чертежу»¹ впервые были упомянуты заброшенные древние городища верховьев Северского Донца. Авторы «Книги» — дьяки Разрядного приказа Лихачев и Данилов. Из большого количества разновременных городищ на Донце оказались отобранными ими только те, на которых в наше время находят слой раннего средневековья (VIII—IX вв.). Такое совпадение не случайно. Московские дьяки-географы, исходя из соображений военностратегического порядка, остановились на тех пунктах, где, по-видимому, наиболее сохранились к моменту составления «Росписи реке Донцу» раннесредневековые укрепления. Насколько хороша была сохранность и каков был характер укреплений, в «Книге» не говорится. Только при описании последнего, самого южного из городищ — «Комолши», находящегося в устье правого притока Северского Донца — речки Гомольши, авторы сочли нужным отметить: «А на Комолше городище Каменное»². Кроме Гомольши, в «Книге» перечислено с севера на юг еще 10 городищ (рис. 1). Все они были расположены на правом высоком берегу Донца или его притоке — Уде, на «крымской» его стороне, как говорили в XVII в. На протяжении XVII в. почти из всех этих древних укреплений были созданы первоклассные крепости. Они играли важную роль опорных пунктов Московского государства, начавшего наступление на юг, на Крымское ханство, на кочевую степь. В XVIII в. многие из этих крепостей разрослись и превратились в села или небольшие уездные городки.

Вновь интерес к средневековым городищам верховьев Северского Донца, но уже археологический, появился в 1900 г., после открытия знаменитого Салтовского могильника, рядом с которым было обнаружено одновременное ему городище. Тогда же обратили внимание и на другие ближайшие укрепления, аналогичные Салтовскому, — Волчанское и Нежегольское. Однако только в 1950 г. была проведена (Б. А. Рыбаковым) разведка на упомянутых в «Книге Большому Чертежу» городищах. Экспедиция обследовала семь из них: Нежегольское, Салтовское, Донецкое, Хорошевское, Кабаново, Мохначевское, Гомольшу³. После 1950 г. при разведках

¹ «Книга Большому Чертежу» (ред. К. Н. Сербиной). М.—Л., 1950.

² «Книга Большому Чертежу», стр. 74.

³ Использовать «Книгу Большому Чертежу» как источник для первоначального ознакомления с городищами верховьев Северского Донца мне посоветовал Б. А. Рыбаков, передавший мне также все материалы своей разведки 1950 г. За помощь и материалы я приношу ему ую глубокую благодарность.

поселений на берегах верхнего течения Северского Донца и его притоков. Отрядом был пройден путь от р. Нежеголи до с. Залиманье (Балаклейского района, Харьковской области). Помимо обследования всех, уже известных ранее средневековых поселений, разведкой обнаружено 16 селищ.

Таким образом, в результате исследований последних лет собран значительный материал по изучению поселений верховьев Северского Донца (рис. 2).

В своей обобщающей статье «Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне реки Дона»⁷ И. И. Ляпушкин коснулся всех, известных ему, памятников салтово-маяцкой культуры верховьев Северского Донца. Однако в его работу включено не больше 10 поселений, тогда как сейчас их известно в этом районе в 18¹ раз больше. Материалы, полученные с известных И. И. Ляпушкину и с вновь открытых поселений этой эпохи, позволяют сделать некоторые дополнения к его описанию памятников данного типа.

Все поселения верховьев Донца делятся на 2 группы: укрепленные — городища и неукрепленные — селища.

1. На протяжении около 250 км по берегам Северского Донца и его основного (в этой части течения) притока — р. Уды — обнаружено 11 городищ со средневековым слоем. Некоторые из них не были известны географам XVII в., другие, упоминаемые в «Книге Большому Чертежу», полностью уничтожены за последние 200 лет, и найти их уже невозможно. В табл. 1 приводится перечень известных в XVII в. и в наше время средневековых городищ верховьев Северского Донца.

Таблица 1

Средневековые городища в верховьях Северского Донца

Название городища		Местонахождение
в XX в.	в XVII в.	
Дмитровское	Нет	Река Короча, приток Нежеголи, левого притока Северского Донца
Архангельское	Нежегольское	Сев. Донец, против устья р. Нежеголи
Волчанское	Нет	Река Волчья
Салтовское	Салтановское	Сев. Донец при впадении Салтовского ручья
Не обнаружено	Кодковское (Накаток)	Сев. Донец, южнее Салтова на 15 верст
»	Гуминья	Сев. Донец, ниже Кодковского на 5 верст
Чугуев	Чюгуево	Сев. Донец, 4 версты вниз от р. Тетлеги — притока Донца
Эсхар	Кабаново (Кабаково)	Река Уда (при впадении в Донец)
Хорошево	Хорошево	Река Уда
Донецкое (Карачевское)	Донецкое	Там же
Водяное	Нет	»
Мохнач	Мухначево (Мохначево)	Сев. Донец, от Кабакова вниз 5 верст
Змеев	Змеево	Сев. Донец, в устье Можи
Коробовы Хутора	Нет	Сев. Донец, ниже Змеева на 5—6 км
Сухая Гомольша	Комолша	Сев. Донец, при впадении в нее р. Гомольши

⁷ И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне реки Дона. МИА № 62, 1958.

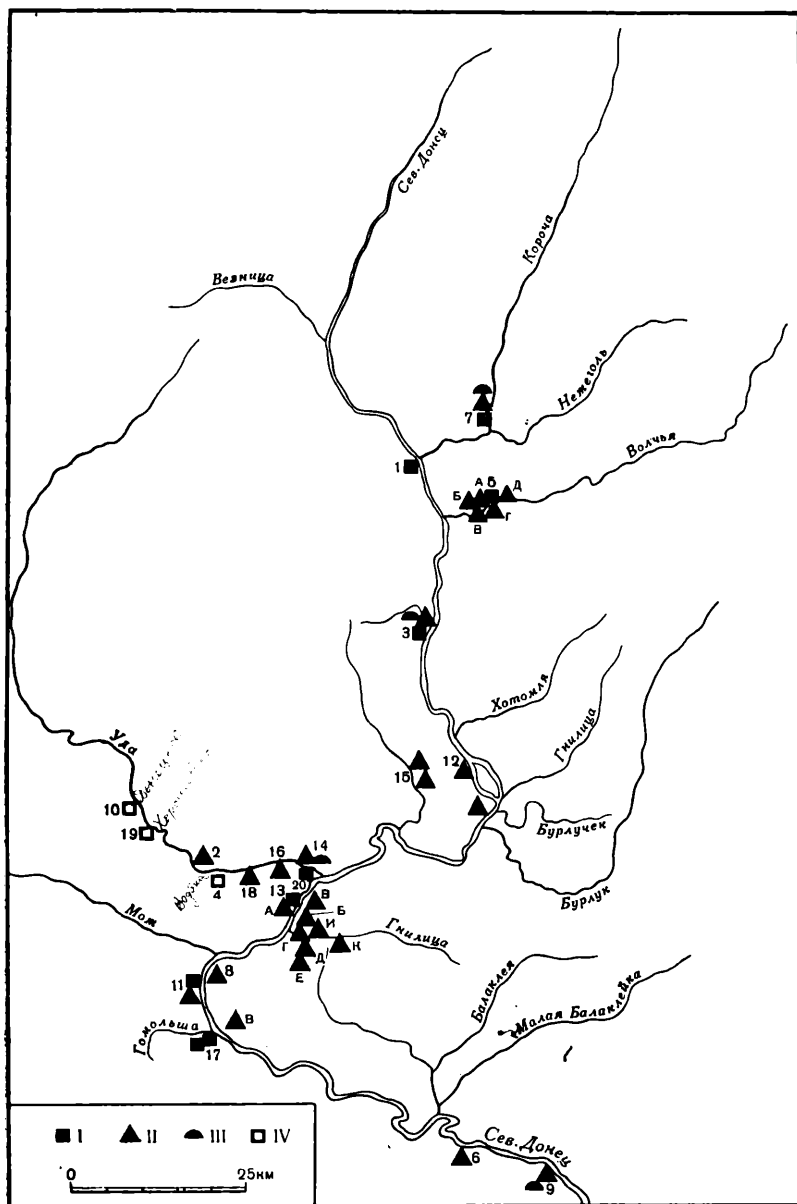

Рис. 2. Схематическая карта расположения средневековых памятников верхьев Северского Донца по материалам разведок.

I — городища; II — селища; III — могильники; IV — славянские городища.

Памятники: 1 — Нежегольское городище с посадом; 2 — селище у с. Васищево; 3 — Салтовское городище с посадом, селище и могильник; 4 — Водяное городище; 5 — Волчанское городище и пять селищ (А, Б, В, Г, Д); 6 — селище у с. Гусаровка; 7 — Дмитровское городище с посадом, селище и могильник; 8 — селище у с. Задонецкое; 9 — селище и могильник у с. Званизмань; 10 — Донецкое городище с посадом; 11 — Коробовы Хутора — городище и селище; 12 — селище у с. Мартовое; 13 — Мохначевское городище с посадом и восемь селищ (А, Б, В, Г, Д, Е, И, К); 14 — селище и могильник у с. Ново-Покровское; 15 — два селища у с. Пятиницкое; 16 — селище у с. Старо-Покровское; 17 — городища Гомольша 1 и 2 с посадом и селищем (В); 18 — селище у с. Терновая; 19 — Хорошевское городище; 20 — городище Эсхар (Кабаново).

Как мы видим из табл. 1, в XVII в. не знали и не использовали 4 известных нам городища — Дмитровское, Волчанское, Водяное, Коробовы Хутора; городища в современных городах Чугуеве и Змеёво полностью уничтожены позднейшими перестройками XVII—XX вв.; городища Кодковское и Гумнинья обнаружить не удалось, хотя местонахождение их указано в «Книге» очень точно. Кодковское должно было быть на 15 верст ниже «Салтановского колодезя». Примерно на этом расстоянии, напротив с. Мартовое, мы обнаружили в пойме правого берега средневековое селище с кухонной и лощеной посудой и амфорами VIII—IX вв. Городище Гумнинья, расположенное, по «Книге», в 5 верстах ниже Кодковского, должно было находиться где-то в районе с. Печенеги. У этого села на высокоом, сильно изрытом и поврежденном в военные годы мысе найдено только несколько мелких обломков амфор и кухонной посуды VIII—IX вв.

Итак, о 4 средневековых городищах, включенных в «Книгу Большому Чертежу», мы не можем уверенно сказать, в какое время они были первоначально сооружены. Одиннадцать городищ со средневековым слоем делятся на 2 типа: 1) с земляными укреплениями (валами и рвами); 2) с каменными укреплениями (остатками каменных стен, валов и рвами).

К первому типу относятся 3 городища — Донецкое, Хорошево и Водяное. Все они подробно охарактеризованы И. И. Ляпушкиным⁸. Городища сооружены славянскими племенами.

Восемь городищ второго типа расположены к востоку или юго-востоку от славянских городищ, на самом берегу Северского Донца или его притоках: Дмитровское (на Короче), Архангельское (Донец), Волчанское (на Волчьей), Салтовское (Донец), Кабаково (устье Уды), Мохначево (Донец), Коробовы Хутора (Донец), Гомольша (устье Гомольши). Характерно, что так же, как и славяне, народ, строивший эти каменные крепости, нередко выбирал для их сооружения скифские городища, находящиеся на высоких труднодоступных мысах. Многослойность всех 11 городищ (включая и 3 славянских) представлена в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Данные о слоях 11 средневековых городищ в верховьях Северского Донца

Слой	Городища										
	Дмитровское	Нежегольское	Волчанское	Салтовское	Кабаково	Хорошево	Донецкое	Водяное	Мохначево	Коробовы Хутора	Гомольша
XVII—XVIII вв.		×		×	×	×	×		×		×
X—XIII вв.							×				
VIII—IX вв.	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×
Скифский	×		×			×	×	×	×	×	

Как мы видим, на всех городищах, упомянутых в «Книге Большому Чертежу», обнаружен слой XVII—XVIII вв.

Городища второго типа с каменными укреплениями можно разделить на 2 вида по степени их укрепленности и по характеру использования: первый вид — с одним или двумя рядами каменных укреплений и валов и культурным слоем; второй вид — с тремя рядами укреплений (и больше) и почти полным отсутствием культурного слоя.

⁸ И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XVI, 1952.

Остановимся сначала на характеристике укреплений, которые на городищах обоих видов одинаковы. Нами сделаны полные или частичные разрезы каменных валов. Наиболее яркую картину постройки дал хорошо сохранившийся вал Мохначевского городища (рис. 3). Основа вала сложена из кусков рыхлого, легко дробящегося розовато-белого известняка различного размера (от 15 до 60 см в поперечнике). На некоторых из них видны следы обработки теслом, шириной около 5 см. Наиболее крупные камни,

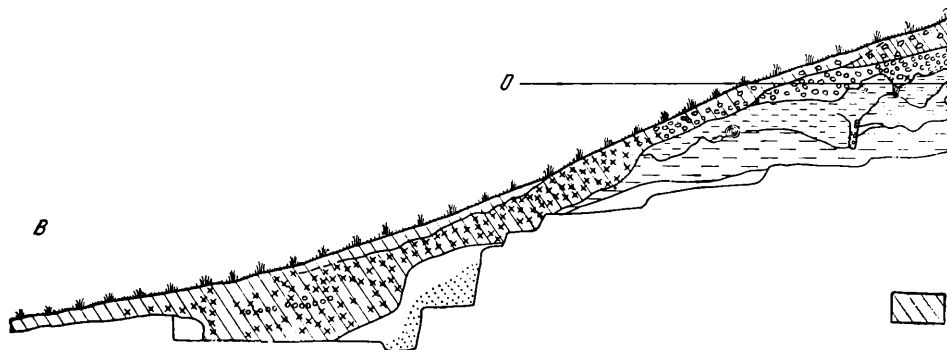

Рис. 3. Разрез вала

1 — культурный слой; 2 — глиняная подушка вала; 3 — выкид из рва;

уложенные всухую по краям основы стены, образуют панцирь, мелкие — насыпаны между ними. С обеих сторон основа укреплена подсыпкой из мелкой щебенки того же камня. Все это сооружение стоит не непосредственно на древней поверхности, а на глиняной подсыпке. С края, у склона глина обожжена и укреплена вмешанной в нее щебенкой. Естественным склонам мыса при строительстве придавали большую крутизну и в них прорывали ровик, что делало почти невозможным подход к стенам.

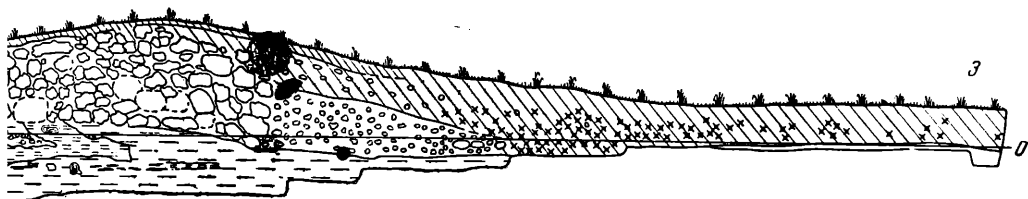
В том случае, когда «Книга Большому Чертежу» сообщает о характере укреплений, авторы подчеркивают только одно их свойство: они каменные. Это говорит о том, что еще в XVII в. на поверхности были видны не только затянутые дерном каменные валы, но и стены. Остатки таких стен из тщательно обтесанных правильных квадров уцелели на знаменитом Маяцком городище в верховьях Дона. При развивавшемся строительстве на Сев. Донце в XVII—XIX вв. все камни городищ были выбраны для хозяйственных нужд пришедшим сюда населением. Поэтому ни на одном из 8 городищ второго типа не сохранилось стен; на большинстве из них даже каменные основания уцелели только в виде россыпей щебенки.

В заключение следует добавить, что камень, употреблявшийся при строительстве оборонительных линий, на всех 8 городищах одинаков и тождественен мохначевскому розовато-белому известняку. Несмотря на обилие меловых гор в верховьях Донца, мы нигде не обнаружили известняка такого оттенка. Вероятно, разработки розового известняка находились в каком-то одном определенном месте, и оттуда его подвозили к стройкам по мере надобности.

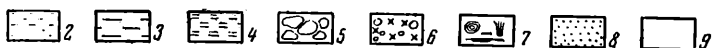
Городища первого вида (второго типа), укрепленные, как говорилось выше, менее тщательно, имеют обычно не больше двух линий обороны. К первому виду относятся Дмитровское, Салтовское, Кабаново (Эсхар), Коробовы Хутора и Гомольша 1 (рис. 4—1—3, 7, 8). Все они расположены на высоких мысах; с напольной стороны были каменный вал и ров. Вал идет

также вокруг городища вдоль крутых склонов. С напольной стороны он, как правило, прорезан воротами — проемом шириной 3—5 м. Ров напротив ворот пересекает земляная, сильно оплывшая перемычка. Нередко въезд был расположен наискось, подвергаясь контролю и обстрелу с одной из приворотных башен (например, на Дмитровском).

При недостаточной естественной укрепленности мыса воздвигались не одна, а две линии обороны, т. е. два концентрических рва и два каменных

20 0 20 60 100 140 180 см

Мохначевского городища.

1 — речья глина; 2 — камни; 3 — мелкие камни, щебень; 4 — дерево; 5 — песок; 6 — материк.

вала или, вернее, две стены. Обе линии располагались близко друг от друга; внутренний ров был как бы углубленным проемом между стенами. С напольной стороны к городищу в большинстве случаев примыкало большое селище — посад. Если городище располагалось на бывшем скифском, то посад был окружен скифским валом, и площадь селища никогда не превышала размеров скифского городища; если же такого вала не было, то посад обычно оставался не защищенным.

На поверхности городищ, почти всегда сильно задернованной, встречается некоторое количество средневековых находок — обломков амфор, лошенок и кухонной посуды VIII—IX вв. Правда, мощность культурного слоя сравнительно невелика — не больше 0,4 м. Материалом он насыщен слабо. Тем не менее очевидно, что городища первого вида были жилыми, обитаемыми с древности поселками.

Городища второго вида укреплены несколькими линиями обороны, расчленяющими площадку на части. Ко второму виду относятся 4 городища — Нежегольское, Волчанское, Мохначевское, Гомольша 2 (рис. 4—4—б, 8). Все они с напольной стороны укреплены глубоким ровом и мощным валом, а иногда — двумя. На Нежегольском и Мохначевском городищах к обоим концам напольного вала примыкает вал или основание стены, окружавшей городище со стороны склонов.

Круглую площадку Волчанского городища, расположенную на мысе с пологими склонами, защищают, помимо двух напольных валов, три концентрических вала. На остальных 3 городищах внутренние валы и рвы не окружают со стороны склонов, а расчленяют площадку. Конструкция внутренних укреплений такая же, как и внешних; только они значительно меньших размеров и потому сохранились много хуже. На Нежегольском, например, уцелели только широкая вымоина на месте рва и кусочки щебня вдоль нее. На Мохначевском прослежены три внутренних преграды, разделяющих городище на 4 части. Первая (считая с напольной стороны) уцелела

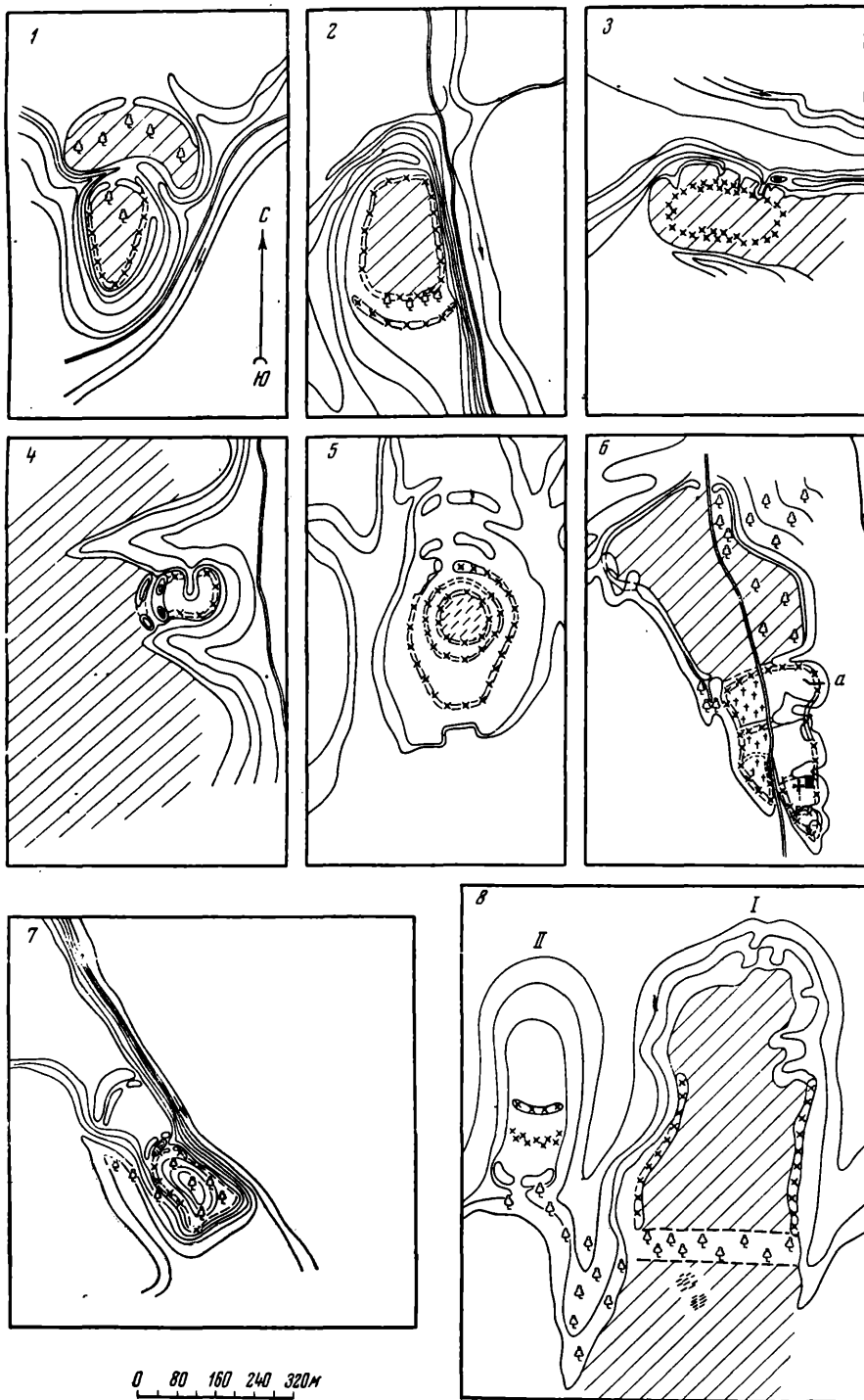

Рис. 4. Планы городищ с остатками каменных укреплений.

1 — Дмитровское; 2 — Салтовское; 3 — Кабаново (Эсхар); 4 — Нежегольское; 5 — Волчанское; 6 — Мохначевское (а — разрез вала); 7 — Коробовы Хутора, городище; 8 — Гомольша (I — Гомольша 1, II — Гомольша 2).

в западной части — это неглубокий ров и вал, аналогичный внешнему; восточная часть первой линии разрушена огромным оврагом, образовавшимся при размывании рва весенними водами. Вторая и третья линии прослежены только на восточной половине городища; западная, отделенная глубоким карьером — оврагом на месте въезда, нарушена в настоящее время кладбищем. Такое деление на две части дорогой-въездом встречено лишь на одном из 7 городищ. Интересно, что со стороны въезда склоны очень крутые; въезд весь простреливался со стен, которые были построены по краям склонов.

Рвы второй и третьей линии, как и первой, размываются внешними водами и превращаются теперь в глубокие овраги. Кроме оврага и небольшого всхолмления на краю его, от второй линии никаких внешних признаков укреплений обнаружить не удалось. При подчистке склона со стороны въезда выявлен разрез заплывшего до краев неглубокого и неширокого рва (глубина — 1,5 м, ширина — 2,5 — 3 м). Третья линия открыта при шурфовке крайней оконечности мыса, где обнаружен ров (ширина — 3 м). По внутреннему краю этого рва найдены кучи мелких камней (бело-розового известняка) и щебенки. В заполнении рва попадались, в отличие от остальной площади городища, довольно много керамики VIII—IX вв., причем не только типичной салтово-маяцкой, но и роменской (лепной). На дне рва встречены обломки исключительно салтово-маяцкой керамики (в основном лощенной — парадной и амфор), большой нижней каменный жернов и кости животных (преимущественно лошади). Продолжать раскопки на мысе было нецелесообразно, — весь он изрезан многочисленными могилами XVII—XIX вв. Северная часть Мохначевского городища, непосредственно примыкающая к посаду, вероятно, была заселена. Выяснить это из-за позднейших перекопов не удалось, но находки обломков посуды VIII—IX вв. свидетельствуют о том, что на северной площадке был жилой культурный слой. Это обстоятельство отличает Мохначевское городище от «чистых» — Волчанского и Нежегольского, на которых почти не было средневекового слоя, а подъемный материал исчисляется несколькими мелкими обломками посуды.

Последнее из городищ второго вида — Гомольша 2 находится рядом с Гомольшей 1, относимой нами к первому виду, и расположено на длинном, узком и высоком мысе, с напольной стороны огражденном глубоким, переходящим в овраг, рвом и высоким валом. Внутренняя территория была расчленена двумя каменными стенами, от которых остались россыпи щебенки. Культурного слоя нет.

По существу Гомольша 1 и 2 представляют собой единый комплекс типа Мохначевского «комбинированного» городища. Соседний мыс был занят только потому, что на большом городище (Гомольша 1) не было подходящей площадки для специального укрепления. Отсутствие культурного слоя означает, что городища второго типа, в отличие от первого, не были обычными обитаемыми поселками. Роль этих небольших, хорошо укрепленных площадок пока загадочна. Для разрешения вопроса необходимы раскопки, без которых любое предположение может быть только более или менее убедительной гипотезой.

II. Местное население в VIII—IX вв., во времена существования каменных городищ, жило не только в укрепленных поселках, но чаще всего на неукрепленных селищах. Нам известны 3 типа неукрепленных поселений: 1) расположенные рядом с городищем, примыкающие к его валам, — селища-посады; 2) группирующиеся вокруг городища; 3) селища, совершенно не связанные с городищами.

Селища-посады, как отмечалось, превышают размерами самые городища, и соотношение их площадей для городищ первого типа примерно равно 1 : 2, а второго типа — 1 : 3, 1 : 5, 1 : 7.

В отличие от городищ, где находок бывает очень мало, на селищах подъемный материал очень обилен, причем преимущественно это керамика. Объясняется это не только тем, что селища были гуще заселены, но и тем, что в наши дни они обычно активно распахиваются. Нередко на пашне видны серые пятна — средневековые зольники, в которых сосредоточивается большинство находок (например, на посаде у городища Гомольша 1)⁹.

Кроме посада, поблизости от городища нередко обнаруживаются еще одно или несколько селищ. Они располагаются и на высоком, и на низком берегах реки, но всегда в местах с доступными подходами к воде.

Как и городища, встречаются однослойные и многослойные селища. Однослойные всегда расположены в менее удобных для жизни местах, чем обжитые в течение многих веков — многослойные. Чаще всего попадаются двуслойные селища — средневековые и скифские, реже — трехслойные: средневековые, скифские и селища эпохи бронзы или неолита. Иногда они перекрываются слоем XVII—XVIII вв. или XIX—XX вв. (см. приложение 1).

Размеры селищ обыкновенно очень значительны: длина вдоль берега реки доходит до 1 км, ширина — до 200—300 м. Почти все селища распахиваются. Культурный слой разрушается нередко до материка; поэтому на поверхности мы встречаем находки не только верхнего, но и нижних напластований. Зольные кучи обычно также разрушаются пахотой, а жилища, врезанные в материк полуземлянки, в большинстве случаев сохраняются. Иногда толщина культурного слоя на многослойных селищах достигает 1—1,5 м, на однослойных — средневековых — 0,15—0,3 м. Находок керамики на поверхности, особенно на пашнях, очень много.

К последнему типу мы отнесли селища, не связанные с городищами, находящиеся далеко от каких-либо известных нам городищ. Они всегда расположены на берегах рек или ручьев. Размеры их примерно равны размерам селищ второго типа. Среди них также преобладают многослойные.

Систематических раскопок на поселениях верховьев Северского Донца или хотя бы на одном из них еще не было; тем не менее при рекогносцировочных раскопках получен некоторый материал, по которому можно судить о жилищах и хозяйственных постройках здесь в VIII—IX вв. Жилища — прямоугольные полуземлянки с округленными углами, углублены в материк на 1—1,5 м. В углах и по центральной линии у стенок врывали столбы для поддержания досчатых или плетневых стен и двускатной крыши. Вход в жилище не вырезался в грунте. Размеры землянок: 2,5—3,5 × 3,5—4,5 м. В центре жилья находился очаг — небольшое круглое углубление в полу (диаметр — 0,6 м, глубина — 0,1 м). Нередко на полу прослеживаются вокруг очага пятна от врытых в материк тонких столбиков (плетневой загородки), а вдоль стен — ямки от нар или лавок.

Рядом с полуземлянками всегда располагались одна или несколько хозяйственных ям; заполнены они рыхлым культурным слоем, насыщенным черепками битой посуды. Вероятно, большая часть ям из хозяйственных превращалась со временем в мусорные. Форма их колоколовидная (размеры: глубина — 1—1,5 м; диаметр дна — 1,2—1,5 м, устья — 0,8—1 м). На дне и стенках заметны следы обмазки плотной материковой глиной, смешанной с резаной соломой, а также остатки сгнивших или сгоревших досок перекрытия.

Жилища и ямы, аналогичные описанным, известны на всех раскопанных памятниках так называемой салтово-маяцкой культуры Подонья (на Маяцком городище, на хуторе Карнаухово, Суворовском городище, в Саркеле

⁹ Аналогичные им зольники — древние мусорные кучи попадают на многих салтово-маяцких поселениях VIII—IX вв. См. И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры...

и некоторых других). О сходстве их с одновременными славянскими жилищами писал И. И. Ляпушкин¹⁰. Единственным существенным отличием служат очаги: в славянских полуземлянках сооружались вырезанные в материке или сложенные из камня печи (в углу), в салтово-маяцких жилищах — только очаги (ямка в центре пола).

Основной материал, получаемый при разведках и раскопках, — керамика; украшения (бусы, перстни), орудия труда (серпы, жернова, пряслица, ножницы и др.) попадают значительно реже. Подробный анализ материалов салтово-маяцкой культуры Подонья, взятых с поселений и из могильников, сделан И. И. Ляпушкиным¹¹. Мы остановимся только на описании некоторых видов посуды и на частном вопросе о распространении керамики салтово-маяцкой культуры в верховьях Северского Донца.

Наиболее часто встречающаяся глиняная посуда на поселениях кухонная — для приготовления и хранения пищи. Помимо хорошо известных сероглиняных кухонных горшков с примесью кварцевого песка в глине, украшенных линейным и линейно-волнистым орнаментом по тулову, на поселениях Северского Донца встречаются два вида керамики, отличающиеся грубостью выделки и теста. К первому из них относятся сделанные на ручном гончарном круге горшки из теста с обильной примесью крупнодробленого шамота (рис. 5). Высота сосуда — 0,3—0,4 м, толщина стенок достигает иногда 1,5 см, а толщина дна — 3—5 см. Обжиг очажный, неровный, желто-серо-оранжевый. Это яйцевидные сосуды с почти прямым венчиком и плоским дном. В ряде случаев они приближаются по очертаниям тулова к славянским конусовидным с крутыми плечиками. Венчик украшен насечками или гребенчатым штампом. Тулово покрывалось нанесенным плоскозубым штампом (или узкой щепочкой) линейным орнаментом; на некоторых горшках он пересечен продольными полосками. Волнистый орнамент встречается крайне редко, иногда он нарочито проведен поверх линейного. Выделка горшков и нанесение орнамента крайне небрежны, неумелы: линии неровные, прерывающиеся; стенки — различной толщины; донца нередко имеют вид уродливых налепов. Употреблялись горшки обыкновенно для хранения пищи и только изредка использовались для варки ее; в последнем случае низ их сильно перегорал от углей в очаге. Следует отметить, что, несмотря на характерные для гончарного круга следы на поверхности, очевидно, некоторые сосуды изготовлены от руки и только слегка подправлены на круге.

Аналогий сосудам первого вида нет в материалах ни одной из известных нам одновременных культур. Однако, несомненно, эти сосуды сходны с типичной кухонной посудой салтово-маяцкой культуры — яйцевидными и шарообразными горшочками, украшенными линейно-волнистым орнаментом, и со славянскими — роменскими горшками, изготовленными из теста с примесью шамота.

Нам представляется, что описанная посуда указывает на смешение двух влияний на материальную культуру населения Северского Донца. Вероятно, об этом же свидетельствуют находки на некоторых поселениях обломков горшков и типично салтово-маяцких, и типично славянских, лепных (например, на городище и селище А у с. Мохнач; см. рис. 5—7).

Второй вид представлен яйцевидными горшками, сделанными из теста с примесью более или менее крупной дресвы. Выработка (на ручном гончарном круге) тщательная, стенки тонкие (не толще 8 мм); орнамент по венчику — насечка или штамп, по тулову — линейный, линейно-пересеченный или вертикальные полоски. Иногда от венчика круто отгибается к плечу ручка (рис. 6—8).

¹⁰ И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры...

¹¹ Там же.

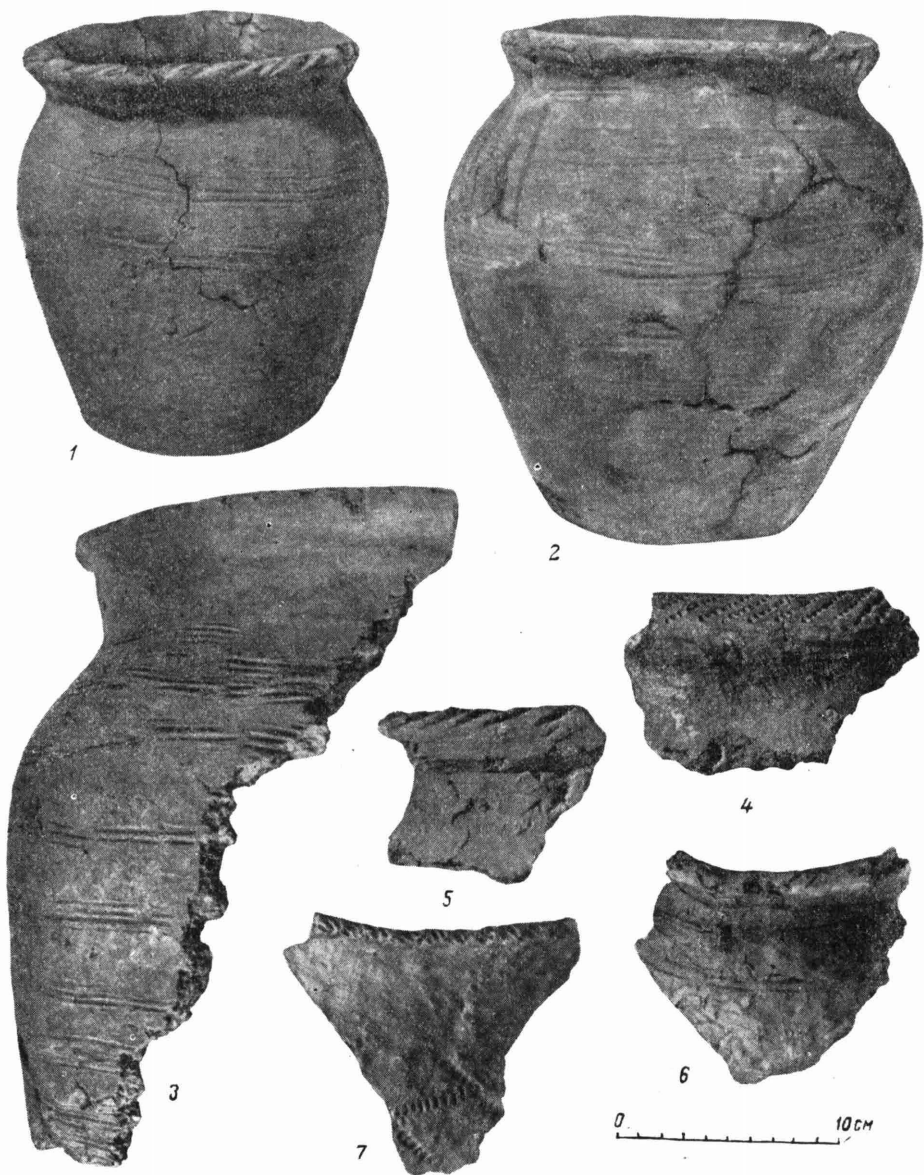

Рис. 5. Грубая кухонная посуда с примесью шамота в тесте (первый вид).
 1, 2 — горшки с селища у с. Дмитровское; 3—6 — фрагменты горшков с разных поселений; 7 — обломок
 роменского горшка с Мохначевского городища.

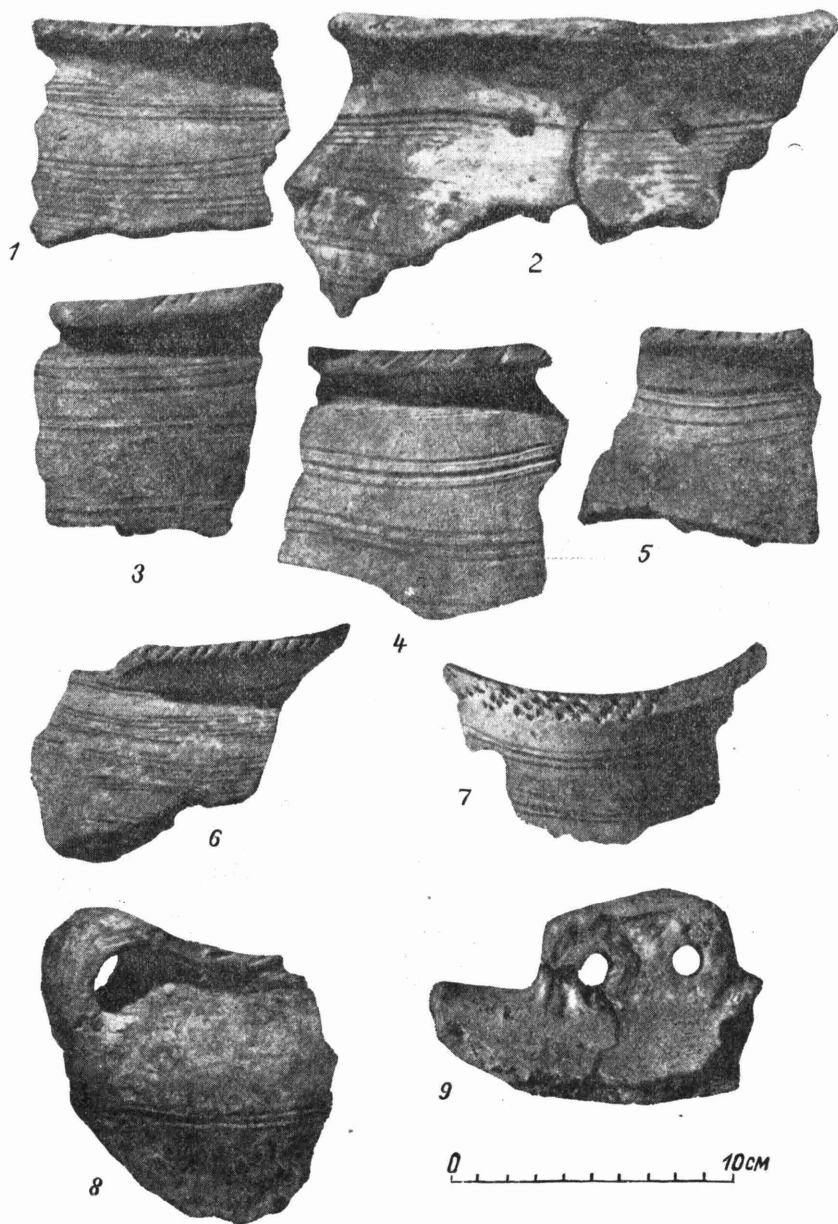

Рис. 6. Кухонная посуда с примесью дровы в тесте (второй вид).

1—8 — фрагменты сосудов; 9 — внутренняя ручка от котла.

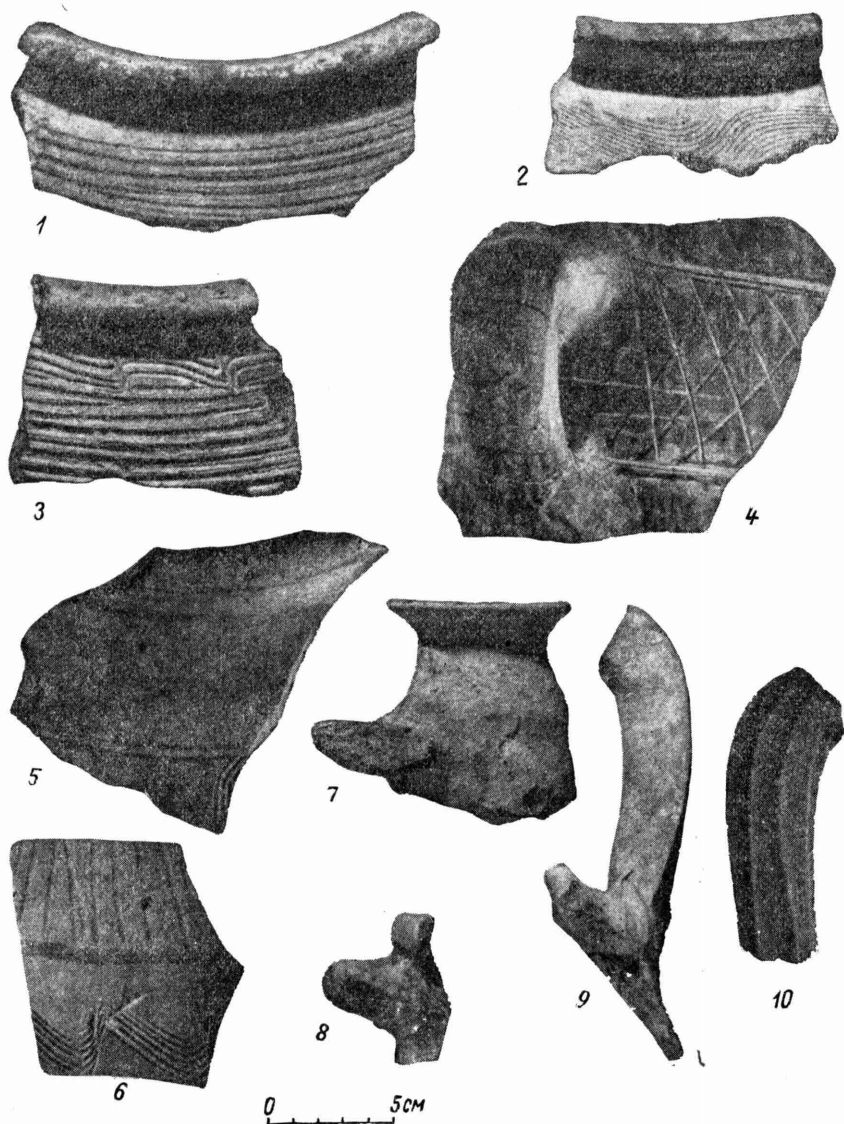

Рис. 7. Различная керамика с городищ и селищ верховьев Северского Донца.

1—3 — кухонная посуда с примесью песка в тесте; 4—6 — лощеная керамика;
7—10 — фрагменты амфор.

Кухонная керамика второго вида, в отличие от первого, в большом количестве встречается в могильниках (в катакомбах Салтовского и Дмитровского могильников). Для нас особенно важен тот факт, что она представлена там целыми сосудами, на поселениях же находят только мелкие обломки¹². Примерно пятая часть всех обнаруженных в могильниках сосудов этого вида — лепные от руки, повторяющие формы сосудов, изготовленных на гончарном круге. То же соотношение прослеживается и при подсчете фрагментов, собранных на поселениях. Ближайшие аналогии этой

¹² Небольшие раскопки Дмитровского могильника в 1957 г. очень полно представили комплекс кухонной керамики второго типа.

керамики известны на Северном Кавказе в ранне- и позднеаланских памятниках (от VIII до XII вв.)¹³.

Кухонная керамика (первого и второго видов) — наиболее массовый подъемный материал на поселениях в верховьях Северского Донца.

Основываясь на данных, полученных при подсчете только подъемного материала, трудно говорить о точных процентных взаимоотношениях различных видов керамики на поселении; тем не менее подсчеты керамики, собранной нами в памятниках с хорошо сохранившимся, хотя и перепаханым культурным слоем, показали, что различные виды и типы сосудов распространены на поселениях далеко не равномерно (см. приложение 2). На Мохначевском городище и Пятницких селищах преобладает кухонная посуда первого вида (с шамотом в тесте).

На Дмитровском и Салтовском городищах и селищах, на Волчанских и Нежегольском селищах, оба вида керамики встречены примерно в одинаковой пропорции. Городище и селище на Гомольше отличаются от остальных аналогичных комплексов преобладанием хорошей кухонной керамики с линейно-волнистым орнаментом по стенкам; в тесте — примеси крупного речного песка (рис. 7—1—3). Реже попадают черепки грубых сосудов первого и второго видов (тесто с дресвой.) Та же картина наблюдается на селище у с. Задонецкого, расположенного севернее Гомольши на 10 км. Выше по Донцу, на Мохначевском городище количество этой керамики снижается до 10—12% всей массы кухонной посуды, а в самом северном памятнике верховьев Донца — на селище у с. Дмитровского черепки этих сосудов исчисляются единицами. Изредка на поселениях встречаются лепные внутренние ручки от сосудов (рис. 6—9), аналогичных, по-видимому, котлам с внутренними ушками, известных по материалам Саркела, Гмутааракани, Абобы-Плиски и другим хазаро-болгарским памятникам VIII—X вв.

Лощеная парадная посуда черного и желтого обжига (обломки кувшинов, кружек, горшочков, пифосов) на всех поселениях распространена сравнительно равномерно — 10—20% всей керамики (рис. 7—4—6).

Обломки амфор VIII—IX вв. (рис. 7—7—10) в большом количестве встречаются на городищах и селищах-посадах. Значительно меньше их на селищах, отдаленных от городищ (см. приложение 2). Очевидно, большинство тарной привозной керамики попадало в укрепленные поселки, которые в VIII—IX вв. были, вероятно, не только крепостями, но и торговыми центрами.

* * *

Памятники бассейна верховьев Северского Донца — это памятники достаточно известной уже салтово-маяцкой культуры. В своих работах, посвященных салтово-маяцкой культуре Подонья и Приазовья, И. И. Ляпушкин¹⁴ и Н. Я. Мерперт¹⁵ обоснованно разделяют ее на два варианта — северный и южный. Северные памятники, распространенные в верховьях Сев. Донца и Дона, оба автора связывают с аланами, южные — нижнедонские и приазовские — с болгарами. Помимо различий в типе поселений, каждый из вариантов характеризуется особым погребальным обрядом: первый — каткомбным, второй — ямным.

¹³ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. СА, 1959, № 2.

¹⁴ И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры...

¹⁵ Н. Я. Мерперт. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957.

В верховьях Дона известно несколько аналогичных северодонецким «каменных городищ» — Маяцкое¹⁶, Дмитровское (или Алексеевское)¹⁷, Ольшанское¹⁸. Маяцкое городище — такой же классический памятник этой культуры, как и Салтовский катакомбный могильник. Таким образом, вся культура в целом получила название от двух памятников, относимых исследователями к северному варианту салтово-маяцкой культуры. Нам представляется, что правильнее было бы называть салтово-маяцкой только северную группу памятников, т. е. культуру, характеризующуюся «каменными городищами», подобными Маяцкому, и катакомбными могильниками, подобными Салтовскому. Южный вариант, этнически достаточно определенный, можно называть болгарским или праболгарским.

Поселения верховьев Северского Донца, как и вся средневековая культура этого района, — наиболее исследованная область салтово-маяцкой культуры. Может быть, поэтому кажется, что эта область была в древности заселеннее и богаче других районов, где встречаются памятники, аналогичные северодонецким (верховья Дона и Оскола). В то же время лучшая изученность помогла установить более или менее точные границы распространения этой культуры на северо-запад.

Дмитровские городище, селище и могильник на р. Короче — самый северный салтово-маяцкий комплекс этого района. Как мы видим, с запада по р. Удье славянские поселения вплотную подходят к салтово-маяцким. У Кабанова городища, на левом берегу р. Уды, Ю. В. Кухаренко в 1949 г. раскопал славянский могильник с 21 трупосожжением и 2 комплексами вещей, аналогичных вещам из погребений Салтовского и подобных могильников VIII—IX вв.¹⁹ Близость могильника к одному из салтово-маяцких

Средневековые селища в верхо

Время	Посады					Селища рядом											
	Дмитровское	Нежегольское	Салтовское	Мохначевское	Гогольша	Дмитровское	Волчанское				Салтовское	Кабаново					
							А	Б	В	Г		Д*	Старо-Покровского	Ново-Покровского			
XX в.			×														
XVII—XVIII вв.		×	×	×		×	×	×	×	×							
VIII—IX вв.	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×		×				×	
Скифское время	×			×													
Эпоха бронзы																	
Неолит																	

*, ** Буквы — условные обозначения селищ, обнаруженных разведкой в 1954 г.

¹⁶ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, СПб., 1911.

¹⁷ Архив ЛОИИМК, № 202/1926, 208/1927.

¹⁸ Там же, № 208/1927.

¹⁹ Ю. В. Кухаренко. О некоторых археологических находках на Харьковщине. КСИИМК, вып. XLI, 1951.

городищ и находка на нем салтово-маяцких вещей комплексов свидетельствуют о близком сожительстве и вероятном смешении в этом районе двух народов и двух культур. О том же можно судить по находкам роменской керамики у с. Мохнач и, наконец, по некоторым чертам славянской культуры, прослеженным в культуре донецких городищ и селищ: по строительству городищ на высоких мысах, форме жилищ — прямоугольных полуземлянок, керамике с примесью шамота в тесте.

Тем не менее культура «каменных городищ» в целом резко отличается от славянской. Существование, наряду с городищами, открытых больших селищ, катакомбный погребальный обряд, керамика, оружие, предметы быта и украшения — все связывает культуру верховьев Северского Донца с одновременными ей болгарскими, аланскими и хазарскими памятниками Нижнего Подонья, Приазовья и Северного Кавказа.

Связи с юго-востоком, с Хазарским каганатом нашли, как мне кажется, отражение в одной из записей «Книги Большому Чертежу», в которой говорится о функционировании еще в XVII в. большого Каганского перевоза через Донец: «А ниже Гумниня на Донце Каганской перевоз, от Гумниня верст з 5...»²⁰ Перевоз врезался в центр земли «каменных городищ» верховьев Донца — это был путь каганских чиновников по сбору дани в густонаселенную, богатую землю. Возможно также, что на расположенном вблизи от этого перевоза Кабановом (или, в иной транскрипции, — Кагановом) городище жил хазарский правитель области — тудун²¹. Впрочем, вопросы взаимоотношений местного населения с соседями и каганатом можно будет разрешить лишь после больших раскопочных работ на ряде памятников салтово-маяцкой культуры не только в бассейне верховьев Донца, но и на Осколе и Дону.

Приложение 1

вьях Северского Донца

с городищами										Селища без городищ							
Мохначевское								Короповы Хутора	Гомельша В	Пятницкое		Васищево Г	Терюва	Задонецкая	Гусарова	Залиманье	Марговое
А	Б	В	Г	Д	Е	И	К**			1	2						
×										×							
×	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×	
	×	×		×	×		×	×	×	×	×		×			×	
		×		×	×			×		×	×		×				

²⁰ «Книга Большому Чертежу», стр. 71.

²¹ О связях и политической зависимости населения Северского Донца от каганата писал М. И. Артамонов в работе «Саркел и некоторые другие укрепления в Северо-Западной Хазарии» — СА, VI, 1940.

Количество обнаруженной керамики (в процентах)

Памятники	Кухонная керамика				Лощеная керамика	Амфоры
	Вид 1	Вид 2	с песком в тесте	с внутренними ушками		
Дмитровское городище и посад	20	20	—	—	20	40
Дмитровское селище	38	28	1	1 фрагмент	18	15
Салтовское городище	25	7	—	—	8	60
Пятницкие селища 1 и 2	40	28	2	—	15	15
Кабаново городище	3	—	—	—	7	90
Волчанские селища	40	30	1	—	9	20
Нежегольское (посад)	32	22	1	—	15	30
Мохначевское городище	20	15	10	—	15	40
Мохначевские селища	50	10	12	—	13	15
Задонецкое селище	—	25	60	—	5	10
Коробовы Хутора, городище	10	25	1	—	24	40
Гомольша, городище и посад	2	8	15	2 фрагмента	25	50
Гусаровка, селище	—	—	55	—	30	15
Залиманье, селище	—	—	60	—	30	10

Приложение 3

Населенные пункты, близ которых расположены поселения

VIII—IX вв. в верховьях Северского Донца
(по материалам разведок)

1. Село Архангельское, Шебекинский район, Белгородская область. Нежегольское городище с посадом.
2. Село Васищево, Чугуевский район, Харьковская область. Селище.
3. Село Верхний Салтов, Салтовский район, Харьковская область. Салтовское городище с посадом, селище и могильник.
4. Село Водяное, Змиевский район, Харьковская область. Водяное городище.
5. Город Волчанск, Волчанский район, Харьковская область. Волчанское городище и 5 селищ.
6. Село Гусаровка, Балаклейский район, Харьковская область. Селище.
7. Село Дмитровское (деревня Добрая), Шебекинский район, Белгородская область. Дмитровское городище с посадом, селище и могильник.
8. Село Задонецкое, Змиевский район, Харьковская область. Селище.
9. Село Залиманье, Балаклейский район, Харьковская область. Селище, могильник.
10. Село Карачевка, Харьковский район и область, урочище Донецкого городище. Городище с посадом.
11. Коробовы Хутора, Змиевский район, Харьковская область. Городище и селище.
12. Село Мартово, Печенежский район, Харьковская область. Селище.
13. Село Мохнач, Змиевский район, Харьковская область. Мохначевское городище с посадом и 8 селищ.
14. Село Ново-Покровское, Чугуевский район, Харьковская область. Селище и могильник.
15. Село Пятницкое, Чугуевский район, Харьковская область. Два селища.
16. Село Старо-Покровское, Чугуевский район, Харьковская область. Селище.
17. Хутор Сухая Гомольша, Змиевский район, Харьковская область. Городища Гомольша (Комолша) 1 и 2, посад и селище.
18. Село Терновая, Чугуевский район, Харьковская область. Селище.
19. Село Хорошево, Харьковский район и область. Городище.
20. Эсхар (Харьковская электростанция), Чугуевский район, Харьковская область. Кабаново городище (Эсхар).

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Э. А. СЫМОНОВИЧ

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ ЛОМОВАТОЕ 2

В 1956—1957 гг. раскапывались поселения черняховской культуры Ломоватое 1 и Ломоватое 2 (Черкасского района, Черкасской области), отстоящие в 800—900 м одно от другого¹.

Поселение Ломоватое 2 расположено на краю первой надпойменной террасы над одним из притоков р. Плоской — протока р. Днепра, в 2 км от последнего. Памятник обнаружен разведками нашего отряда в 1956 г., когда поступили сведения о местных жителей о случайных находках человеческих захоронений в восточной, прибрежной части с. Ломоватое; здесь были заложены 8 шурфов (2 × 1 м) и произведено 5 зачисток обрыва берега и борта современного рва. В восточной зачистке (№ 5) обнаружена обширная яма, содержащая в заполнении керамику эпохи полей погребений — черняховского типа и череп человека (без нижней челюсти) от разрушенного погребения.

В 1957 г. этот участок был исследован. Поселение оказалось многослойным: под слабо насыщенным находками слоем XIII—XIV вв. залежали остатки поселения первых веков нашей эры. Культурный слой достигал мощности 0,8—1 м. В нижних его пластах иногда встречались обломки посуды эпохи бронзы и найден двуперый кремневый наконечник стрелы, выполненный в технике отжимной ретуши. Однако четко выраженного слоя, относящегося к эпохе бронзы, не было. Возможно, что эти разрозненные находки объясняются близостью курганной группы, расположенной в 200 м от обрыва берега (хорошо сохранились 3 курганных насыпи), или, еще вероятнее, тем, что на территории поселения встречались грунтовые захоронения, датируемые эпохой поздней бронзы. Остатки 3 погребений найдены на разных участках поселения, что не позволяет считать их связанными с каким-то разрушенным курганом; одно из них было сильно повреждено ямой первых веков нашей эры и современной ямой, тем не менее позу и ориентировку погребенного удалось установить. Скелеты во всех 3 захоронениях сильно скорчены, ориентированы головой на юго-запад. В погребении 1 перед черепом стоял лепной сероглиняный горшок с пологими плечиками, украшенный под венчиком ногтевыми вдавлениями; этот сосуд позволяет отнести захоронения к эпохе поздней бронзы.

¹ Работы проводила новостроечная Кременчугская раннеславянская экспедиция Института археологии АН УССР (нач. экспедиции М. Ю. Брайчевский). В работах Ломоватовского отряда (начальник отряда — Э. А. Симонович) принимали участие лаборанты Г. А. Политова и Г. А. Шихалева. См. Э. А. Симонович. Раскопки раннечерняховского поселения у с. Ломоватое. КСИА, вып. 8, 1958.

На поселении Ломоватое 2 было заложено 5 небольших раскопов по краю берега, рядом с зачисткой № 5 (1956 г.). За 2 года работ вскрыта площадь 226 кв. м.

В раскопах прослежено 19 хозяйственных ям. Все они, за исключением одной (№ 10), были выкопаны в первые века нашей эры. У ям обычно плоское дно и почти вертикальные или конически расширяющиеся книзу стенки. В заполнении встречались обломки костей животных и фрагменты гончарной и лепной керамики черняховского типа. Наиболее интересны находки в яме № 2 (диаметром 1,8 × 1,45 м, с расширяющимися книзу стенками). Здесь найдены: обломок края лепного сосуда баночной формы (рис. 8—5), черепки гончарных сероглиняных горшков (рис. 8—6), фрагменты толстостенных днщ и стенок гончарных корчаг для хранения запасов (рис. 8—12), куски биконических гончарных лощеных мисок из отмученной глины (рис. 8—8), из которых одна украшена косыми каннелюрами по грани перегиба тулова, а другая — лощеным зигзагом по плечикам. Там же обнаружены обломок глиняного рыболовного грузила конической формы и маленький фрагмент стекла. Однако самой интересной и важной для датировки поселения находкой в яме № 2 была верхняя часть узкогорлой амфоры с нечетко сформованным венчиком и ребристыми ручками, желтоватого цвета. На шейке и плечиках ее сохранилась двустрочная греческая надпись, выполненная красной краской (рис. 9—5а, 5б).

Найдены также обломки амфор и в других (обычно неглубоко впущенных в материк) ямах черняховского времени. Кроме того, обломки узкогорлых амфор встречены и в культурном слое поселения (рис. 8—2, 4).

Подсчеты керамики, найденной на 3 раскопках (самых больших), дают стабильные соотношения групп. На первом месте — грубая гончарная посуда (от 41 до 49%), на втором — лепная керамика (28—38%); третье место занимает гончарная лощеная посуда (14—18%) и последнее — фрагменты амфор (2—4%). Подавляющее большинство обнаруженных на поселениях обломков лепной посуды принадлежит к однотипным горшкам почти цилиндрической формы, с краем, чуть выделенным отгибом. Интересны сосуды из глины с большой примесью песка и шероховатой поверхностью, украшенные по краю венчика вдавлениями пальца (рис. 8—1). Подобная орнаментация хорошо известна для скифского и зарубинецкого времени. Реже встречаются обломки лепных горшков с пологими плечиками и краем в виде раструба. Гончарные горшки из серой глины с примесью песка имели более или менее крутые плечики и разнообразно профилированные венчики (рис. 8—3). Орнаментированы они только врезанными линиями и валиками. У дна сосудов часто заметны щербины. Характерны обломки толстостенных (из грубой глины) сосудов для хранения запасов. Они орнаментированы чередующимися прямыми и волнистыми врезанными линиями (рис. 8—12).

На поселении найдены разнообразные миски — биконические, закрытые и открытые, тарелкообразные, лощеные, из глины без примеси песка, изготовленные на гончарном круге; все они преимущественно серого, реже черного цвета (рис. 8—8, 11, 13). Обнаружены обломки больших трёхручных биконических мисок (рис. 8—10). Многие миски орнаментированы валиками, пролощенной сеткой и зигзагом по матовой полосе под венчиком, сплошь залощенными треугольниками и параллельными рядами лощеных линий, идущих «в елочку» (они, например, покрывали широкий горизонтальный венчик некоторых трёхручных мисок; рис. 8—7, 9, 10, 14). Кроме того, в культурном слое встречены глиняные цилиндрические и биконические пряслица. Обнаружены обломки железных ножей (рис. 9—4) и бронзовые вещи: игла от фибулы с частью многовитковой пружины и массивный браслет с расширяющимися, прямо срезанными концами, украшенными тройными параллельными врезами в виде «елочки» (рис. 9—1).

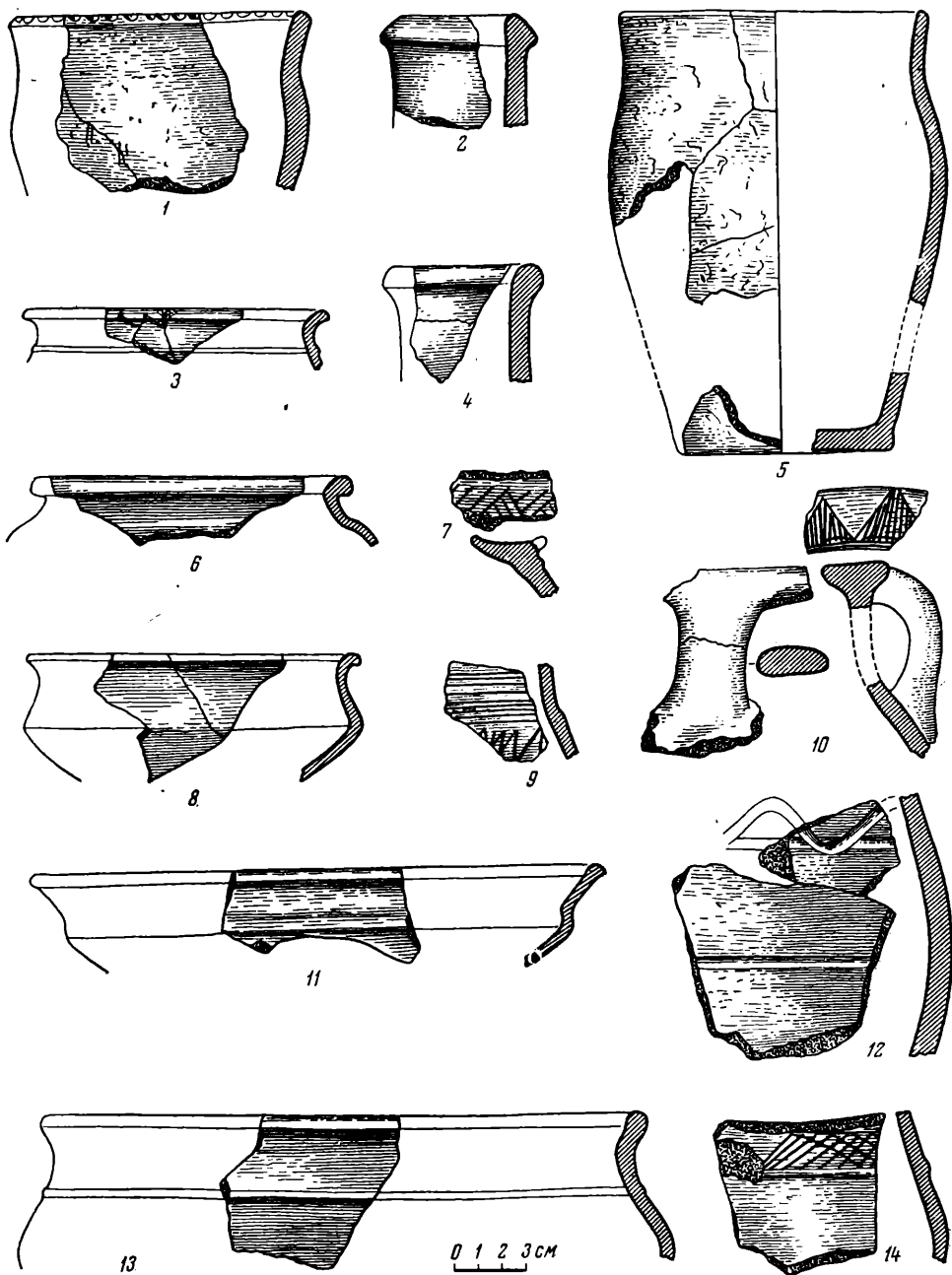

Рис. 8. Поселение Ломоватое 2. Керамика, относящаяся к черняховской культуре.
 1, 5 — лепная; 2, 4 — фрагменты амфор; 3, 6—14 — гончарная местная посуда.

Браслет был, видимо, согнут так, что концы его зашли один на другой. В таком виде его нельзя было надеть даже на детскую руку.

Судя по комплексу находок, поселение существовало в III в. н. э. и, может быть, в начале IV в. н. э. Показательны в этом отношении обломки

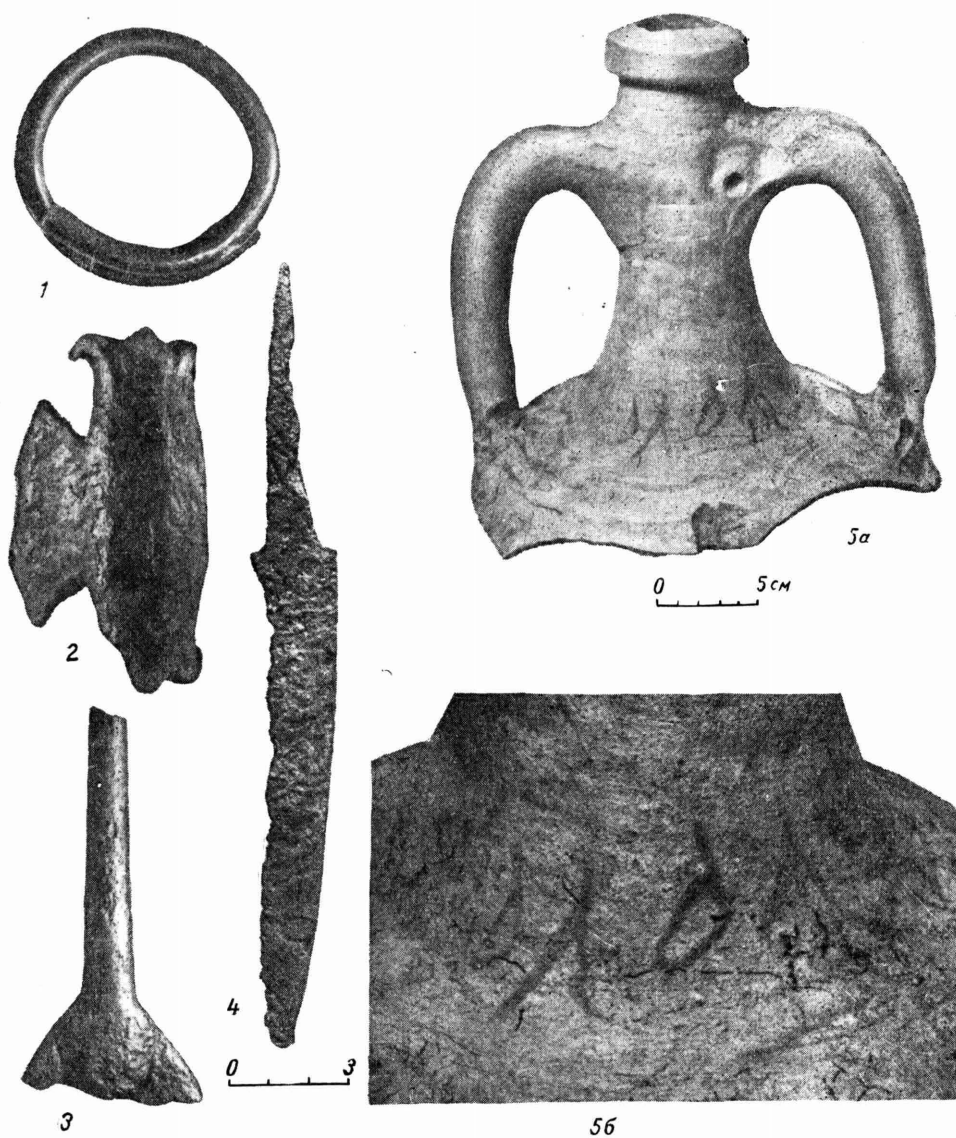

Рис. 9. Поселение Ломоватое 2. Различные находки.

1 — бронзовый браслет; 2 — железный обух средневекового топора; 3 — обломок железного стремени; 4 — железный нож; 5а, 5б — верхняя часть амфоры с надписью красной краской.

амфор и, главное, верхняя часть амфоры с надписью, а также посуда местной выделки. Не ранее III в. н. э. начинается изготовление больших пифособразных сосудов для хранения запасов; с этого же времени распространяются миски, украшенные косыми каннелюрами по грани перегиба тулова, и трёхручные миски. Характерно и разнообразие мотивов орнаментации.

После многовекового перерыва поселение возродилось. К более позднему периоду его существования, кроме керамики, найденной в культурном слое, можно отнести находки в заполнении ямы № 10. Диаметр ямы — 1,8 × 1,5 м; в материк она была впущена на глубину около 0,4—0,5 м. Стенки полого расширялись, дно округлое. От ям первых веков нашей эры, помимо формы, яму № 10 отличали цвет заполнения (темный) и состав

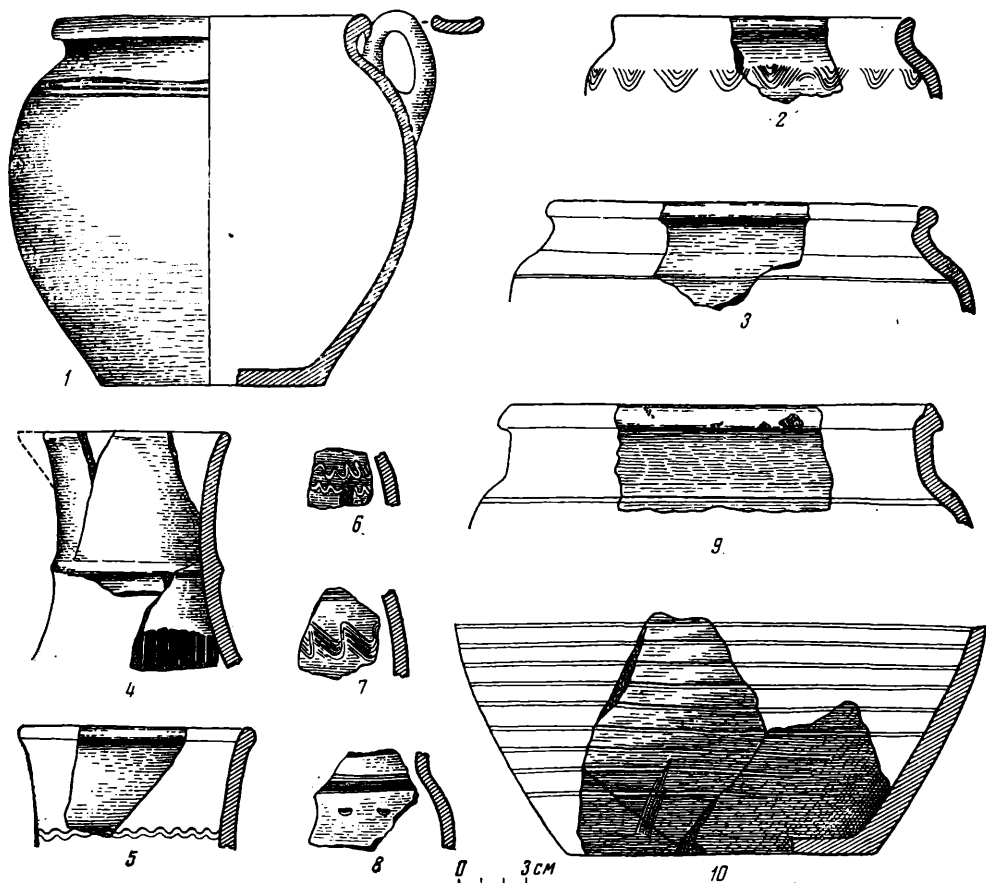

Рис. 10. Фрагменты посуды XII—XIV вв.

1, 6—8 — из с. Сагуновка; 2—5, 9, 10 — с поселения Ломоватое 2.

находок. Здесь оказались около 200 фрагментов костей животных, обломки гончарной средневековой посуды и железных вещей. Среди посуды в яме и в верхних пластах культурного слоя преобладали фрагменты тонкостенных горшков с отогнутыми венчиками, с валиками по верхнему краю и крутыми плечиками. Цвет их беловато-сероватый, глина — с примесью мелкозернистого песка. По плечикам горшки украшены врезанными прямыми параллельными и многорядными врезанными волнистыми линиями. В некоторых случаях эти параллельные линии покрывали весь сосуд. Отдельные горшки, видимо, были покрыты ангобом (рис. 10—2, 3, 9, 10). Интересен обломок красноглиняного кувшина со сливом. Его цилиндрическое горло опоясывал валик, а ниже шли вертикальные широкие полосы лощения (рис. 10—4).

Следует отметить, что на поселении встречены фрагменты кувшинов другого типа — с врезанной волнистой линией, опоясывающей горло (рис. 10—5). Один из черепков немногочисленных красноглиняных сосудов покрыт полосами красной краски. Кроме того, с ямой № 10 связаны находки железных шильев, железной проушной иглы, обломка массивного фигурного обуха топора (рис. 9—2), наконечника железной черешковой двуперой стрелы (?), обломка стремя (рис. 9—3). Вероятно, некоторые железные ножи принадлежат этому же времени. Описанные типы керамики и железные предметы позволяют отнести средневековое поселение к XIII—XIV вв.

Таким образом, работами 1956 и 1957 гг. выявлены и датированы два одновременных поселения. Шире развернуть раскопки было невозможно, так как площадь поселения занята современными постройками и огородами.

В с. Сагуновка, в 2 км от поселения Ломоватое 2, при разведочных раскопках вскрыты 2 погребения. В истлевших гробах лежали скелеты головами на запад. В одном погребении справа у черепа найдена половина гончарного светло-серого горшка с маленькой ручкой под резко отогнутым венчиком (рис. 10—1). Судя по этой находке и подъемному материалу (рис. 10—6—8), могильник в с. Сагуновка относится к XII—XIII вв. Здесь же собраны обломки керамики первых веков нашей эры и фрагменты лепной посуды эпохи бронзы и скифского времени.

Продолжение работ в исследуемом районе представляет большой интерес. В Златопольском районе Черкасской области в свое время был исследован известный черняховский могильник в с. Маслово², однако поселения черняховской культуры в Черкасской области до последнего времени не изучались. Но не только эти обстоятельства привлекают внимание: территория, о которой мы говорим, является пограничной областью распространения памятников зарубинецкого типа. Случайные находки в Черкассах и южнее расположенные могильники в Субботове и Михайловке (б. Прусы) — это самые южные памятники зарубинецкого типа, судя по карте, составленной Е. В. Махно³. Свообразный облик субботовского могильника уже обратил на себя внимание исследователей⁴, а могильник в Михайловке (б. Прусы) позволяет ставить, вслед за В. В. Хвойко, вопрос о существовании особого хронологического этапа развития культуры полей погребений⁵. Следовательно, раннечерняховские памятники в Черкасской области, к числу которых (хотя и не самых ранних) принадлежит поселение Ломоватое 2, интересны с точки зрения изучения взаимоотношений обеих культур. В этой связи особенно тщательно должна быть исследована лепная керамика, в сравнительно большом количестве представленная на поселениях Ломоватое 1 и 2, и обращено внимание на другие характерные особенности этих памятников. Прodelать такую работу необходимо для установления степени родства зарубинецкой и черняховской культур.

---

² П. С. Молічев. Археологічні дослідження в околицях м-ка Златополя на Черкащині року 1926. «Коротке звітання за 1926». Київ, 1927, стр. 154—166; Хроніка археології та мистецтва, ч. II. Київ, 1930, стр. 79; см. также подготовленную к печати Институтом археологии АН УССР рукопись: В. П. Петров и М. Л. Макаревич. Масловский могильник на р. Товмач.

³ Е. В. Махно. Раннеславянские (зарубинецко-корчеватовские) памятники в Среднем Поднепровье. СА, XXIII, 1955, стр. 83.

⁴ Там же, стр. 96, 97.

⁵ В. П. Петров. Древние Прусы. Доклад на секторе славяно-русской археологии ИИМК 9/VI 1955 г.

Б. А. РЫБАКОВ

РАСКОПКИ В ЛЮБЕЧЕ В 1957 году

В 1957 г. Южнорусская экспедиция ИИМК начала работы в Любече, которые должны будут продолжиться и в последующие годы. Любеч — районный центр Черниговской области. Он расположен на левом берегу Днепра, в том месте, где высокие холмы, окаймляющие с юга огромные болота Перистое и Замглай, клином упираются в низменный берег Днепра, создавая естественную крепость на реке, как бы запиравшую Верхний Днепр, Сож и Березину. Вокруг Любеча много городищ милоградской и зарубинецкой культур, но все они уступают ему в естественных фортификационных данных.

Не удивительно поэтому, что Любеч выступает как крепость уже на первых страницах «Повести временных лет» — в 882 г. Князь Олег на пути из Новгорода в Киев берет два города — Смоленск и Любеч, причем последний становится городом, управляемым княжеским посадником: «Взя Любечъ и посади мужь свой»¹.

Эти же два города на пути между Новгородом и Киевом указывает и младший современник вещего Олега — византийский император Константин Багрянородный: «Однодревки, приходящие в Константинополь из Внешней Руси, идут из Невогарды (Новгорода), в которой сидел Святослав, сын русского князя Игоря, а также из крепости Милински (Смоленска), из Телюцы (Любеча), Черниго (Чернигова) и из Вышеграда...»².

С Любечем связан своим происхождением родоначальник всех русских княжеских династий — князь Владимир Святой: его дедом по матери был Малко Любечанин, отец знаменитого Добрыни, воспетого русскими былинами, и Малуши (ключницы княгини Ольги), одной из жен грозного Святослава Игоревича. Сыном Малуши и племянником Добрыни и был Владимир³. Учитывая их высокое придворное положение, можно предполагать, что прозвище Малка — «Любечанин» могло быть связано не только с происхождением из Любеча, но и с владением городом, т. е. что Малко во второй половине X в. держал город как княжий муж.

Любеч был форпостом Киева на севере; поэтому здесь разыгрывались крупные сражения во время княжеских усобиц⁴.

¹ «Повесть временных лет». М.—Л., 1950, ч. I, стр. 20. (Далее ссылки даются на это же издание).

² «Известия византийских писателей о Северном Причерноморье». Известия ГАИМК, вып. 91, М.—Л., 1934, стр. 8 и 52. В дополнениях XII в. к договору 911 г. Руси с Византией Любеч упомянут в числе городов, получавших дань с Византии, — «по тем бо городом седяху велиции князи, под Олгом суще». «Повесть временных лет», стр. 24.

³ «Повесть временных лет», стр. 49.

⁴ Так, например, в 1016 г. Святополк Окаянный встретил Ярослава, шедшего к Киеву с севера, под Любечем, где и дал ему бой, все топографические ориентиры которого сохранились до сих пор. Победа под Любечем открыла Ярославу ворота Киева. «Повесть временных лет», стр. 96.

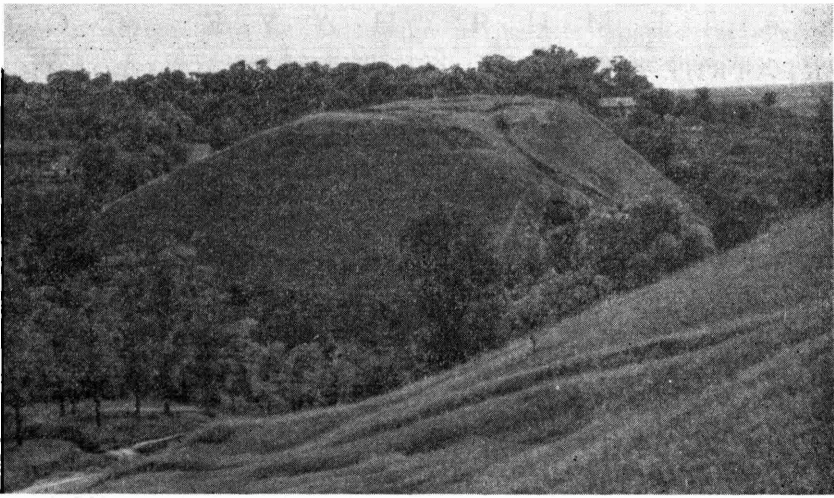

Рис. 11. Любеч. Замок (вид с востока).

В XI в. Любеч перешел во владение черниговских князей, и здесь, в родовом гнезде владимириева рода, в 1097 г. был собран знаменитый княжеский съезд, на котором решались судьбы всех феодальных княжеств Руси. Любеч был, по всей вероятности, домениальным княжеским владением, где находилась «вся жизнь», т. е. хозяйственные богатства черниговских Давыдовичей и Ольговичей.

В сентябре 1147 г. смоленский князь Ростислав писал своему брату, великому князю Изяславу Мстиславичу: «...Яз ти есмь сде Любець поже гл и много воевал и зла есмь Ольговичем много створил», а двенадцать лет спустя Любеч упоминается в числе пустых, разоренных усабицами черниговских городов, где сидят лишь «псари да половцы»⁵.

Любеч оправился от усабиц лишь во второй половине XII в., когда князь Святослав Всеволодич созывал здесь своих вассалов «ряды деюшю» (1180 г.). В одном из любечских монастырей сохранился родословец черниговских князей XI—XIII вв., что, возможно, также связано с важным значением Любеча как домениального центра⁶.

В составе великого княжества Литовского в XIV—XVI вв. Любеч сохранял значение крупного княжеского замка, центра повета Киевской земли⁷. Археологические работы в Любече были начаты в XIX в. В. В. Антоновичем и Г. А. Милорадовичем⁸. В 1948 г. на Любечском городище производил рекогносцировочные раскопки В. К. Гончаров⁹.

⁵ ПСРА, т. II, СПб., 1843, стр. 35 и 84.

⁶ Р. В. Зотов. О черниговских князьях по Любецкому синодику. СПб., 1893.

⁷ ПСРА, т. VII, стр. 240. Список киевских городов конца XIV в. Карту Любецкого повета 1523 г. см. П. Г. Клепатский. Очерки по истории Киевской земли, т. I (Записки Историко-филологического факультета Новороссийского университета, вып. 4-5), стр. 277, Одесса, 1912.

⁸ Г. А. Милорадович. Любеч — один из древнейших городов России. Чернигов, 1884; Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1916, стр. 67, 68; А. А. Спицын. Венгерские вещи X века в России. ИАК, вып. 53, СПб., 1914, стр. 107—110. А. А. Спицыным опубликованы вещи из раскопок Якимовича в 1907 г. В коллекциях Государственного исторического музея в Москве есть ряд вещей из Любеча (раскопки Е. Романова); наиболее интересен серебряный двусторчатый широкий браслет с грубоватыми изображениями птиц и деревьев в аркадах.

⁹ В. К. Гончаров. Раскопки древнего Любеча. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 132—138. Коллекции хранятся в Черниговском историческом музее.

Рис. 12. План древнего Лубча

Археологический комплекс в Любече расположен на холмах левого высокого берега, вытянутых цепочкой с юго-запада на северо-восток, и состоит из нескольких городищ. Главное из них, до сих пор называемое замком (или Мазепиной горой), находится в середине прибрежной цепочки на небольшом (100 × 30 м), но высоком и крутом останце (рис. 11). Прямо перед городищем расстилается пойма Днепра — поле битвы Ярослава со Святополком и те «два озера», о которых пишет летопись. Одно из них — затон Днепра — до сих пор служит гаванью. На берегу затона есть культурный слой с византийскими монетами, возможно, свидетельствующий о древней пристани.

Рядом с замком, на северо-восток от него, расположено небольшое мысовое городище Лысица с незначительным культурным слоем, содержащим керамику от эпохи бронзы до XII в. н. э. Далее за Лысицей на плато есть русские дружинные курганы IX—X вв. с трупосожжениями — остатки раннего городского некрополя.

В противоположном, юго-западном направлении от замка вниз по Днепру высокий берег занят посадами древнего Любеча. Еще дальше были расположены Воскресенский монастырь (где хранился знаменитый синодик) XI—XII вв., пещера Антония Печерского, уроженца Любеча (XI в.), а на самой южной оконечности любечских высот — древнее урочище Кораблище, связанное, вероятно, с наличием здесь великолепных корабельных сосен.

Вокруг замка размещался посад, огражденный мощным валом и рвом. Вал начинается южнее, идет первоначально перпендикулярно к реке, а затем, продолжаясь на восток, доходит до долины маленькой речки Гончаровки и поворачивает на север, охватывая замок полумесяцем, северный рог которого почти подходит к восточному углу замка. В южной части вала есть въезд, — вероятно, древний; дорога внутри города идет по глубокой впадине, разделяющей посад на две части — прибрежную (условно — «первый посад»), возникшую, как показали наши раскопки, в X в., и более восточную, внутреннюю, расположенную за замком («второй посад»).

Замок представляет собой неправильную усеченную пирамиду высотой 40 м; верхняя горизонтальная площадка (100 × 30) вытянута с юго-запада на северо-восток (рис. 12). Северный и западный углы, обращенные к Днепру, круты; от южного к «первому посаду» тянется узкая насыпь въезда, прерванная впадиной в том месте, где, вероятно, был подъемный мост. От восточного угла в направлении к укреплениям «второго посада» идет небольшой отрог, — возможно, остатки стен, закрывавших доступ в посад со стороны Лысицы и р. Гончаровки. Высокое городище Лысица было крайним северным звеном, фланкировавшим правый фланг этой хорошо продуманной оборонительной системы. Обращенные к реке скаты и въезд замка сильно нарушены во время оборонных работ 1941 г.; в северной части городища видны следы «кладоискательских» раскопок Г. А. Милорадовича.

Площадь замка разбита нами на 34 квадрата, по 10 × 10 м. Раскопы 1957 г. (XIV, XV, XXI, XXII; руководитель — Т. И. Макарова) заложены вплотную к участкам, вскрытым В. К. Гончаровым, на север и запад от них до краев городища; кроме того, раскопана часть въезда и заложена узкая разведывательная траншея Ж в юго-западной части городища, обращенной ко «второму посаду».

На «первом посаде» работы велись на валу, в месте его наибольшего расширения, где предполагалась башня (руководитель — Л. П. Гуссаковский).

В результате раскопок выявились следующие стратиграфические данные:

1. Керамика бронзового века встречена во вторичном залегании и в насыпи вала «первого посада» и в зачистках современных траншей на Лысице.

2. Пряслица милоградского типа, воспроизводящие орнаментированные сосуды, обнаружены на основании раскопа в замке вне слоя, в позднейших перекопах. К этой же культуре относится и костяное навершие рукояти с резным изображением грифона скифского типа.

3. Лощеная керамика зарубинецкого типа (несколько фрагментов) найдена в позднейших слоях XI—XVII вв.

4. В траншее Ж под слоем глины, заполнявшей в свое время городни укреплений, оказался тонкий слой, содержащий раннегончарную керамику с линейно-волнистым узором, которую, судя по аналогиям (Лука-Райковецкая, Хотомель, Девинская Новая Весь), следует относить к VIII в.

5. В основании вала первого посада выявился слой X в. с черепками сосудов типа керамики из Черной Могилы. Слой состоит из нескольких горизонтов и достигает метровой толщины. На замковой площадке слой X в. пока четко не прослеживается, хотя керамика этой поры здесь есть.

Из старых находок к этому времени относятся два клада диргемов; один из них датируется 880—933 гг.

6. Слой XI в.—начала XII в. представлен рядом сооружений в замке и на въезде. На валу посада он встречен на ходовой поверхности укреплений, что позволяет датировать насыпку вала примерно временем Владимира — Ярослава.

7. Характерную особенность стратиграфии замка составляет слой пожара XII в., единственный во всей свите прослоек; это дает возможность сопоставить его с сожжением Любеча в 1147 г. Ростиславом. Слой пожара встречен и на основном раскопе, и на въезде, и в траншее, разрезавшей городни замковых стен.

8. Слой второй половины XII в.—начала XIII в. четко не выделяется. Следов татарского нашествия нет (Любеч и не упоминается среди городов, лежавших на пути татар).

9. В верхних горизонтах культурного слоя есть керамика XIV—XV вв. и монеты (например, пражский грош Венеслава IV 1378—1419 гг.).

10. Значительную часть верхнего культурного слоя составляет горизонт XVII в., с которым связан ряд сооружений (дома с кафельными печами, остатки палисадов). В этом горизонте найдена монета Сигизмунда III Вазы (1587—1632 гг.).

11. Остатки сооружений XVIII—XIX вв. незначительны, не покрывают всей площади замка и прослежены только в траншее Ж и по соседству с ней на обрыве, обращенном ко «второму посаду» (кузница конца XIX в.).

В результате раскопок нам стали известны 5 видов сооружений IX—XII вв. на Любечском замке и на посаде.

Укрепления замка. На поверхности городища следов вала не заметно, но в поперечном разрезе на глубине около 3 м от современной поверхности, над небольшой прослойкой VIII—IX в. обнаружены все элементы древних городен: внизу (непосредственно на культурном слое VIII—IX вв.) — плотный слой глины, затем — слой слегка гумусированной, но лишенной находок земли (древний дерновый или пахотный слой, привезенный сюда?). Поверхность этой земляной прослойки очень неровная, бугристая, неутоптанная; это может говорить о том, что городня была глухой. Ширина пластов глины и земли — 3 м.

Над этими двумя пластами лежит слой, содержащий песок, золу, обгорелое дерево — остатки наката и кровли заборол. В слое много керамики XI—XII вв.

В пласте пожарища найдены: серебряный колт (рис. 13—5), два серебряных трёхбусинных височных кольца (рис. 13—3,4) и два серебряных узкопластинчатых браслета XII в.; один из них — южного типа, со львиными мордами на концах (рис. 13—1, 2). Отнесение пожара, спалившего заборола, к 1147 г. едва ли вызывает сомнения. Следов возобновления укреплений непосредственно после пожара в траншее нет; сохранилась лишь канава от палисадов XVII в.

Въезд в замок. От северной части «первого посада» к южному углу замка ведет (постепенно повышаясь) неширокая, но довольно высокая насыпь — пандус, обращенная левым боком к пойме Днепра, а правым — ко «второму посаду».

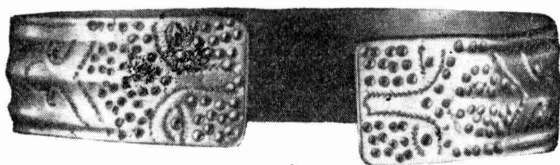
Раскопки велись в части, наиболее близкой к замку, близ того места, где должны были быть въездные ворота. Ширина пандуса здесь — 10,5 м. В левой (западной) части, сильно испорченной в 1941 г., прослеживаются остатки сгоревших деревянных городен шириной около 3 м (?), врытых в материк на 0,5—0,6 м. Рядом с городней, почти на середине въезда, прослежены остатки глубокой землянки-кузницы XI—XII вв. Проезжая часть въезда занимала правую, внутреннюю (восточную) полосу пандуса и с края, обращенного к посаду, ничем не была ограждена. Ширина ее — 3,5 м. Сохранились следы двух, а кое-где и трех, — продольных бревенчатых лаг, к которым большими гвоздями прибивались поперечные мостовины.

Въезд был хорошо укреплен со стороны поймы стеной, аналогичной по конструкции стене самого замка.

Дома. На раскопанной площади обнаружены остатки (или частично вошедшие в раскоп углы) 8 жилых построек; все они врезаны в материк на 0,3—0,6 м. Следует остановиться на двух, сгоревших во время пожара. Дом № 3 находился недалеко от западного угла замка, ориентирован по краю городища; размеры его — 3 × 3 м. Вход, огражденный двумя столбиками, вел со стороны крепостной стены; печь — от входа налево, в дальнем углу. В жилище сохранились следы угловых столбов и бревенчатой закладки. Дом № 1 расположен в 5 м к востоку от предыдущего и близок ему по конструкции; отличие составляют земляная скамья, укрепленная плетнем, устроенная вдоль западной (правой от входа) стены, и несколько выдвинутая на середину печь. Вход также обращен к северо-западной стене замка. Ориентировка не так строго подчинена краю городища, может быть, потому, что дом расположен дальше от края. В погребом от пожара доме № 1 найдены деревянная утварь, береста, фрагменты мебели (?) с резным орнаментом, горшок в печи и медная кацея (кадило) с ажурной резьбой.

Клет и погреб а. Кроме жилых сооружений, в замке открыты хозяйственные постройки — клетки. Одна из них (раскоп XXII) состояла из двух небольших камер (2 × 2 м) и не содержала ничего; другая — также из двух камер, но разных по размерам: к большой полуземлянке (4 × 4), ориентированной вдоль северо-западной стены замка, с юго-запада примыкала небольшая, почти наземная (углубление до 10 см) пристройка, близ которой находилось вырытое в материке ваннообразное углубление. Обе части клетки были завалены обломками обгорелых бревен. В большом помещении обнаружены 2 глубоких ямы, обмазанных глиной и обожженных. Одна из них воспроизводит форму амфоры. Вокруг ям найдены черепки двух амфор-корчаг. Очевидно, клеть была хранилищем вина с двумя ямами — «погребами».

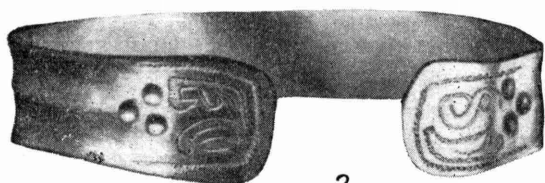
Вежа на посаде. За пределами замка раскопками выявлена крепостная башня на самой высокой точке южного вала посада. Это квадратная постройка (6 × 6 м), заполненная в нижней части глиной; вдоль вала от нее идут выемки от городен. Башня укреплена 3 массивами глины, расположенными с внутренней стороны посада, и можно предполагать,

1а

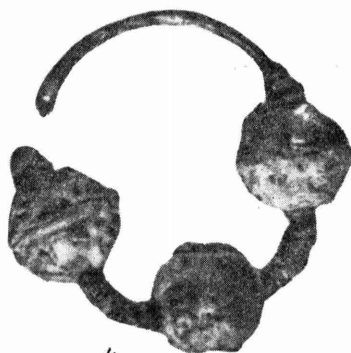
1б

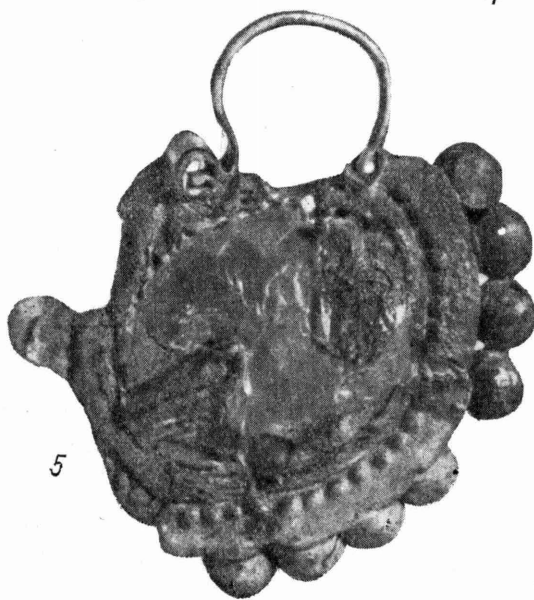
2

3

4

5

Рис. 13. Серебряные вещи из слоя пожара 1147 г. (забора городских стен).

1а, 1б, 2 — браслеты; 3, 4 — височные кольца; 5 — колт.

что она была сторожевой вежей. Раскопки на этом участке еще не завершены.

Отдельные находки. Из интересных находок, кроме упомянутых уже серебряных украшений, а также деревянных и медных изделий, следует упомянуть предметы с надписями (рис. 14).

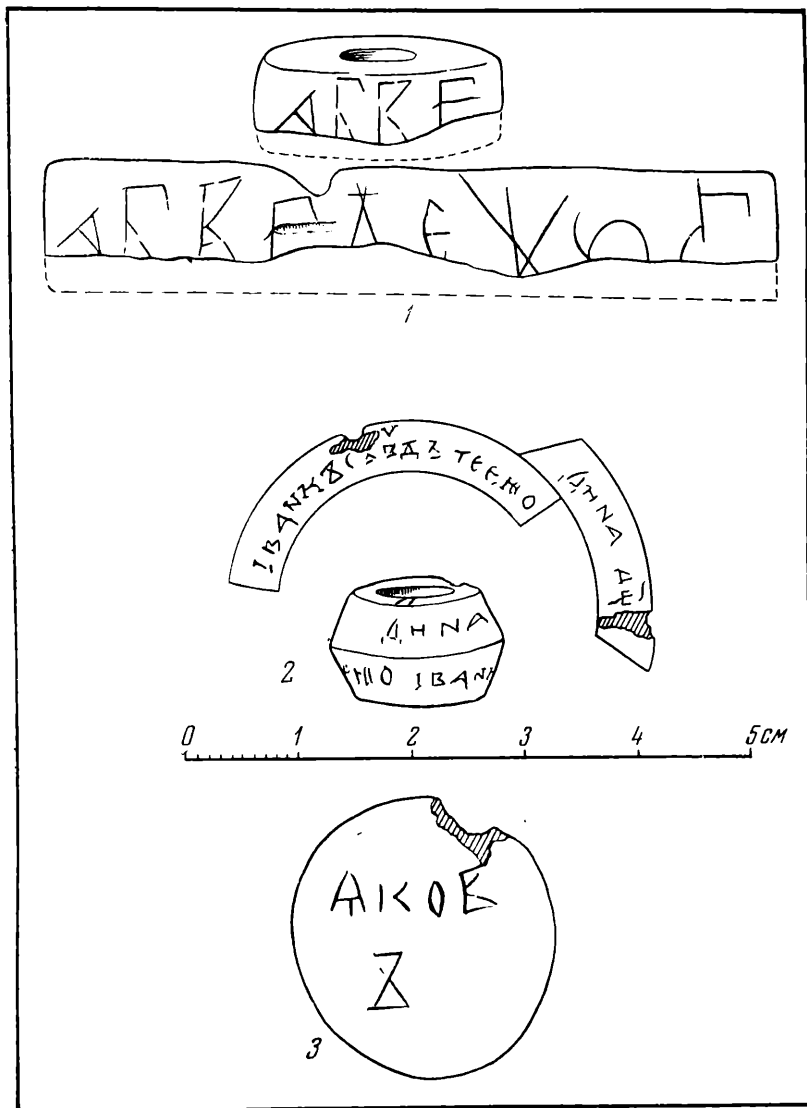

Рис. 14. Надписи XI—XII вв. из Любеча.

1 — алфавит на цилиндрическом пряслице; 2 — надпись на шиферном пряслице;
3 — надпись на обороте каменной иконки.

В перекопе у западного угла замка найдено цилиндрическое шиферное пряслице с алфавитом, датируемым XI в. (А, Б, В, Г, Д, е, Ж, С, З).

Недалеко от жилища № 1 обнаружена маленькая каменная иконка

XII—XIII вв. с поясным изображением святого; на обороте ее — надпись.

АКОВЪ

Наиболее интересна надпись на миниатюрном шиферном биконическом пряслице (рис. 14—2), которое найдено в уцелевшем углу землянки, перерезанной большою клетью и, следовательно, относящейся к более раннему времени, чем 1147 г., когда погибла сама клеть, уничтожившая большую часть землянки. Надпись такова:

ІВАНКЪСЪЗЪДЪ ТЄЄ Ю ОДННАДЦѢ

«Иванко создал тебе это, единственной дочери». Палеографически надпись датируется концом XI в.— началом XII в.; это подтверждает и датировку стратиграфическую.

Раскопки в Любече дали много интересного материала, который в дальнейшем, при расширении работ, позволит представить первоначальный облик и историю развития одного из первых феодальных замков древней Руси, овеянного ранними сказаниями.

Л. А. ГОЛУБЕВА

БЕЛОЗЕРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1957 года

Раскопки 1957 г. у с. Крохино Белозерского района, Вологодской области, на правом берегу р. Шексны, у ее истоков из Белого озера были продолжением работ экспедиции ГИМ¹ с 1949 г. по 1952 г. После 4 лет перерыва раскопки на Белом озере были возобновлены экспедицией, организованной ИИМК². В настоящее время территория «Старого города» представляет

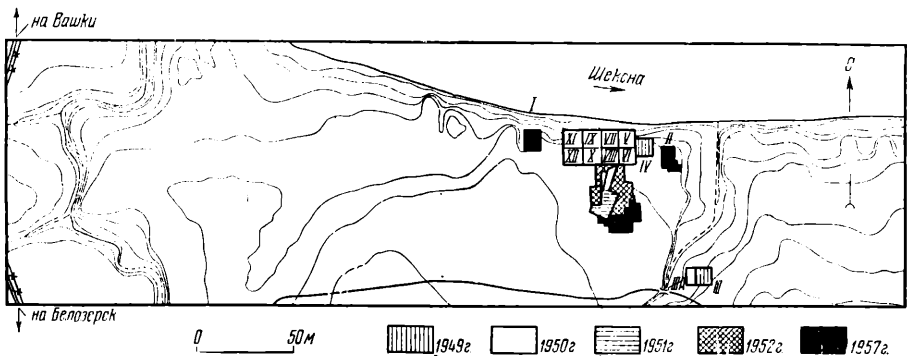

Рис. 15. Белоозеро. План раскопок.

собой обширную ровную луговину, поднимающуюся над уровнем реки до 3—5 м. Холмики — развалины древних строений — сохранились у самой реки, вытянувшись вдоль берега почти на 2 км. В сторону поля поселение простиралось не более чем на 200 м. Валы, очевидно, отсутствовали.

Раскопы 1957 г. заложены на территории городского квартала XI—XIII вв., вблизи от участка работ 1949—1952 гг. В те годы здесь вскрыты основания домов, образовавших ряд вдоль реки, а также замощенная улица, почти перпендикулярная набережной. Раскопы I и II 1957 г. разбиты на месте двух всхолмлений у реки, а раскопы IV, VI, VIII явились продолжением одноименных раскопов предыдущих лет (рис. 15).

Стратиграфия этого участка территории древнего города следующая: слой 1 — дерновый (0,2—0,3 м); слой 2 — темный суглинок с прослойками угля, золы, обгорелых камней, глины от плохо сохранившихся остатков построек XIII—XIV вв. (толщина слоя — 0,2—0,5 м); слой 3 — коричневый

¹ Л. А. Голубева, Древнее Белоозеро. КСИМК, вып. XLI, 1951, стр. 38—40.

² В экспедиции 1957 г. принимали участие Л. А. Голубева (начальник экспедиции), научные сотрудники С. Н. Орлов, А. В. Ушаков, И. М. Ушакова, В. Р. Малиновский.

(0,2—0,5 м), с перегнившим деревом и прослойками обожженной глины, с остатками построек XII в.— начала XIII в.; слой 4 — со щепой (0,2—0,6 м), насыщенный влагой и хорошо сохранивший срубы XI—XII вв.; слой 5 — погребенная почва (0,1 м); слой 6 — материк (серая глина). Средняя мощность культурного слоя — 1,6—1,9 м. Отсчет пластов велся от репера 2,85 м над уровнем р. Шексны 1950 г.

В раскопах 1957 г. обнаружены (целиком и частично) основания 13 построек XI в.— начала XIV в., из которых семь — жилых. Распространенным типом жилого дома была (как и в раскопах предыдущих лет) однокамерная срубная постройка, поставленная прямо на землю, обычно без угловых столбов или камней, но на подсыпке из светлой глины. Под венечные бревна срубов часто подкладывали нивелирующие плахи. Полы, как правило, настилали из тесин, положенных на балки-переудины. Печь-каменка на рубленном в обло подпечье располагалась всегда в углу.

Размеры срубов (здесь и далее указываются по внутреннему периметру) чаще всего были равны 4,3×4,6 м и 4×4,4 м. Встречена однокамерная изба (3,6×3,7 м) с прирубленным к ней с двух сторон (южной и западной) сенями, соединенными друг с другом. Ширина сеней — 1,6 и 2 м; длина совпадала с размерами стен (постройка № 1; раскопы IV и VI). Западные сени соединяли избу с постройкой № 4 усадебного комплекса, вскрытого в 1952 г. В этом же раскопе на уровне нижней границы «коричневого» слоя с остатками построек XII—XIII вв. обнаружен сруб (постройка № 5) избы-пятистенки (рис. 16). Общие ее размеры — 3,6×5,2 м; размеры большего, южного сруба (сохранившегося на два неполных венца) — 3,2×3,7 м. Печь — в северо-западном углу; она оказалась разобранной. Сохранившиеся у восточной стены южного сруба тесины пола были уложены на подсыпку из серой глины. В центре северной стены, обращенной к реке, было крылечко, устроенное следующим образом: между вбитыми в материк на расстоянии 0,7 м друг от друга столбиками лежали две продольных лаги длиной около 1 м, толщиной до 0,1 м и поперек них — 6 бревнышек толщиной около 0,2 м. Под северо-западный угол сруба подведен столб диаметром 0,4 м, а под западный венец — 8 коротких поперечных бревнышек-подкладок для выравнивания в горизонтальном положении.

В границах построек XIII в.— начала XIV в. и за их пределами найдено множество бытовых изделий: ножи, глиняные грузила, шиферные пряслица, обломки стеклянных браслетов, цилиндрические замки и ключи, точильные бруски, составные двусторонние гребни с кружковым орнаментом, а также бронзовый литой энколпион грубой работы (рис. 17—3); на его концах, в круглых клеймах — рельефы святых, выполненные весьма примитивно; в центре, на лицевой стороне — изображение распятого Христа, на обратной стороне — богоматери.

Темный суглинок с остатками построек XII в.— начала XIII в. также весьма богат находками бытовых вещей. Здесь много бус — круглых, зонных из прозрачного стекла и синих биконических. Особенно много обломков стеклянных браслетов; найдены также стеклянные фиолетовые перстни, медальон из такого же стекла в серебряной оправе (рис. 17—1), костяные трапециевидные гребни, обломки флакончиков для благовоний, много изделий из кости: ложка (рис. 17—4), ткацкий челнок, раскрашенная рукоять ножа (рис. 17—5), застежки от туесов, фрагмент амфоры с надписью «масло».

Слой со щепой близок по составу находок предыдущему. В нем встречаются обломки амфор, шиферные пряслица, стеклянные браслеты. В границах постройки № 1, расположенной в нижнем горизонте слоя со щепой, на материке, найдено ожерелье из 30 бус и 2 подвесок — лунниц. Бусы — пастовые, овальные, темные со светлыми полосками и голубые с желтыми глазками; стеклянные круглые голубые и сердоликовые круглые. Там же

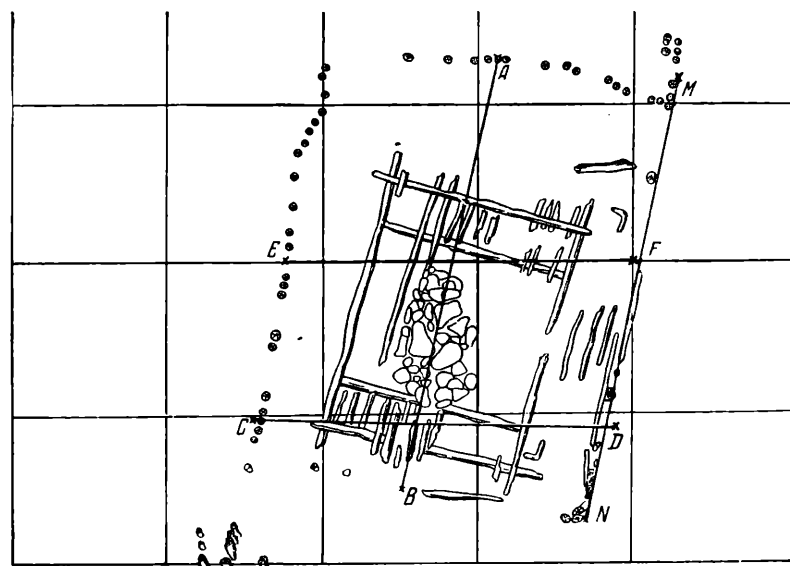
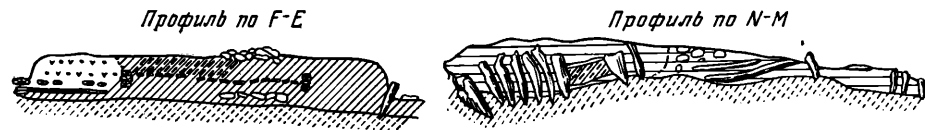
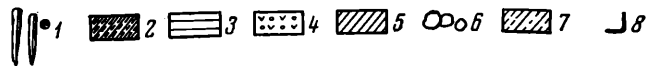
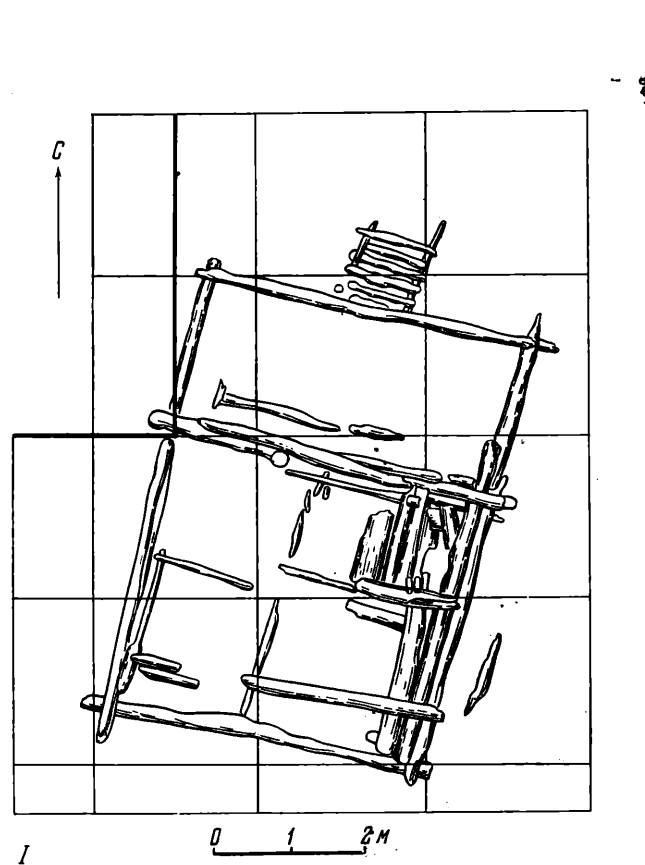

Рис. 16. Белоозеро. Планы построек.

I — постройка № 5 (раскопы IV и VI); II — постройка № 6 (раскоп I); 1 — бревна; 2 — обожженная глина; 3 — глина с кусками обмазки; 4 — угли, зола; 5 — серая глина; 6 — камни; 7 — материк; 8 — граница раскопа 1952 г. (Профили даны только к постройке № 6).

оказались костяные трапециевидные и наборные с полукруглыми концами гребни, а также яичко-писанка, покрытое желтой поливой с темными узорами, напоминающими фигурные скобки. По составу находок нижний горизонт этого слоя не может датироваться временем более ранним, чем XI в. В слое со щепой встречены немногочисленные изделия из дерева: заготовки для ложек, поплавки, грузила, части лука, обломки крышек и боченков

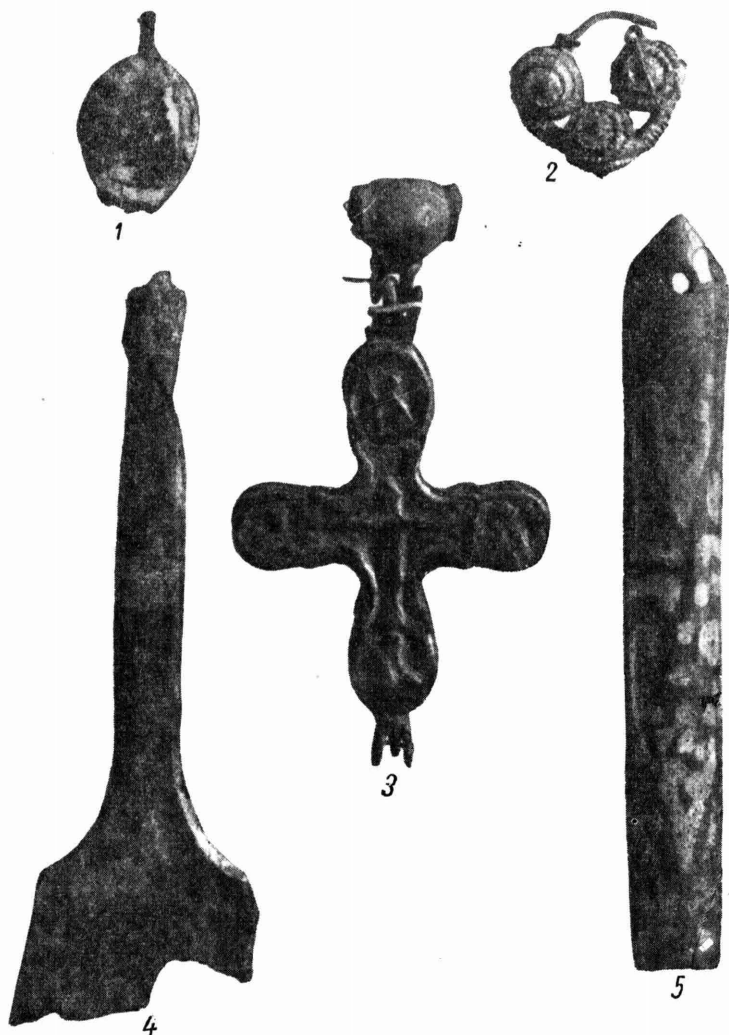

Рис. 17. Находки из раскопок 1957 г.

1 — медальон из фиолетового стекла в серебряной (?) городчатой оправе; 2 — серебряное позолоченное височное кольцо; 3 — бронзовый энколпион; 4 — костяная ложка; 5 — костяная рукоять, орнаментированная красной и светло-желтой краской.

и т. д. Наиболее интересен найденный в раскопе I кусок бересты с изображением наконечника стрелы с опущенными перьями (рис. 18).

Керамика, собранная в раскопе, сделана на гончарном круге; судя по валикам вокруг днищ, ручной круг был еще в широком употреблении.

Горшки хорошо профилированы, с резким изгибом венчиков и плечиков. Преобладает волнистый и линейный орнамент; небольшое количество стенок горшков украшено отпечатками прямоугольных вдавлений, расположенных

горизонтальными рядами по тулову. Этот орнамент составляет особенность белозерской круговой керамики по сравнению, например, с новгородской посудой того же времени.

Незначительное количество обломков лепной посуды встречено (вместе с круговой керамикой) в нижнем горизонте культурного слоя.

Хозяйственные постройки представлены чаще всего клетями, рубленными в обло. Размеры их: 2×2 м, $2,8 \times 3,5$ м (постройки № 3 и 4; раскопы IV и VI), $3,6 \times 4$ м, $3 \times 3,3$ м и $3,14 \times 3,24$ м (постройки № 3, 4 и 5; раскоп I). Эти сооружения иногда, как и жилые дома, ставились на подсыпке из светлой глины, однако следов пола не заметно. Бытовые предметы встречаются, но в меньшем количестве; печи отсутствуют. Выделяется по величине постройка № 4 (1952 и 1957 гг.; раскоп VI) размером $5,4 \times 3,4$ м. Уцелели переводина и часть бревенчатого настила пола. Впоследствии сруб был перестроен, но сохранял хозяйственное назначение (амбар). В его юго-восточном углу найдено литое серебряное позолоченное трёхбусинное височное кольцо диаметром $2 \times 2,5$ см. Каждая бусина украшена имитацией зерни в виде 3 двойных кругов с выпуклостями в центре внутреннего круга. Кольцо, очевидно, — местной работы; это — грубое подражание изящным киевским образцам XII в. с их великолепной зернью (рис. 17—2).

Заслуживает внимания еще одна хозяйственная постройка — конюшня, самое раннее из сооружений; она была поставлена на материке, в слое со щепой (постройка № 6; раскопы IV и VI). Это рубленный в обло сруб, сохранившийся с южной стороны в один венец, а с трех остальных сторон — в два. Древесина, пропитанная водой, превосходно сохранилась. Размеры сруба — $3,4 \times 3,5$ м; длина бревен — около 4,4 м. В верхних (западном и восточном) бревнах сруба на расстоянии около 0,6 м от центров угловых выемок имеются пазы для переводин пола. На сохранившуюся северную переводину, параллельно ей, были положены доски и горбыли, а на южное бревно брошена охапка жердей. С наружной стороны к самому центру восточного бревна были приставлены сходни размером $1,8 \times 1,3$ м (рис. 19—1). Восемь тесин сходен вставлены в пазы массивных бревен диаметром около 0,3 м. Верхним концом сходни положены на бревно диаметром около 0,25 м. Сходни сделаны так прочно, что от времени и тяжести земли не осели и не прогнулись, а тесины были настолько плотно, без щелей, пригнаны друг к другу, что когда убрали с боков землю, между уровнем древней поверхности почвы и верхним концом сходен оказалось пустое пространство. Заполнен сруб навозом, смешанным с соломой, сохранившим коричневато-зеленоватый цвет и специфический запах. В слое с навозом найдены конские волосы, обломки лепного горшка, деревянный детский лук, обрывки кожи и лопата, вырезанная из целого куска дерева; длина ее — 0,85 м, ширина рабочей части — 0,16 м, высота — 0,38 м. С наружной стороны сруба, у юго-западного его угла, лежала колотушка, сделанная из березового ствола (длина — около 0,8 м, диаметр — 0,13 м). Подобные колотушки употребляются и в современной деревне для заколачивания клиньев при рубке дров.

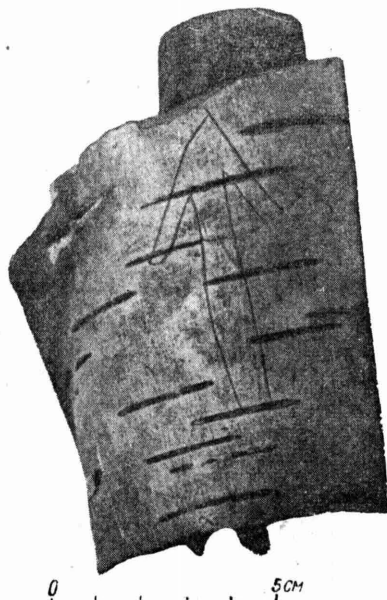

Рис. 18. Кусок бересты с изображением наконечника стрелы.

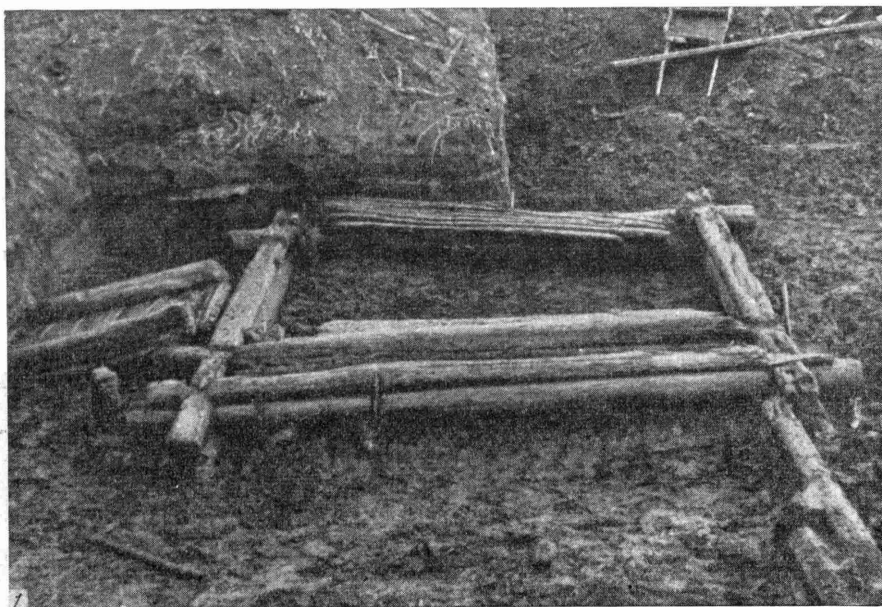

Рис. 19. Сруб постройки № 6 в раскопах IV и VI (1) и мостовая в раскопе II (2).

С конюшней связаны вбитые в материк 2 ряда кольшков диаметром около 0,05 м, идущих к срубам под острым углом. Возможно, они служили основанием плетневой ограды перед конюшней. С каким-либо жилым сооружением в пределах раскопов IV и VI конюшня не связана.

Новым для Белоозера типом построек является сооружение производственного характера (рис. 16—2), найденное в раскопе I (постройка № 6). Остатки строения вскрыты на уровне 7—8-го пластов в развале сырой и обожженной глины толщиной до 0,3 м. По внешнему периметру этого огромного завала обнаружены основания бревнышек, вбитых заостренными кон-

цами в материк и образующих прямоугольник со сторонами: северная и южная — около 4,5 м, западная и восточная — около 5,8 м. Бревнышки диаметром 0,1—0,15 м, тесно поставленные друг к другу и обмазанные глиной, составляли стены постройки.

У южной стены находилась огромная глинобитная печь, возведенная на рубленном в обло подпечье, размером 3,4×2,6 м. Сруб подпечья сохранился по восточной стороне на 5 венцов, а по остальным — на 3 неполных венца. На уровне нижнего венца лежал настил из бревнышек, покрытый сверху слоем светло-серой глины толщиной до 0,2 м. Поверх глины был выложен под печи из камней в один ряд, плоской стороной вверх. Стенки и свод печи, разрушенные полностью, были глинобитными — уцелели сотни фрагментов глиняной обмазки, обожженной до ярко-красного и кирпичного цвета. Большинство их — слегка изогнутой формы, сохранило отпечатки прутьев, досок и колев; часть обломков — с гладкой горизонтальной поверхностью. На многих кусках обмазки имеются отпечатки ткани редкого переплетения, следы пальцев. Очевидно, при сооружении печи ее деревянный каркас обмазывали сверху и снизу толстым слоем глины. Еще сырую глину укрывали грубой тканью, вероятно, для предохранения от растрескивания при просушке³.

Судя по огромным размерам печи и небольшому свободному пространству внутри постройки, а также и по тому, что пол был выстлан не тесинами, а накатником из бревен (среди них — стволы елей с сучками и корневищами), дом не был жилым. О том же свидетельствует и полное отсутствие бытовых предметов в границах постройки, что затрудняет производственную интерпретацию сооружения; мало помогает этому и находка крицы и тигелька на поверхности развала глины.

В раскопках Новгорода Великого, в слоях XII—XIV вв. постройки производственного характера (пекарни и коптильни) выделены по совокупности признаков, близких рассматриваемой нами постройке, — по большим размерам печи, сооружению ее преимущественно в центре, по отсутствию обычных бытовых предметов в заполнении. Нашу уверенность в производственном назначении белозерской постройки подкрепляет то обстоятельство, что она расположена в 10 м к западу от постройки, вскрытой в раскопе XI (1950 г.), в которой была такая же большая и совершенно так же расположенная печь. Сруб был размером 5,8×4,1 м. Печь-каменка сложена на рубленном в обло подпечье (3,1×2,4 м), набитом глиной, и занимала большую половину здания. Находок в границах сруба почти не было; пол, в отличие от жилых домов, был небрежно настлан из мелких бревен. Эти два здания, стоявшие рядом, над самой рекой, могли быть связаны с рыбным промыслом и служить коптильнями.

По своим конструктивным особенностям — стены из вертикально поставленных бревен, огромная глинобитная печь — постройка № 6 уникальна в ряду белозерских сооружений и чужда традициям севернорусского домостроительства. Поиски прототипов таких построек ведут нас в более южные области — в Суздаль, где известны дома-землянки и полуземлянки XI—XII вв. со стенами из часто вбитых в землю тонких столбиков, жердей и горбылей, в нескольких случаях оплетенных хворостом и обмазанных глиной⁴. Там же известны и глинобитные печи. При раскопках полуземляночных жилищ Старой Рязани тоже нередко встречались «многочисленные куски глиняной обожженной обмазки стен со следами каркаса из прутьев»⁵. Сочетание глинобитных печей с глинобитными стенами обычно для жилищ

³ Описание точно такой же глинобитной печи XII—XIII вв. имеется в работе А. Л. Монгайт «Старая Рязань» — МИА № 49, 1955.

⁴ А. Ф. Дубынин. Археологические исследования г. Суздаля (1936—1940 гг.). КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 92—94.

⁵ А. Л. Монгайт. Указ. соч., стр. 56.

древнего Киева, хотя приемы возведения тех и других отличны от белозерских, в которых мы, очевидно, можем усмотреть сочетание принципов южного домостроительства с местной традицией (срубная основа печи).

Еще одно производственное сооружение было обнаружено в раскопе II (пласт 3). Это глинобитная печь, сложенная, вероятно, под открытым небом, так как следов какой-либо постройки возле нее не видно. Печь полностью разрушена. Удалось выявить лишь ее основание (2×1,8 м); оно обрисовалось благодаря следам дерева от сруба подпечья, сооруженного на площадке из серой глины. Под печи был выложен камнем и обмазан. В развале найдены куски обожженной обмазки, лежавшие сплошным слоем до 0,2—0,3 м. Обломки преимущественно массивные, толщиной до 0,1—0,15 м, гладкие или слегка изогнутые, как бы от свода. Однако кусков с отпечатками прутьев, брусков и ткани, как в постройке № 6, не встречено. О производственном назначении печи свидетельствуют фрагменты толстостенной керамики, похожие на куски сопла, глиняное изделие в виде пробки и присутствие шлаков в мощном углистом слое выше основания печи. В верхнем горизонте развала обожженной глины найдены молоток-гвоздодер и медный пуансон. Стратиграфически печь датируется концом XIII в.—началом XIV в.

Все перечисленные постройки нижних и верхних горизонтов культурного слоя ориентированы по реке. Постройки в раскопах I и II 1957 г. входили в состав первого уличного порядка — набережной улицы. Сооружения в раскопах IV и VI располагались в известном порядке относительно магистральной мостовой (пристанского взвоза). Она проходила через раскопы V, VIII и X 1950—1952 гг. в направлении с северо-востока — востока на юго-запад — запад, от реки в глубь города, и была прослежена в длину на 50 м. Ширина ее — свыше 3 м. Выявлены 2 яруса мостовой. С востока к мостовой 2-го яруса примыкала обширная усадьба с замощенным двором и комплексом жилых и хозяйственных построек XII в. В раскопах 1957 г. установлена восточная граница этой усадьбы [постройки № 1, 3, 4, 4 (1952 г.) и 5].

Наметилась и вероятная восточная граница всего квартала благодаря мостовой, частично обнаруженной в раскопке II. Она ориентирована так же, как и пристанский взвоз, и проходила в 30 м восточнее его, продолжаясь к северу (к реке) и югу. Мостовая (рис. 19—2) залегала под развалом горна конца XIII в. стратиграфически может быть датирована XIII в. Ширина ее — 2,5 м. В основании лежали 3 продольных лаги толщиной не более 0,12 м; расстояние между двумя крайними составляло 1,6 м. Лаги перекрывались поперечным накатником из бревнышек диаметром 0,1—0,12 м, плотно пригнанных друг к другу; поверх него сохранились 3 продольных лаги и частично бревна накатника второго яруса. С западной стороны мостовая была обставлена тыном из кольев (диаметром до 0,15 м, длиной до 0,4 м), вбитых в культурный слой. С восточной стороны они не прослеживались. Мостовая перекрывала слой со щепой (толщина — до 0,45 м). При ее сооружении была разрушена восточная стена более древнего здания (XI в.), лежавшего уже на материке (постройка № 1, раскоп II). Это жилой дом с печью-каменкой в северо-западном углу. Мостовая не разбиралась.

В раскопе I (1957 г.) обнаружена еще одна мостовая, возможно, ограничивавшая городской квартал к западу от пристанского взвоза, расположенная в 45 м к западу от его северного конца. Выявлена лишь восточная ее часть; полная ширина пока неизвестна. Мостовая положена на погребенную почву. В основании ее лежат 5 поперечных лаг в направлении восток — запад, вдавленных в материк; поверх них положены длинные бревна, ориентированные с севера на юг. При разборе мостовой обнаружены 3 обломка амфор и шиферные пряслица. Вместе с находками в верхней части настила (стеклянными браслетами, бусами) это сооружение едва ли можно датировать временем более ранним, чем XII в.

В. В. СЕДОВ

ДРЕВНЕРУССКИЕ СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ
СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ

(по материалам экспедиции 1956—1957 годов)

Начатые в 1955 г. обследования археологических памятников древнерусской деревни Смоленской земли¹ были продолжены в 1956—1957 гг. Основным районом археологических разведок стала территория, расположенная к юго-востоку от Смоленска, — бассейны левых притоков Днепра — рек Березинки, Лосни, Немыкарки, Чичиги и Волости. Разведки велись пешеходными маршрутами, охватывавшими берега многочисленных рек, ручьев, в том числе их стариц, и водораздельные массивы².

Основная задача наших археологических разведок — открытие сельских поселений IX—XIV вв., изучение их топографии, выяснение размеров и планировки, предварительная датировка, исследование связей сельских поселений с древнерусскими курганными кладбищами. Кроме того, в процессе разведок выбирались пункты, наиболее подходящие для организации широких раскопчных исследований, без чего невысказано решение основных вопросов намеченной темы.

В процессе разведок исключительное значение имело обследование поселений, упоминаемых в письменных документах, среди которых первое место принадлежит Уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича 1150 г. В 1956—1957 гг. открыты и обследованы древнерусское поселение в районе Немыкарских озер, названных в этой грамоте, и дер. Долгий Мост, известная по сравнительно позднему документу, рассказывающему о событиях XIII в.

В бассейне небольшой р. Березинки обнаружено 8 сельских поселений IX—XIV вв. (рис. 20). Расположены они крайне неравномерно. Шесть из них были сосредоточены в районе верхнего течения реки, где поселения отстояли друг от друга на расстоянии 0,5—1,2 км; в области нижнего течения открыто только два. Все поселения в бассейне Березинки, как и в других обследованных районах Смоленщины, занимают площадки вдоль берега, часто ограниченные с двух сторон естественными рубежами (перпендикулярными берегу) — оврагами, заболоченными низинами, ручьями. Высота

¹ В. В. Седов. Археологические разведки древнерусской деревни в Смоленской области. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 104—116.

² Однако трехлетними полевыми исследованиями установлено, что и современные и древнерусские поселения обследованных районов Смоленщины тяготеют к воде. Разведывательные маршруты по водоразделам чаще всего не приносили положительных результатов. Единичные деревни IX—XIV вв., которые все же были открыты на водоразделах, оказались связанными с руслами ныне высохших ручьев или речек.

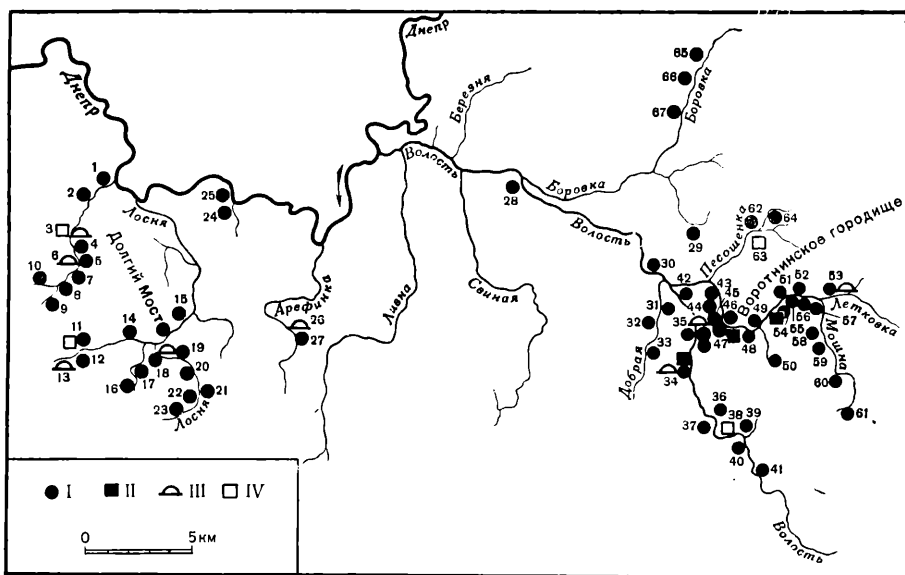

Рис. 20. Карта района археологических разведок 1956—1957 гг.

I — древнерусские селища; II — древнерусские городища; III — курганные могильники IX—XII вв.;
IV — городища без культурного слоя.

Памятники: 1 — селище в устье р. Березинки; 2 — Боровиковское; 3 — Шапыревское; 4 — Березинские селище и курганный могильник; 5 — Яновское; 6 — Яновский могильник; 7 — Муравшинское; 8 — Авдотинское; 9 — Авдотинское второе; 10 — селище в верховьях р. Березинки; 11 — Кучинские городище и селище; 12 — Белорученское; 13 — Белорученский могильник; 14 — селище между деревнями Долгомостье и Кучино; 15 — в дер. Долгомостье; 16 — Бабыновское; 17 — близ дер. Глистан; 18 — близ устья р. Солодовой; 19 — Путятинские могильник и селище; 20 — Окуловское третье; 21 — Окуловское первое; 22 — Окуловское второе; 23 — Панское; 24 — Колупаевское; 25 — Немыкарское; 26 — Арефинский могильник; 27 — Арефинское селище; 28 — Шиловское; 29 — Тимошевское; 30 — Дубосиженское; 31 — Орловское; 32 — Кончинское; 33 — Павловское; 34 — Бородинские городище, селище и могильник; 35 — три Пашинских селища и могильник; 36 — Галашинское; 37 — селище между деревнями Галашино и Матвеево; 38 — Матвеевское первое; 39 — Матвеевское второе; 40 — Дятловское; 41 — Демидовское; 42 — Дубосиженское на Мошне; 43 — Воротнинское второе; 44 — Воротнинское первое; 45 — Воротнинское третье; 46 — напротив дер. Воротнино; 47 — Воротнинское городище и расположенное рядом селище; 48 — селище в устье р. Лыховки; 49 — второе селище в устье р. Лыховки; 50 — в дер. Малое Княжье Село; 51 — между деревнями Ганино и Иваники; 52 — Иваниковское второе; 53 — Васильковское; 54 — Ганинское городище и селище; 55 — Рокачевское первое; 56 — Рокачевское второе; 57 — в устье р. Летковки; 58 — Иваниковское первое; 59 — Иваниковское третье; 60 — Клеховское второе; 61 — Клеховское первое; 62 — Рудловское; 63 — Рудловское городище; 64 — Бортоновское; 65 — селище северо-восточнее дер. Вишняки; 66 — Вишняковское; 67 — Василевское.

площадок над уровнем воды в реках — от 2—3 до 20 м. Площадь селищ — от 10 до 20 тыс. кв. м. Выделяются два поселения — самое маленькое, площадью 2,5 тыс. кв. м, и самое большое (селище Березинка 5) — около 30 тыс. кв. м. Крупные селища, площадью свыше 30 тыс. кв. м, — редчайшее исключение. За 3 года разведывательных работ на Смоленщине встречено только два таких больших поселения.

На двух березинских селищах, наряду с обломками гончарной керамики, найдена лепная IX—X вв., что позволяет считать временем их основания — IX—X вв. Начальная дата двух других селищ — XI в. Остальные возникли не раньше XII в.

Река Лосня в нижнем течении образует широкую заболоченную долину, берега которой далеко отстоят от русла реки и неудобны для размещения поселений. Обследование здесь не привело к открытию памятников древнерусского времени. Здесь нет поселений и сейчас. Но верховья реки и ее притоки были заселены в IX—XIV вв. очень густо. Сравнительно крупные

поселения располагались здесь на расстоянии от 0,5 до 1,5 км друг от друга. Общее представление о размерах сельских поселений, открытых в бассейне р. Лосни, дает табл. 1.

Таблица 1

Площадь поселений в бассейне р. Лосни

Площадь селищ в тыс. кв. м	До 5	От 5 до 9	От 9 до 12	От 12 до 20	Свыше 20	Общее количество поселений
Количество поселений	5	1	1	3	1	11

Среди поселений наиболее интересны 2 пункта. Деревню Долгий Мост, упоминаемую в источниках, рассказывающих о событиях XIII в.³, все исследователи смоленской старины помещают в районе нынешней дер. Долгомостье на р. Солодовой⁴. Другой деревни с подобным названием на Смоленщине нет. Археологические разведки в районе Долгомостья привели к открытию двух древнерусских поселений. Одно из них, очень незначительное по размерам, обнаружено на территории современной деревни, датируется XIV—XV вв. и, таким образом, не может быть той дер. Долгий Мост, около которой смоляне отразили набег одного из отрядов татаро-монгол. Этот пункт может быть отождествлен только с селищем, открытым в 0,5 км от южной окраины дер. Долгомостье на Старом Ельнинском тракте, в месте пересечения дорогой р. Солодовой⁵. Здесь в реку впадает безымянный ручей; вместе с ним река образует очень широкую заболоченную низину, через которую в XVIII в. была устроена насыпь с несколькими мостами. Название древней дер. Долгий Мост вполне оправдано.

В отличие от других древнерусских поселений в бассейне р. Лосни, площадка этого селища вытянута перпендикулярно берегу — вдоль Старой Ельнинской дороги. К сожалению, разведывательный шурф, заложенный в срединной части селища, показал, что культурный слой толщиной около 0,4 м полностью перепахан.

В 4—4,5 км от этого поселения, в верховьях р. Солодовой открыто другое очень интересное древнерусское селище, расположенное на правом берегу реки, в 200—250 м от юго-западной окраины дер. Белоручье. Площадка селища, как обычно, вытянута вдоль берега и возвышается над речной долиной на 1,5—4 м. Сбор подъемного материала на пашне (площадка селища давно распаханная) позволил заметить, что черепки глиняных сосудов распространены неравномерно. Скопления их, как правило, соответствовала пашня более темного цвета. Такие темные пятна пашни чередовались с более светлой поверхностью пахотного слоя. При осенней обработке поля под озимь на более темных пятнах показались многочисленные куски глиняной обмазки. На части селища длиной 300 м удалось наметить 8 пятен — темных, овально-четырёхугольных, каждое площадью 80—100 кв. м. Все эти 8 пятен расположены в один ряд по длинной оси селища — вдоль берега реки.

³ Ф. Буслаяев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 2. СПб., 1861, стр. 189.

⁴ П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895, стр. 59.

⁵ Любопытно, что старожилы этой деревни до сих пор хранят в памяти детали легендарных подвигов, совершенных Меркурием при разгроме татаро-монгольского отряда (эта легенда не известна в других деревнях Смоленщины). Они указывают, что сражение произошло около моста на Старой Ельнинской дороге, т. е. там, где нами открыто селище. В современной устной передаче легенда о подвигах Меркурия выглядит в несколько измененном виде. Рассказывают, что обезглавленный Меркурий пронес на копье свою отсеченную голову (по Старому Ельнинскому тракту) только до поселка Яново, где и был похоронен в одном из Яновских курганов.

На селище заложены 2 шурфа: один — на задернованной части, другой — на пашне. Первый шурф показал наличие под дерном темно-серого культурного слоя толщиной 0,25—0,3 м. Во втором шурфе на глубину 0,3—0,35 м шел пахотный слой, под которым открыт нетронутый черно-серый плотный слой с мелкими угольками. Его толщина не превышала 8—15 см. В пахотном и нижнем слоях встречено большое количество обломков древнерусской гончарной керамики (X—XIV вв.), а в нижнем, черно-сером слое, кроме того, найдены фрагменты лепной керамики IX—X вв., в том числе один венчик с орнаментом по верхнему срезу (рис. 21—1—3).

Обследование берегов р. Немыкарки и оз. Бидемли, из которого вытекает эта река, привело к открытию всего двух древнерусских селищ. Одно из них, расположенное в 1,2—1,5 км юго-восточнее современной дер. Верхние Немыкари на старице Днепра (теперь Днепр протекает на 0,5 км севернее), возможно, в древнерусское время называлось Немыкарями и было передано вместе с Немыкарскими озерами и сенокосными лугами Смоленской епископии. Старое русло Днепра образовывало здесь многочисленные петли. После появления нового русла на месте петель возникли многочисленные Немыкарские озера. По рассказам старожилов, местность между новым руслом Днепра и открытым нами селищем издавна носит название Немыкарских лугов, которые затопляются во время больших весенних разливов Днепра. Древнерусское селище занимает незатопляемое возвышение, называемое Немыкарской пустошью.

Границы поселения установлены по распространению подъемного материала (керамика, куски глиняной обмазки, камни со следами пребывания в огне) и по темно-коричневой окраске пахотного слоя (там, где не было подъемного материала пашня была светло-серой). Размеры селища — 250 × 150—200 м. Шурфовкой выявлено, что культурный слой перепахан. Исключение составляла срединная часть поселения, где нижний горизонт культурного слоя (толщиной всего 5—10 см) оказался нетронутым. Дата селища — XI—XIII вв.

При осмотре Арефинских курганов⁶ в 0,2—0,3 км северо-восточнее дер. Арефино-Второе на мысе, образованном извилиной р. Арефинки, открыто селище второй половины I тысячелетия н. э. Культурный слой здесь — черновато-серой окраски, что позволило детально очертить границы поселения. Его размеры — 180—270 × 250 м. На распаханной площади селища собрано много обломков лепной керамики, совершенно одинаковой с глиняной посудой из Арефинских длинных курганов.

Обширное пространство нижнего течения р. Волости, низовья рек Свиной, Боровки и Березни представляют собой низменную заболоченную местность, неудобную для поселений и непригодную для земледелия. Здесь при разведках открыто только одно селище, расположенное на небольшом всхолмлении среди заболоченных лугов в 1,5 км от дер. Шилово. Длина селища вдоль старицы р. Волости — около 160 м, ширина — 60—70 м.

Зато по верхнему течению р. Волости и на ее верхних притоках открыто свыше 40 древнерусских поселений (селищ и городищ) и несколько курганных могильников. Местность эта очень удобна для хлебопашества; на берегах рек много площадей, выгодных для размещения поселений.

Все исследованные селища, за исключением двух, вытянуты вдоль берегов рек; постройки были расположены в один-два ряда. Длина селищ колеб-

⁶ Об Арефинских курганах см. В. Грачев. Курганы Смоленской губернии. Смоленский вестник, 1894, № 149, стр. 2, 3; М. Ф. Кусц и н с к и й. Отчет о раскопках в Смоленской губернии в 1874 г. «Древности», т. IX, вып. 1, М., 1881, стр. 6; Указатель памятников Российского исторического музея, изд. 2-е, М., 1893, стр. 113—115; А. Н. Л я в д а н с к и й. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научные известия Смоленского гос. университета, т. 3, вып. 3, 1926, стр. 279—281; Отчет о раскопках Е. А. Шмидта в 1951 г. Архив ИИМК.

лется от 65 до 320 м, но чаще всего составляет 100—200 м. Небольшая ширина пятен культурного слоя (35—60 м) указывает, что преобладала одно-рядная застройка. Около трети общего количества селищ, исследованных

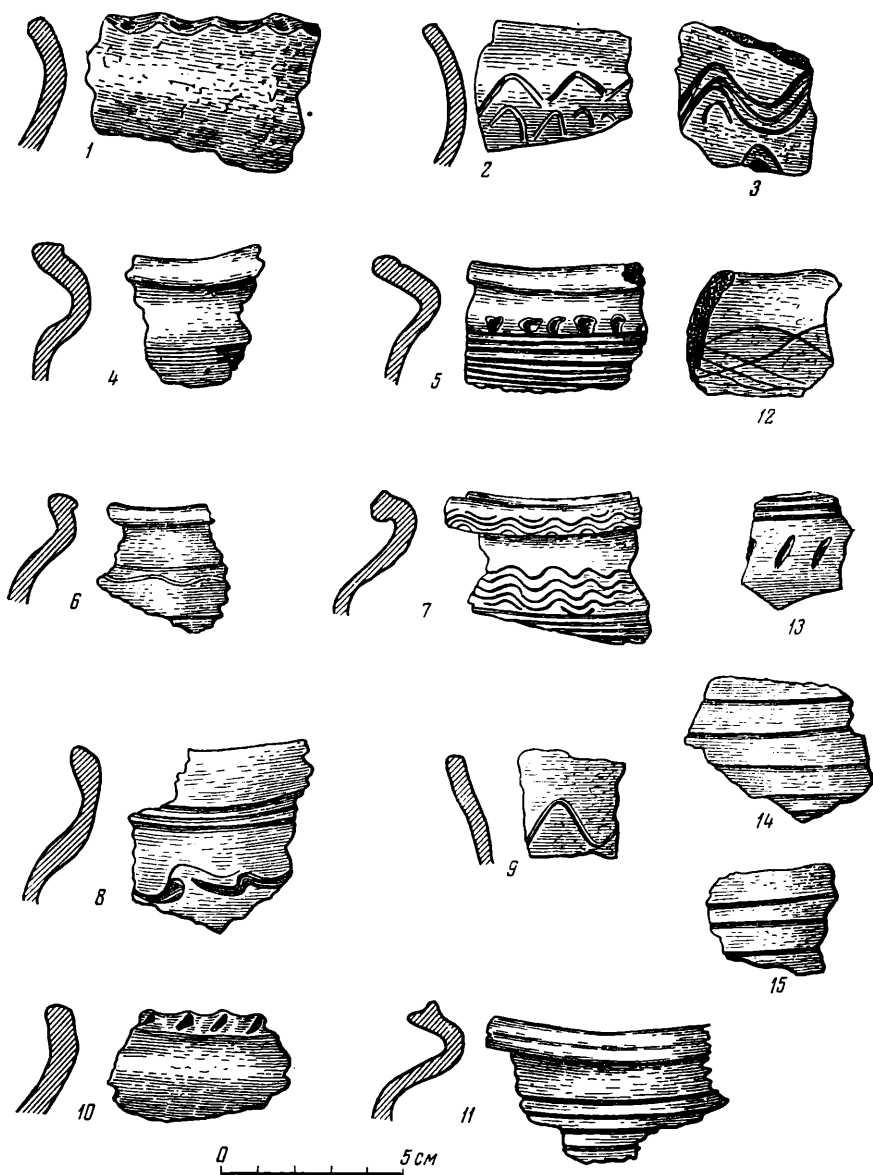

Рис. 21. Керамика с различных памятников.

1—3 — Белорученское селище (Лосня 5); 4—11 — Воротинское городище; 12 — селище Березинка 6;
13—15 — селище у дер. Малое Княжье Село.

в бассейне р. Волости, достигали ширины 80—150 м. Нужно полагать, что крестьянские дворы здесь были расположены в два ряда и более. При разведках 1956 г. удалось проследить планировку одного из таких поселений, открытого на правом берегу р. Лыховки (притока р. Мошны) близ дер. Малое Княжье Село. Селище занимает пологий (к реке) склон холма,

с западной и восточной сторон ограниченного оврагами. Характер пахотного слоя (темная окраска) и распространение находок позволили достаточно точно определить границы древнего поселения. Длина его равняется 190 м, ширина — 60—90 м.

При осмотре площадки селища с противоположного берега реки на общем темно-коричневом фоне пахотного слоя довольно четко выделялись более темные (черновато-коричневые) пятна овально-четырёхугольной формы. Размеры каждого пятна не превышали 10—15×7—8 м. Таких пятен насчитывалось семь, расположены они были в два ряда. При непосредственном осмотре пашни эти пятна сливались, так что вычертить их точные контуры было невозможно. Все же надо отметить, что в их пределах керамика и обломки глиняной обмазки встречались чаще, чем на остальной площади. Два шурфа, заложенных вне пятен, выявили наличие под пахотой непотревоженного темно-коричневого культурного слоя толщиной около 10 см. Обломки керамики, собранные на пашне и в шурфах, позволяют датировать поселение XI—XIV вв. Среди керамики два днища горшков оказались с клеймами.

Два древнерусских селища имели иную планировку (у дер. Орлово на правом берегу р. Дорхой близ дер. Пашино на левом берегу р. Волости; размеры каждого — 80×80 м) и по контурам напоминали небольшие деревеньки с кучевой бессистемной застройкой.

Общее представление о размерах древнерусских селищ, открытых в бассейне р. Волости, дает табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Площадь поселений в бассейне р. Волости

Площадь в тыс. кв. м	До 5	От 5 до 9	От 9 до 12	От 12 до 20	Свыше 20	Общее количество поселений
Количество поселений	2	9	8	10	11	40

Кроме неукрепленных сельских поселений X—XIV вв., в бассейне р. Волости открыты 3 городища с древнерусским культурным слоем⁷. Бородинское городище по внешнему облику ничем не отличается от прочих древнерусских городищ Смоленщины — Ковшаровского, Церковища и др. Расположено оно на высокой площадке левого берега р. Волости в 0,7 км выше дер. Бородино. Площадка городища (50×45 м) — яйцевидной формы (рис. 22—1), с северной и западной сторон ограждена глубоким оврагом, по дну которого течет безымянный ручей, впадающий здесь в реку; с восточной стороны городище выходит в долину Волости, а с южной — отрезано от остальной части берега дугообразным земляным валом и рвом.

Площадка городища плотно задернована и поросла молодым лесом, но среди леса и на валу заметны следы нескольких ям. Подъемного материала собрать не удалось. При шурфовке под дерном открылся культурный слой темно-серого цвета, с многочисленными кусками глиняной обмазки, мелкими угольками и камнями, побывавшими в огне. Толщина слоя — 0,4—0,5 м. В шурфе собраны большое количество фрагментов гончарной керамики XI—XIV вв., железный нож, часть цилиндрического замка и обломок медной пряжки.

За городищенским рвом открыто селище того же времени; площадка его вытянута вдоль берега на 140 м, ширина — 60—70 м. Шурфовка показала, что под пахотным слоем залегает непотревоженный слой толщиной 0,2—

⁷ Кроме того, в процессе археологических разведок открыто несколько памятников более раннего времени, описание которых здесь не дается.

0,3 м. Раскопки на Бородинском городище и селище включены в план последующих работ отряда.

Второе городище открыто на левом берегу р. Мошны в 1—1,5 км юго-восточнее дер. Воротнино. Оно занимает возвышение (более 20 м над уровнем воды в р. Мошне), вытянутое перпендикулярно течению реки (80×40 м). По обеим длинным сторонам тянутся широкие заболоченные низины, делающие городище почти недоступным; поэтому здесь нет валов. С северной же и южной сторон оно укреплено земляными валами: с северной — один вал, с южной, где городище менее всего ограждено естественными препятствиями, — 3 вала.

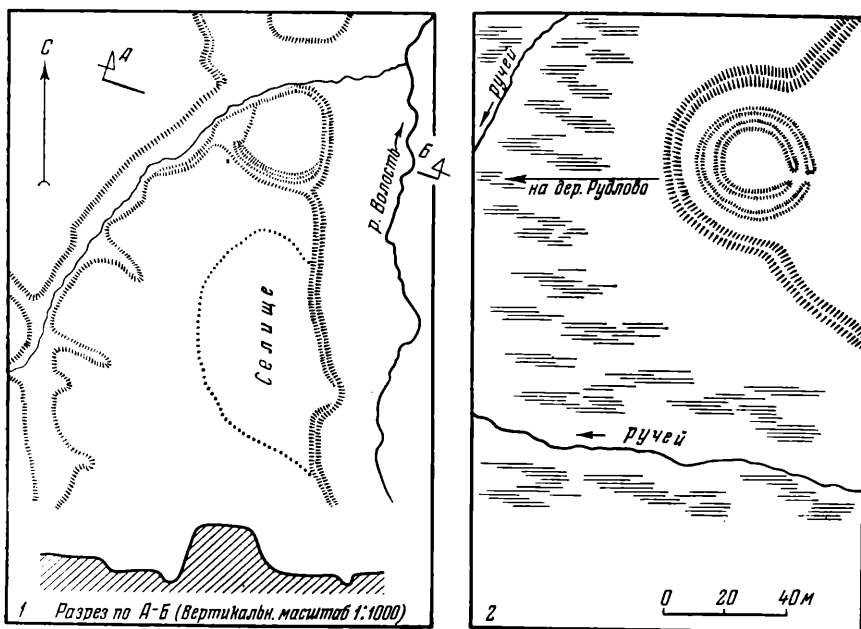

Рис. 22. Планы Бородинского городища и селища (1) и городища близ дер. Рудлово (2)

В XIX—XX вв. площадка городища использовалась под кладбище, поэтому шурф, заложенный в северо-западной части, показал, что культурный слой испорчен могильными ямами (глубина некоторых из них достигает 2,8 м). Культурный слой здесь продолжался до глубины 2,8 м. В нижних его горизонтах найдены большое количество лепной и круговой древнерусской керамики, железные ножи курганного облика, поясные пряжки, обломки шейной гривны, фрагмент стеклянного браслета и другие предметы. Обнаружены также обугленные зерна ржи. Нижние 10 см слоя — серый песок с редкими находками исключительно лепной керамики. Предварительная дата городища — X—XIII вв.

На том же берегу р. Мошны в 0,5 км северо-восточнее дер. Ганино открыто третье городище, отличающееся от описанных более крупными размерами (160×75 м). Оно занимает вытянутый вдоль берега плоский холм, со всех сторон огражденный глубокими оврагами и долиной реки, и только с южной стороны соединяется небольшой перемычкой с остальной частью берега. Здесь, по всей вероятности, был въезд. По краю площадки городища, с его восточной, северной и частично западной сторон видны остатки сильно расплывшегося вала. Площадка задернована и поросла редким

кустарником. При ее осмотре собрано всего 5 мелких обломков древнерусской гончарной керамики. В середине восточной половины городища был заложен разведывательный шурф. Оказалось, что культурный слой здесь достигает лишь около 12 см глубины. Цвет его — темно-коричневый. Собранный керамика позволяет датировать городище XI—XIV вв. Кроме керамики, при шурфовке найден небольшой обломок сошника.

Трехлетними археологическими исследованиями на Смоленщине установлено, что основным типом сельских поселений Смоленской земли IX—XIV вв. были неукрепленные селища — деревни. Одновременные им городища нужно считать поселениями феодалов и их слуг — феодальными замками. Они не могли служить убежищами для окрестного населения, так как, судя по раскопкам городища Церковище (см. ниже), были тесно застроены. Маловероятно предположение, что такие городища были поселениями сельских ремесленников. Если на Церковище и работало 2—3 ремесленника, то они были вотчинными; раскопки подчеркивают сельскохозяйственный характер этого памятника.

Особый интерес представляют городища, лишенные культурного слоя, которых в Смоленской земле известно довольно много. А. Н. Лявданский при классификации смоленских городищ выделил их в особую группу (третья группа), считая обрядовыми⁸. Впоследствии их считали и убежищами населения окрестных деревень, и феодальными замками, и разрытыми для каких-то целей майданами. Сложнейший вопрос их изучения — это датировка.

В районе археологических разведок 1956—1957 гг. обследованы 4 городища без культурного слоя, из которых два открыты вновь и два других уже известны в археологической литературе (рис. 22 — 2). Обследование в этих пунктах показало, что, по-видимому, большая часть смоленских городищ без культурного слоя относится к древнерусскому времени. Среди них круглые или овально-округлые городища, расположенные среди болот, были, вероятнее всего, культовыми памятниками — языческими святилищами.

* * *

Результаты разведочных раскопок, произведенных в 1955 г. на городище, получившем в археологической литературе название «Церковище», уже опубликованы в печати⁹. Тогда же решено было в ближайшие 3—4 года исследовать это поселение полностью. В 1956—1957 гг. вскрыто свыше $\frac{2}{3}$ его площади.

Уже при первых разведках мы отождествляли городище Церковище с поселением Воищиной¹⁰, упомянутым в Новгородской I летописи под 1258 г. Это отождествление основывается на том, что по соседству с городищем до начала XX в. существовала дер. Войновищина, которую все исследователи смоленской старины считали летописной Воищиной. Разведки подтвердили, что другого претендента на летописную Воищину в районе нет. Время гибели поселения, судя по археологическим раскопкам, — середина XIII в., что совпадает с летописным известием о захвате его литовцами в 1258 г. Наконец, осенью 1957 г. старожил дер. Селифоново (Козинский сельсовет, Смоленского района) И. С. Арсеньев сообщил сотрудникам экспедиции, что в конце XIX в. — начале XX в. это городище называлось Воинским городком, так как очень давно здесь жил боярин Воин. Таким образом, до начала XX в. народная память сохраняла древнее название этого городища.

Двухлетними раскопками выявлена следующая стратиграфия культурных напластований. Под дерновым слоем по всей площади раскопа (за ис-

⁸ А. Н. Лявданский. Указ. соч., стр. 179—296.

⁹ В. В. Седов. Указ. соч., стр. 112—115.

¹⁰ Там же.

ключением мест, где проходил вал) залегал темно-серый супесчаный слой с большим количеством мелких обломков глиняной обмазки (обожженной и необожженной) и угольков. Толщина этого слоя — до 0,45—0,85 м в южной половине городища и до 0,3—0,35 м — в северной. Под темно-серым слоем повсюду прослеживался черно-серый, с большим содержанием угольной пыли и мелкого гравия. Нижний слой и по находкам, и по керамике относится к последним столетиям I тысячелетия до н. э. и к первым столетиям I тысячелетия н. э.; поэтому он не связан с темой настоящей статьи.

Детальное наблюдение за верхним слоем показало, что его окраска и консистенция далеко не равномерны и по площади поселения, и на глубину залегания. Наметились более темные гумированные пятна — остатки жилых или хозяйственных построек, содержащие большое количество обломков необожженной глины (обмазки стен построек) и угольков. В плане такие пятна — подчетыреугольных очертаний, размеры их — от $2,7 \times 3,5$ м до $3,2 \times 5$ м. Почти каждое пятно сопровождалось остатками глинобитной печи или развалом печи-каменки. Под углами многих пятен в нижнем горизонте культурного слоя и в материке открыты ямы от вертикальных столбов. Вполне естественно, что за время отложения темно-серого слоя таких «жилых пятен» образовалось довольно много. Но, к сожалению, не все из них могут быть изучены. Хорошо прослеживаются остатки построек, относящихся к последнему периоду жизни на городище, т. е. к первой половине и середине XIII в. Остатки строений более раннего времени (XI—XII вв.) в большей или меньшей степени нарушены при строительстве в XII—XIII вв. и во время возведения оборонительных сооружений. Многие из них погибли и не могут быть восстановлены; другие, вероятно, можно будет реконструировать после завершения раскопок.

В течение 1955—1957 гг. открыты остатки 11 жилых построек, относящихся к последнему периоду жизни на городище (рис. 23). В XIII в. большинство жилых построек было расположено по краю площадки, некоторые почти вплотную примыкали к крепостной стене. Исключение составляют 2 постройки, открытых в серединной части городища, причем одна из них выделялась большим размером. Судя по остаткам сгоревших бревен, открытых при раскопках, жилыми постройками были бревенчатые срубы, углы которых опирались на столбы-«стулья» (ямы от них также обнаружены при раскопках). Бревенчатые стены промазывали глиной, как это делается и сейчас во многих деревнях обследуемых районов Смоленщины. Реже строили столбовые дома с легкими плетеными стенами, обмазанными глиной.

Постройка № 1 была размером $3,1 \times 2,6$ м. Обломки печной обмазки встречались по всей площади темного пятна, и местоположение печи установить не удалось. Вход в жилище находился в восточной стенке около северо-восточного угла, на что указывают находки дверной накладки и ключа. В слое, связываемом с жилищем, найдены железный серп, 2 ножа, глиняный светильник, неразбитый горшок, несколько обломков стеклянных браслетов и др.

Постройка № 2 — несколько более крупных размеров ($5,5 \times 2,6$ м). Под серединной длинных сторон ее открыты ямы от дополнительных столбов-«стульев». Печь занимала юго-западную часть, ее остатки прослежены в виде скопления глины и большого количества обломков печной обмазки. Судя по находке цилиндрического замка, можно предполагать, что вход находился с северной стороны. В слое этой постройки найдены обломок сошника, несколько железных ножей, глиняный тигель и льячка, сломанная медная булавка. Хозяин жилища, наряду с сельскохозяйственной деятельностью, видимо, занимался меднолитейным ремеслом.

Постройки № 3 и 4 были небольших размеров — $3,6 \times 2,8$ м и $4 \times 3,2$ м. Обнаружены остатки печей в виде крупных пятен оранжево-красной глины

и обломков печной обмазки. С этими постройками связываются находки серпа, косы-горбуши, железных ножей, шиферных пряслиц, ключей и др. Жилище № 5 (4,7×3,5 м) ничем не отличалось от предыдущих. Остатки печи в виде скопления оранжево-красных обломков глиняной обмазки и ее крошки открыты около середины западной стенки. В слое жилища встречены серп, шиферное пряслице, ключ, 2 ножа, обломки стеклянных браслетов и другие предметы. Постройки № 6 и 7 обнаружены около южной стены

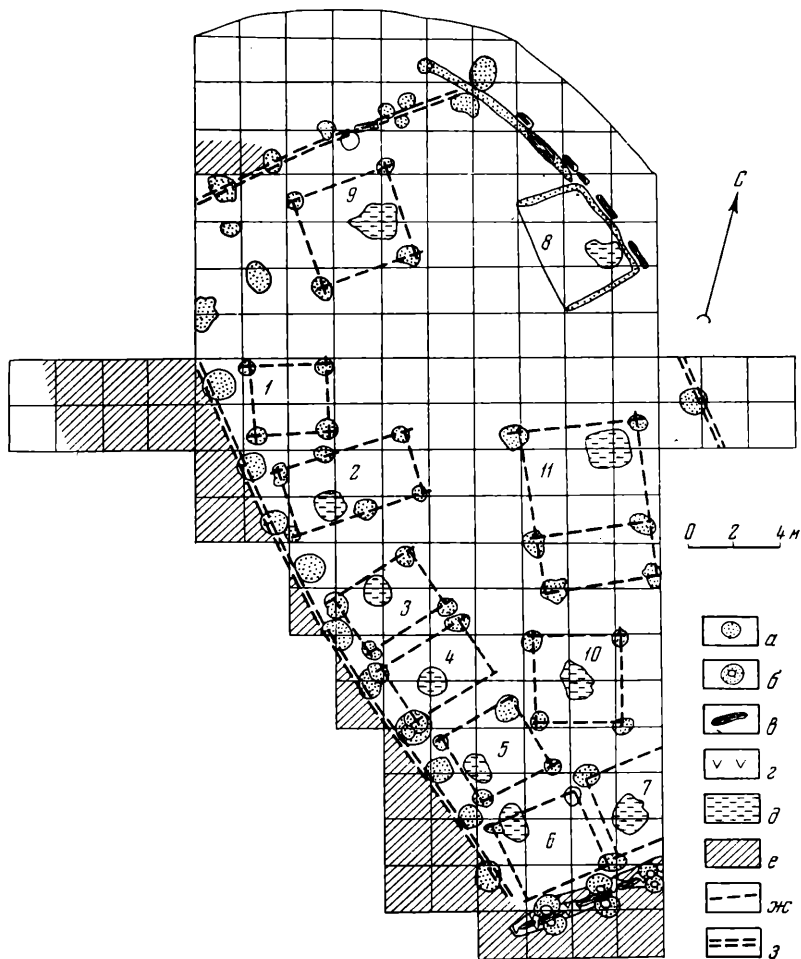

Рис. 23. План раскопа на городище Церковище (застройка XIII в.).

а — ямы от столбов; б — ямы от столбов (с пустотами); в — сгоревшие бревна in situ; г — угольный слой; д — остатки печей; е — насыпь вала; ж — жилые постройки (реконструкция); з — бревенчатая стена (реконструкция). Цифры на плане (1—11) — номера построек.

городища. Размеры жилища № 6 — около 4,2×3,9 м, ширина постройки № 7 та же — 3,9 м, но длина не известна, так как часть сооружения осталась за пределами раскопа. Печи, как и в остальных случаях, представлены скоплениями обломков глиняной обмазки. В развале печи постройки № 7 встречены закопченные камни. В слое жилища № 6 найдены серп, обломок пряслица, точильный брусок, 2 ножа, несколько железных гвоздей, счетная бирка из кости и дужка замка. С постройкой № 7 связаны находки пряслица, железных ножей, косы-горбуши и др.

Постройка № 8, исследованная в северной части городища, отличалась от других строений середины XIII в. При сооружении ее в культурном слое и материке был вырыт неглубокий котлован. Объясняется это тем, что жилище сооружалось в том месте, где поверхность площадки была не горизонтальной, а наклоненной в северо-восточном направлении. Котлован (5×3 м) вырыт на глубину около 0,5 м в юго-западной части и только 0,1 м — в северо-восточной. На дне котлована в материке по краям (кроме западной стороны) прослежены неглубокие канавки, где, нужно полагать, помещались бревна нижнего венца сруба. При расчистке найдено большое количество угля и обломков сгоревшего сруба; диаметр его бревен, по видимому, не превышал 10—12 см. Удалось установить, что постройка сгорела в момент гибели городища. В развале печи в виде большого количества печной обмазки, расчищенной в юго-восточной части жилища, обнаружены черепки двух глиняных горшков. За исключением двух обломков стеклянных браслетов, железного гвоздя и неопределенного железного предмета, находок больше не оказалось. Около жилища найден обломок железного серпа. Можно думать, что обитатели после того, как опасность миновала, вернулись на городище и забрали с собой необходимые вещи. Об этом, в частности, свидетельствует потрещинность слоя, заполняющего котлован.

Постройка № 9 по устройству аналогична описанным выше. Ее размеры — около 4×4 м; темное пятно культурного слоя жилища расплывчато. Следы глинобитной печи открыты в юго-восточной четверти помещения.

Постройки № 10 и 11, относящиеся к последнему периоду жизни на городище, открыты в срединной части его площадки, причем одна из них (№ 10), небольшая (около 4×4 м), примыкала к домам № 5—7. Остатки глинобитной печи обнаружены в срединной части. Постройка № 11 выделялась своими размерами (6,5×5 м). Вероятно, она была пятистенная, так как ямы от промежуточных «стульев» под длинными сторонами ее большие, глубокие и напоминали ямы угловых «стульев» (обычно ямы промежуточных «стульев» меньше угловых ям). Остатки печи в виде скопления глиняной обмазки и небольшого массива глины открыты в северо-восточном углу. Центральное местоположение постройки на городище и ее большие размеры заставляют считать, что она принадлежала хозяину поселения — феодалу.

Раскопки показали, что подобная планировка поселения была не только в последний период жизни на нем, но и ранее, в XII в. Открыты и изучены следы ряда построек XII в., также расположенных по краю городища.

Жилая площадка городища была обнесена бревенчатой стеной, которая восстанавливается по глубоким ямам в материке и по остаткам сгоревших бревен. Особенно детально удалось проследить устройство стены в южной части городища (рис. 23): бревна диаметром около 0,3—0,4 м клались одно на другое и зажимались между двумя рядами вертикальных столбов. При раскопках под сгоревшими бревнами открылись пустоты — ямы от сгнивших оснований вертикальных столбов диаметром около 0,3 м (верхние, наземные части их сгорели). Ямы были расположены попарно через каждые 2—2,3 м. По краям они заполнены плотным материковым песком с многочисленным камнем; диаметр ям — 0,4—0,7 м; расстояние между каждой парой — 0,3—0,4 м, что соответствует толщине бревен оборонительной стены. Керамика, собранная в слое пожара, показывает, что стена сгорела в середине XIII в., т. е. в момент гибели городища в 1258 г.

Такое же устройство бревенчатой стены прослежено в северной части городища; с западной же стороны вдоль внутреннего края насыпи вала открыты глубокие ямы от вертикальных столбов большого размера (0,4—0,6 м), расположенные в один ряд через каждые 2—2,3 м. Здесь горизонтальные бревна не были зажаты между двумя рядами вертикальных стояков, как в южной и северной частях городища. Концы их или были забраны в пазы вертикальных стояков, или же бревна просто прижимались к ним насыпью

вала. Конструкция оборонительной стены в восточной части городища пока не ясна. Раскопками вскрыты здесь многочисленные остатки сгоревших бревен, а в материке обнаружена неглубокая канава, видимо, от основания стены, но ям от вертикальных стоек не оказалось.

С внешней стороны к бревенчатой стене городища (в его северо-западной, западной и южной частях) был присыпан земляной вал. С северо-восточной стороны, где склон к р. Наготи очень высок и крут, вала не было. Укрепление здесь состояло только из бревенчатой стены.

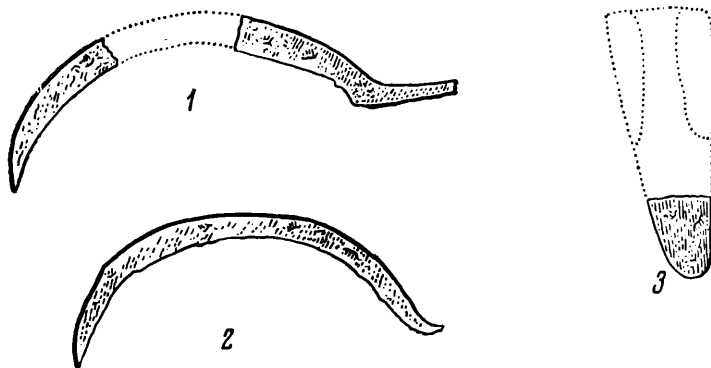

Рис. 24. Сельскохозяйственные орудия из раскопок на городище Церковище.

1, 2 — серпы; 3 — сошник (реконструкция).

В слое насыпи вала, содержащем бурую супесь (светлых и темных оттенков), желтый песок, глину, золу, камни, уголь и черно-серые примеси, встречены немногочисленные обломки лепной керамики, характерной для нижнего слоя городища, а также фрагменты гончарной посуды XI в. Вал, по-видимому, был сооружен в самом начале образования верхнего, древнерусского слоя, так как под его насыпью непосредственно залегают нижний (черно-серый) слой. В отдельных местах раскопа прослежена вымостка внешнего склона вала булыжником, в других — значительное количество отдельно разбросанных камней; это дает основание полагать, что вся поверхность вала с его внешней стороны была выложена булыжником.

Предварительное изучение керамики из темно-серого слоя городища позволяет датировать слой второй половиной XI в. — серединой XIII в. Эту же дату подтверждают и другие находки, значительную часть которых составляют сельскохозяйственные орудия — серпы, косы-горбуши и обломки сошников (рис. 24). В верхнем слое городища собрано много костей домашних и диких животных. Изучение остеологического материала, произведенное В. И. Цалкиным, показало, что кости домашних животных составляют 80% общего количества костных остатков, свидетельствуя о серьезном преобладании скотоводства над охотой. На долю диких животных приходится всего 13,8%, остальную часть составляют кости птиц (6,0%) и рыб (0,2%).

Только два факта говорят о ремесленном производстве. Судя по находкам тигля, льячки и медных обрезков, в жилище № 2 (XIII в.) жил и работал меднолитейщик. Есть основание для предположения об изготовлении стеклянных браслетов, хотя сама мастерская при раскопках не открыта. Предположение основано, во-первых, на том, что вблизи поселения есть залежи песка, пригодного для стекольного ремесла; во-вторых, — на том, что на городище обнаружено несколько кусков этого песка (что вряд ли случайно); в-третьих, — на находке производственного брака стеклянных браслетов

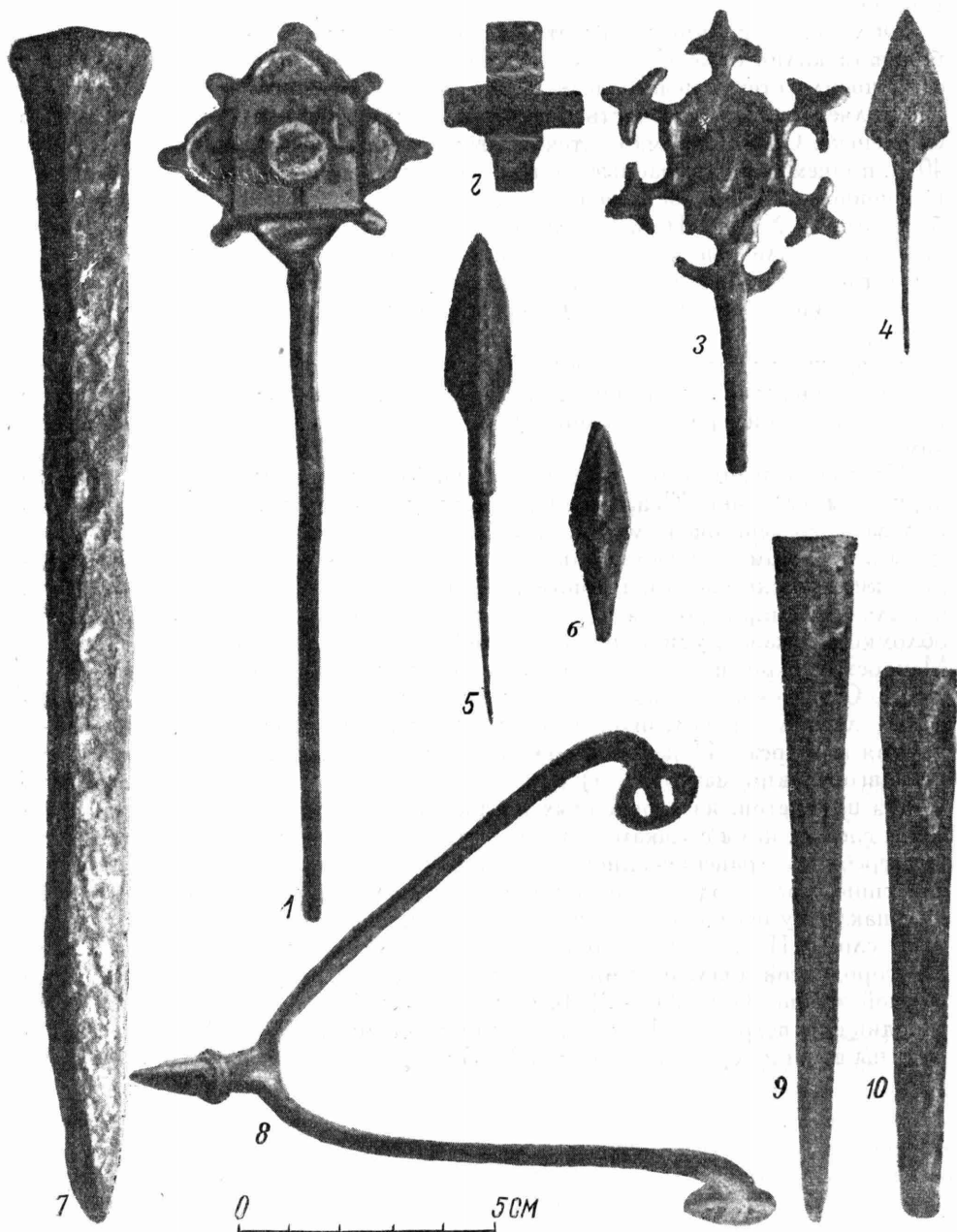

Рис. 25. Вещи из раскопок на городище Церковище.

1, 3 — булавки; 2 — мраморный крест в серебряной оковке; 4—6 — наконечники стрел;
7 — долото; 8 — шпора; 9, 10 — обломки клинков кинжалов.

(браслет, вероятно, в горячем виде обвивали желтой стекловидной нитью, но в этот момент он сломался, нить попала на торцовую часть и так застыла).

Обломки стеклянных браслетов встречены в древнерусском слое в очень большом количестве. Конечно, нет сомнения в том, что жители городища сами носили стеклянные браслеты; но слишком уж большое их количество заставляет думать, что часть браслетов предназначалась для продажи в Смоленске. Среди обломков стеклянных браслетов витые составляют около 40%, причем так называемые часто-витые или ребристо-витые, относящиеся в основном к XI в., встречены в единичных экземплярах; основная масса браслетов — XII—XIII вв. Больше всего браслетов зеленых, на втором месте — изготовленные из стекла бутылочного цвета; найдены также желтые, фиолетовые, голубые и темно-коричневые. Сравнительно часто встречаются браслеты (и витые, и гладкие), перевитые желтой нитью из стекловидной массы.

Прядением и ткачеством, видимо занимались почти в каждом жилище. Здесь найдены биконические пряслица, в большинстве случаев сделанные из розового шифера. Некоторые из пряслиц помечены различными знаками.

Следов железоделательного и железообрабатывающего ремесел в древнерусском слое нет. Между тем различных предметов, изготовленных из железа, встречено очень много. Помимо сельскохозяйственных орудий, найдены в большом количестве ключи внутренних и навесных замков, цилиндрические навесные замки, дверные пробой и накладки, скобы, кресала, ножи и шилья, ножницы, долота, топоры, дужки деревянных ведер, копья, стрелы, обломки кинжалов, удила, шпоры, кольца, обломки стремян и др. (рис. 25). Макроструктурный анализ ножей, произведенный в лаборатории ИИМК Т. М. Смирновой, показал наличие у большинства из них стальной наварки лезвия на железную основу клинка. Наварка стальных лезвий — прямая или косая. Ножей со сложной наваркой лезвий, характерной (судя по новгородским материалам) для X—XI вв., на городище не встречено.

Из предметов, изготовленных из кости, кроме рукояток ножей, обнаружены гребни, иглы с ушками и проколки, обломок счетной бирки. Все костяные гребни — трапециевидной формы, двусторонние, вырезаны из цельной пластины. Только один гребень имеет скругленные боковые стороны и костяную накладку посередине, прикрепленную медными гвоздиками.

В слое XII в. найдены бронзовая фибула, орнаментированная красной перегородчатой эмалью, и мраморный крестик с серебряной оковкой, выложенной зернью (рис. 25 — 2). Керамики и вещей конца XIII в. и позже на городище не встречено. В самых верхних горизонтах культурного слоя обнаружены вещи и керамика середины XIII в.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

РАЗВЕДКИ В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В связи с предстоящими большими гидротехническими работами на притоках р. Москвы — реках Рузе и Озерне разведочным отрядом Рузской экспедиции ИИМК проведено сплошное обследование их берегов с целью выявить археологические памятники, попадающие в зону затопления¹. За 2 месяца в 1956 и 1957 гг. осмотрены берега р. Рузы от с. Чернево Осташевского района до впадения ее в р. Москву и берега р. Озерны от истоков до устья (рис. 26). Выявлено и обследовано до 30 археологических памятников, расположенных по берегам этих рек в Рузском, Осташевском и Ново-Петровском районах Московской области. Среди них — городища и селища дьяковского времени, городища, селища и курганные группы XI—XIII вв., открытые и укрепленные поселения XIV—XVII вв. Памятников более раннего времени, кроме известного фатьяновского могильника у с. Баланово, в зоне обследования не встретилось; лишь на одном из поздних поселений у с. Дерменцево найден обломок кремневого орудия с двусторонне обработанной поверхностью.

Памятники дьяковского времени

¹ Селище в 0,5 км к юго-востоку от с. Сытьково, Осташевского района, на левом берегу р. Рузы. Расположено на распаханном участке пологого берега реки. Видимые размеры его — 70×50 м. Культурный слой — небольшой мощности и плохо окрашенный. Вся собранная на селище керамика лепная, в тесте — примесь дресвы. Часть сосудов орнаментирована: на шейках и плечиках — защипы, по краю венчиков иногда встречаются насечки. По керамике селище может быть датировано III—V вв. н. э.

² Городище в 100 км к юго-западу от с. Слобода, Ново-Петровского района, на левом берегу р. Озерны. Городище размещается на сравнительно невысоком мысе, образованном кромкой берега р. Озерны и долиной ручья Студенец. Площадка в виде вытянутого треугольника достигает длины 50 м

---

¹ Работы велись под руководством А. Ф. Дубынина, при участии Р. Л. Розенфельда, Г. Ф. Никитиной, К. А. Смирнова, Н. А. Красновской, Н. Ф. Шаговой. Съемки — топографа И. В. Андрианова. Разведки проведены в Рузском, Осташевском и Ново-Петровском районах.

² Номера памятников соответствуют номерам на карте (рис. 26).

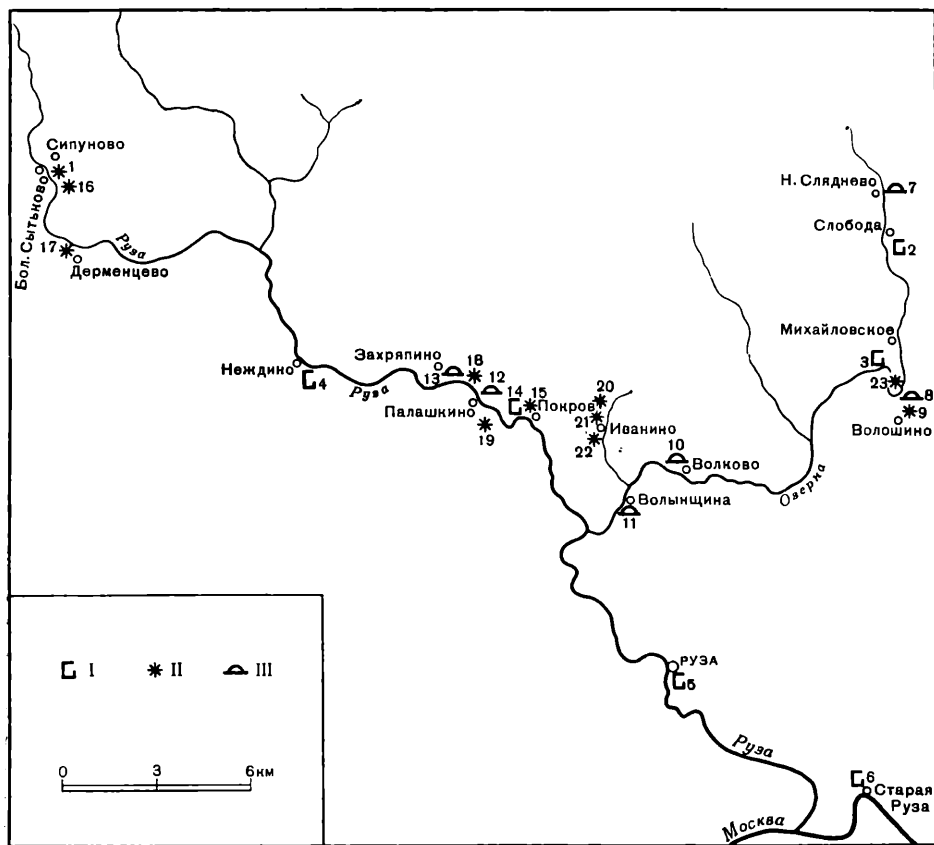
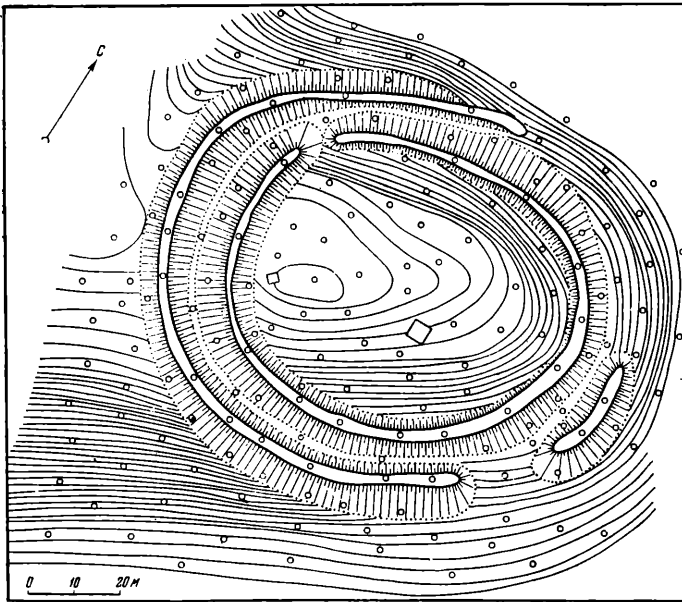

Рис. 26. Карта размещения памятников по рекам Рузе и Озерне.

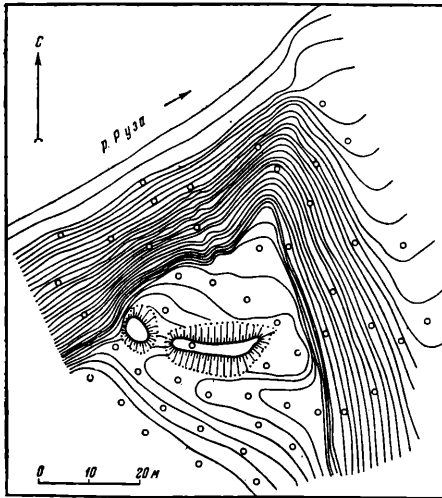
I — городища; II — селнца; III — курганные группы. Номера памятников (1—23) соответствуют номерам описаний в тексте статьи.

и ширины до 15—20 м. С напольной стороны она защищена двойным рядом валов и рвов. Культурный слой — интенсивно-черного цвета; толщина его — 0,3—0,6 м. При шурфовке в нем найдена лепная керамика грубой выделки, орнаментированная многозубым штампом. Судя по собранной керамике, дата поселения — III—V вв. н. э.

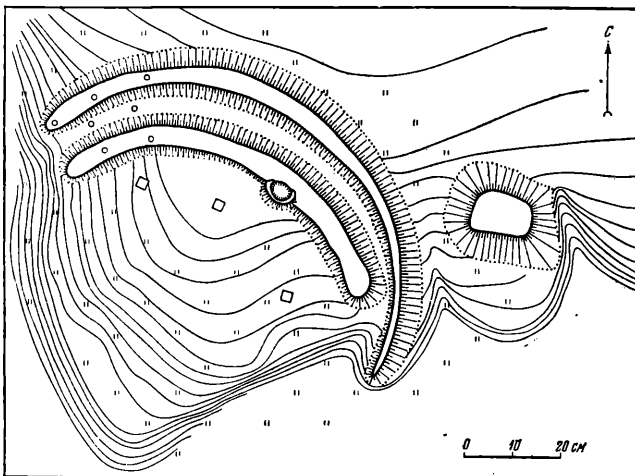
3. Городище у с. Михайловка, Рузского района, на правом берегу р. Озерны. Расположено в 1 км к югу от села на высоком мысе, образованном р. Озерной и впадающим в нее ручьем Городенкой (рис. 27 — 1). Высота мыса над урезом воды р. Озерны — 23—24 м. Площадка городища — овальной формы, слегка вытянута с запада на восток; ее максимальная длина — около 40 м, при ширине до 20 м. Площадка ограждена двойным кольцевым валом. Высота валов с напольной стороны — до 2 м. С севера, востока и юга заходят на скат мыса. На поселении обнаружен интенсивно-черный культурный слой мощностью 0,3—0,8 м, обильно насыщенный обломками керамики и другими находками. В шурфе, заложенном в восточной части площадки, найдены: грузик «дьякова» типа, шаровидно-уплощенное глиняное пряслице, 2 обработанных кости животных и точильный брусок (рис. 28). Там же был обнаружен обломок проушного каменного молота из мелкозернистого темного камня, относящийся, по-видимому, к фатьяновскому времени (рис. 28—2). Керамика, собранная на поселении, — вся леп-

1

2

3

Рис. 27. Планы некоторых городищ на реках Рузе и Озерне.

- 1 — городище у с. Михайловка;
- 2 — городище у с. Нежино;
- 3 — городище и селище у с. Покров.

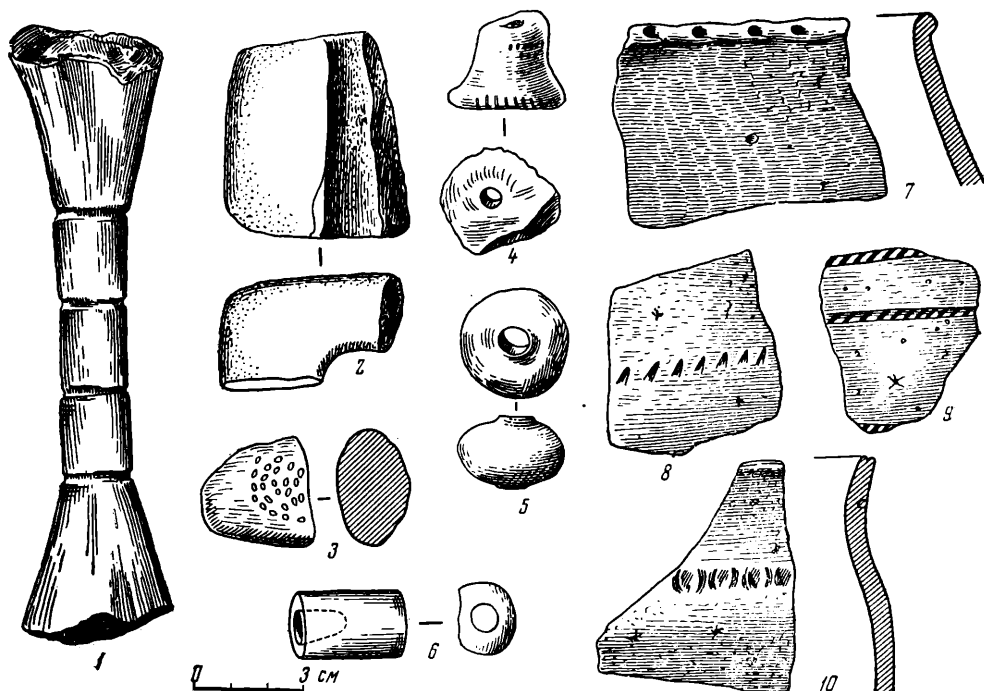

Рис. 28. Находки на Михайловском городище.

1 — обработанная кость; 2 — обломок каменного молота; 3 — глиняная табличка с наколами; 4 — грузик «дыякова» типа; 5 — глиняное пряслице; 6 — роговая втулка; 7—10 — образцы керамики.

ная; тесто — с примесью дресвы и песка. Значительный процент сосудов орнаментирован: отмечены зашпы, ногтевой орнамент, ямки, отпечатки различных штампов (рис. 28 — 7 — 10). Встречена и подлощенная керамика.

В другом шурфе, заложеном в западной части площадки у вала, прослежены остатки глубокой канавы, из которой бралась земля для насыпки оборонительных сооружений.

Судя по собранным на городище находкам, дата его — IV — V вв. н. э.

Памятники XI—XIII вв.

4. Городище в 1,5 км к юго-востоку от с. Неждино, Осташевского района, на высоком (до 13 м) мысе, образованном правым берегом р. Рузы и впадающим в нее безымянным ручьем. Площадка городища — подтреугольной формы (рис. 27—2) и с напольной стороны защищена мощным валом (высотой до 2 м) и рвом. К настоящему времени сохранилась только незначительная часть площадки, на ней — культурный слой толщиной до 0,4 м. При зачистках собрана круговая керамика с линейным и волнистым орнаментом, по которой памятник может быть датирован XI—XIII вв.

5. Рузское городище, расположенное в центре города Рузы на мысе, образованном р. Рузой при впадении в нее речки Городенки. Это остатки кремля г. Рузы, сооружение которого летописью относится к 1148 г. С напольной стороны мыс укреплен мощным земляным валом; вал меньшей высоты — со стороны речки Городенки. Площадка городища — подтреугольной формы и вытянута с севера на юг. Этот памятник давно привлекает внимание историков и археологов. В 1947 г. он исследовался Л. А. Голубевой, которой удалось найти на нем не только напластования XI—XVII вв., но и керамику

«дьякова» типа начала нашей эры³. По-видимому, в южной части мыса предполагалось дьяковское городище.

6. Городище Старая Руза, находящееся на западной окраине с. Старая Руза, у ручья, впадающего в р. Москву, в 200 м от его устья. Помещается на мысе, образованном долиной ручья и оврагом. Площадка городища — овальной формы и вытянута в направлении с севера на юг. С напольной южной стороны она защищена валом высотой до 4 м и глубоким рвом. Площадка и вал заняты современным кладбищем. Культурный слой сильно испорчен могилами. В выбросе из могильных ям и при шурфовке собрана круговая керамика XI—XIII вв. Культурный слой достигает 0,4—0,5 м. Напластований XV—XVII вв. нет.

7. Группа курганов у с. Нижнее Сляднево, Ново-Петровского района, на левом берегу р. Озерны. В 20-х годах исследовалась К. Я. Виноградовым⁴. Сейчас в ней насчитывается не более 2 десятков курганов высотой до 1,5 м, частично раскопанных и испорченных.

8. Курганная группа, расположенная в полукилометре на север от с. Волошино, на левом берегу р. Озерны, по дороге на с. Михайловское, Рузского района. В группе насчитывается 5 курганов высотой до 2 м.

9. Селище XII—XIII вв., находящееся между указанной курганной группой и с. Волошино. Культурный слой распространен на 50—60 м вдоль дороги. На селище найдена круговая керамика XII—XIV вв. На некоторых образцах посуды — линейный и волнистый орнамент. Кроме керамики, обнаружен обломок железного наконечника копья.

10. Курганная группа в с. Волково, Рузского района (правый берег р. Озерны). Когда-то ранее на территории села была курганная группа, ныне не существующая. До сих пор в разных местах села, преимущественно в центре его, при земляных работах находят украшения XII—XIII вв., происходящие из разрушенных погребений.

11. Группа курганов, расположенная в 800 м к западу от с. Волинщина, Рузского района (р. Озерна, левый берег). В группе насчитывается сейчас 7 курганов высотой до 2 м. Все они раскопаны. Очевидно, это та курганная группа, которую в 1900 г. исследовал Н. Г. Керцелли⁵. Тогда она состояла из 16 курганов.

12. Находящаяся на левом берегу р. Рузы курганная группа (напротив с. Палашкино, Рузского района). Состоит из 4 курганов высотой в среднем около 1 м. Два из них раскопаны колодцем.

13. Курганная группа у с. Захряпино, Рузского района, состоящая из 15 курганов, которые расположены на останце левого берега р. Озерны в 700 м к югу от села. По-видимому, эта группа исследовалась в 1900 г. И. И. Ильиным⁶. Тогда в ней насчитывалось 25 курганов; из них было вскрыто пять. Высота курганов — от 0,4 до 1,2 м. Экспедицией произведены разведочные раскопки, для которых был выбран в северо-западной части группы небольшой курган (высотой около 0,8 м при диаметре 6 м), сильно оплывший в северном направлении, так как расположен он на довольно крутом склоне. Насыпь задернована. В восточной ее части под дерном обнаружено скопление валунов диаметром 7—15 см, лежащих в виде небольшой вымостки. По основанию насыпи курган также был обложен валунами, скрытыми до раскопок под дерном. Погребение вскрыто под западной полкой, на

³ Л. А. Голубева. Раскопки в Рузе. Труды ГИМ, вып. 22, М., 1953, стр. 141 и сл.

⁴ К. Я. Виноградов. Древнейшие следы культуры славян и финнов в Воскресенском уезде Московской губернии. Археологические раскопки 1923 и 1924 гг. Государственного Новоиерусалимского художественно-исторического краевого музея. Воскресенск, 1925, стр. 36, 37, карта 4.

⁵ «Антропологическая выставка 1879 г.», т. II, М., 1879, стр. 9—12.

⁶ С. К. Богоявленский. Материалы к археологической карте Московского края. МИА № 7, 1947, стр. 169.

уровне древнего горизонта, на глубине около 0,8 м. Оно оказалось сильно смещенным по отношению к центру насыпи. На горизонте, который состоял из плотной коричневой глины, найден вытянутый на спине костяк женщины, ориентированный головой на юго-запад — юг. Правая рука была положена вдоль туловища, левая — согнута, и кисть ее покоилась у груди. Длина костяка — около 1,7 м. В захоронении оказались следующие вещи: на фаланге правой руки — орнаментированный пластинчатый перстень с сомкнутыми концами (рис. 29); у локтя левой руки — медный решетчатый

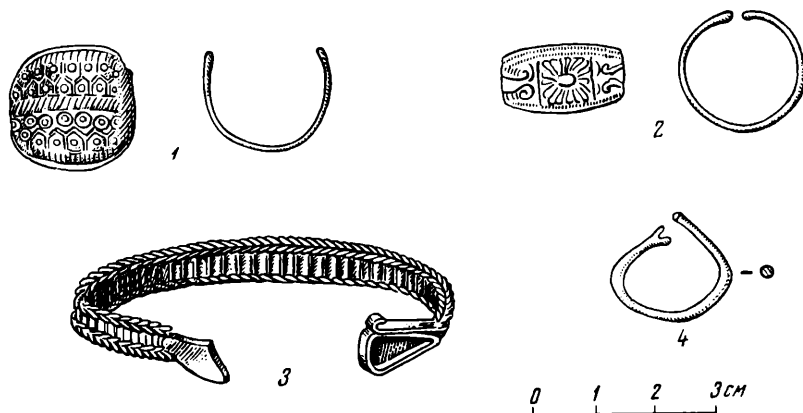

Рис. 29. Находки из кургана у с. Захряпино.

1, 2, — медные перстни; 3 — проволочный браслет; 4 — височное кольцо.

четырёхлинейный перстень»; на левой руке у локтя — плетенный из тонкой проволоки браслет с расплюснутыми концами, к которым были припаяны завершения треугольной формы, с пастовыми вставками. Около черепа найдено проволочное височное кольцо перстнеобразной формы, один конец которого расклепан и в нем — небольшое отверстие. В насыпи обнаружен обломок горшка с линейным орнаментом. По найденным вещам курган датируется концом XII в. — началом XIII в. По-видимому, это кривичское погребение.

Поселения XV—XVII вв.

14, 15. Городище и селище, находящиеся на левом берегу р. Рузы между селами Покров и Шарково Рузского района (рис. 27 — 3). На обширном мысе трапециевидной формы, образованном двумя оврагами, которые выходят в пойму реки, располагается большое распаханное селище; оно окружает городище, площадка которого имеет подтреугольную форму и защищена с западной стороны двумя сильно оплывшими валами и рвами. В 10 м к востоку от городища на территории селища — большой курган с плоской вершиной, высотой до 2 м и диаметром 15—18 м. Размеры площадки городища с севера на юг — 50 м, с востока на запад — 40 м. Размеры селища соответственно — 60 м и около 200 м. На городище было заложено несколько шурфов, которые показали, что культурный слой достигает 1,2 м. В шурфах оказались остатки деревянных сооружений и отдельные находки — пряжка, нож. Собрано много керамики XV—XVII вв. Такой же материал встречен и на селище. По-видимому, городище у с. Покров является остатком укрепленной усадьбы XV—XVII вв. и приусадебной деревни того же времени.

Поздние селища XV—XVIII вв.

16. Селище XVII в. в 1 км к югу от с. Сипуново, Осташевского района, расположенное на левом берегу р. Рузы, по обрывистой береговой кромке реки. Протяженность его с севера на юг — около 70 м, с востока на запад — до 40—50 м.

17. Относящееся к XVII—XVIII вв. селище, которое находится в 0,5 км на север от с. Дерменцево, Осташевского района, на правом берегу р. Рузы, на большом мысе, образованном оврагом и поймой р. Рузы. Культурный слой выражен плохо.

18. Селище XVI—XVII вв., обнаруженное в 1 км на юго-восток от с. Захряпино, Рузского района, на левом берегу р. Рузы, справа от дороги, идущей с шоссе Руза — Осташево на с. Палашкино.

19. Датированное XVII в. селище, находящееся в 1 км к югу от с. Палашкино, Рузского района, на правом берегу р. Рузы. Оно занимает мыс, образованный поймой реки и оврагом. Поверхность селища распахивается. На ней собраны значительное количество керамики и отдельные вещи.

20. Селище XVII—XVIII вв., открытое в 700 м к северу от дер. Иваново, Рузского района, на правом берегу р. Хлыньи, притока р. Озерны. Селище распахивается.

21. Селище XVII—XVIII вв., расположенное в 300 м к северу от дер. Иваново, Рузского района, на правом берегу р. Хлыньи, притока р. Озерны.

22. Относящееся к XVII—XVIII вв. селище в 300 м к юго-востоку от дер. Иваново, Рузского района, на правом берегу р. Хлыньи, притока р. Озерны.

23. Селище XV—XVII вв., находящееся в 1 км к югу от с. Михайловка, Рузского района, на правом берегу р. Озерны. При шурфовке обнаружены остатки углубленного жилища.

Приведенные в настоящей статье материалы особенно интересны для составления археологической карты Московской области, ибо некоторая часть из выявленных нами памятников затопляется при создании водохранилищ на реках Рузе и Озерне и не будет доступна для исследования.

А. Ф. ДУБЫНИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В ЗАРЯДЬЕ (МОСКВА)
В 1956 году

Московской экспедицией ИИМК¹ в 1956 г. были продолжены археологические исследования архитектурного памятника, открытого в 1955 г. в Зарядье, на углу Елецкого и Максимовского переулков². Постройка состояла из 8 помещений, примыкавших друг к другу. Их остатки находились на глубине 0,5 м.

Стены помещения 1 (рис. 30) сложены из белого камня на извести в характерной для древнерусского зодчества системе «полубутовой» кладки. Внутренняя облицовка их выложена из правильных квадров белого известняка мячковского типа (рис. 31—1). В забутовке камни — неправильной формы, причем характерно присутствие мягкого камня желтого цвета³.

Внутри помещения вдоль стен вбиты сваи. Между их верхушками уложены на известковом растворе небольшие обломки белого камня. С наружной стороны свай не обнаружено.

Откосы дверного проема выложены из постелистых блоков белого камня и большемерного кирпича, за подлицовкой которого сохранилась кладка из маломерного кирпича⁴. Наличие этих блоков и большемерного кирпича — результат поздних переделок. В западной стене сохранились основания ниши и оконного проема со следами железной решетки. Окно было сделано в нише, очевидно, вскоре после постройки здания. Остатки ниши отмечены и в восточной стене.

Фундамент заложен на глубину 1,8 м от дневной поверхности здания. Он сложен на известковом растворе из правильных рядов грубо отесанных блоков более или менее прямоугольной формы. Начало лицевой кладки соответствует низу оконного проема на западном фасаде. Кладка стен из белокаменных блоков сохранилась на западном фасаде на высоту 2 рядов, на северном — трех, где поверх их фрагментарно находился ряд кладки из маломерного кирпича.

¹ Состав Московской экспедиции 1956 г.: А. Ф. Дубынин — начальник экспедиции, Р. Л. Розенфельдт — заместитель начальника экспедиции, научные сотрудники — И. Г. Розенфельдт, Х. И. Крис, К. А. Смирнов, Н. А. Красновская, И. Г. Раздорская. Работы проводились на средства, выделенные Управлением строительства многоэтажных зданий г. Москвы.

² Раскоп № 10 был заложен на месте дома № 5/6 по Елецкому переулку. В 1956 г. его вели Р. Л. Розенфельдт и К. А. Смирнов. Консультант — архитектор С. С. Подъяпольский.

³ Плотно сцементированный мелкий песок, близкий к песчаннику.

⁴ Маломерный кирпич имел следующие размеры: 4(4,5) × 10(11) × 21(22) см, большемерный — 7 × 14 × 19 см.

С наружной стороны на южной стене заметны следы перелицовки в более позднее время. Около стены, на уровне входа в помещение 1 — выстилка из большемерного кирпича. Против южной стены на глубине 1,5 м обнаружены фрагменты разрушенной ее верхней части, которая была сложена из маломерного кирпича.

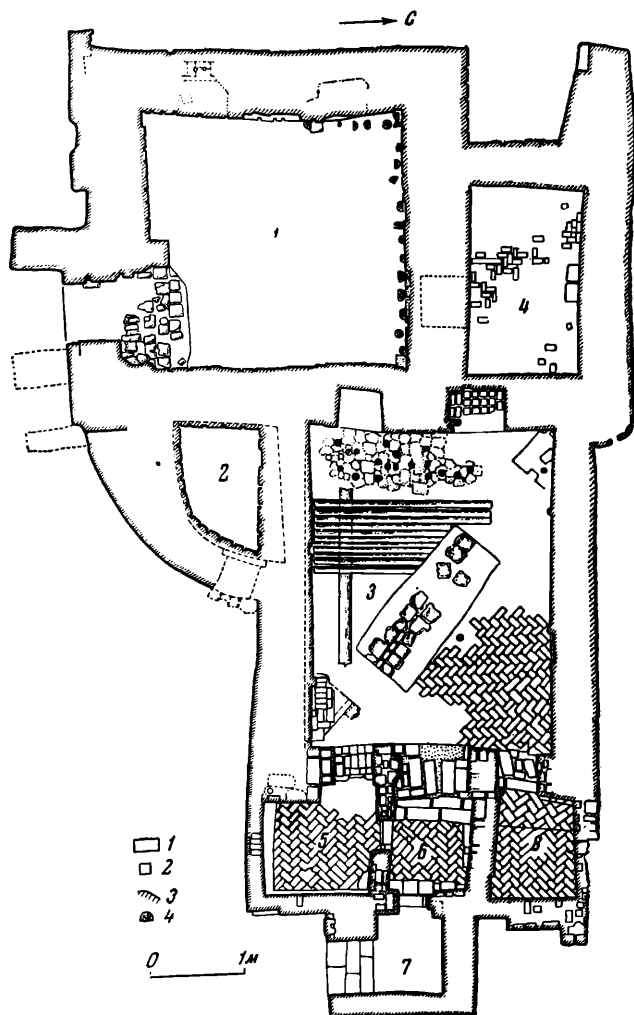

Рис. 30. Общий вид архитектурного комплекса XVI—XVII вв., вскрытого в Зарядье (Москва).

1—8 — номера помещений.

С восточной стороны к помещению 1 примыкало помещение 2⁵. С южной и восточной сторон оно ограждено дугообразной в плане наружной стеной из грубо отесанных блоков известняка прямоугольной формы. С внутренней стороны стены, смежной с помещением 3, чередуется без всякой системы

⁵ Обмер и снятие плана архитектурного комплекса было произведено бригадой Центральных научно-реставрационных мастерских Академии строительства и архитектуры СССР в составе архитекторов С. С. Подъяпольского, Е. П. Добромысловой, Б. Л. Альтшулера и Т. Г. Легезы под руководством Л. А. Давида.

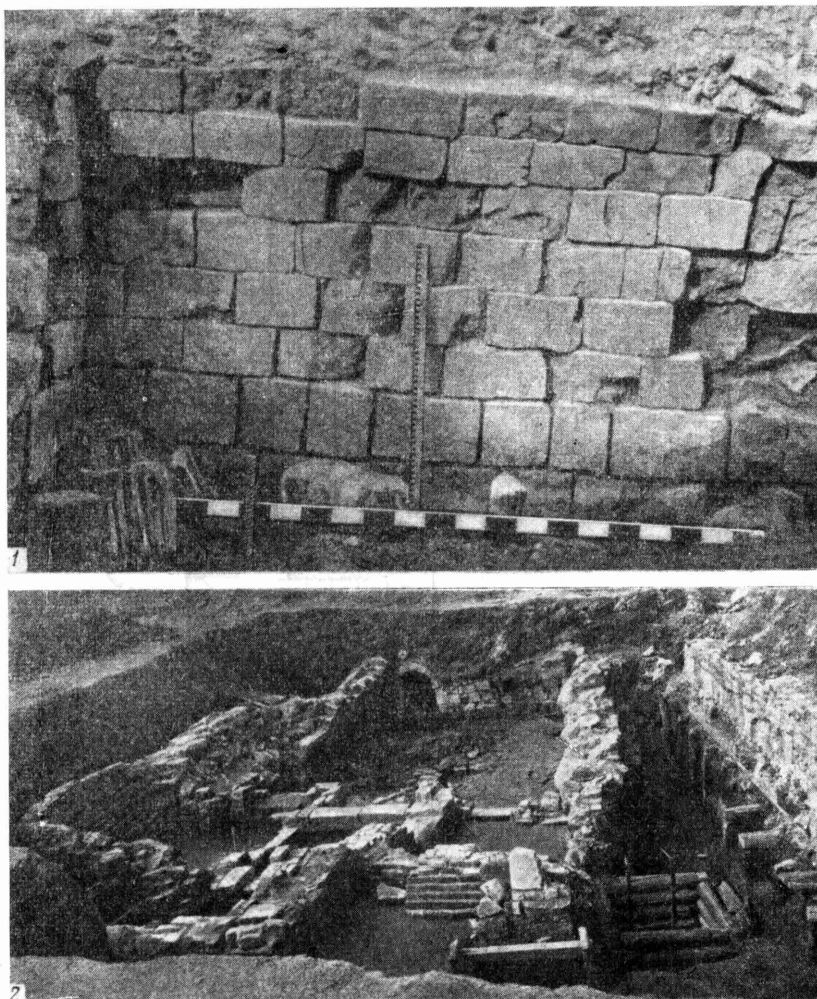

Рис. 31. Москва. Зарядье. Белокаменная кладка (1) помещения 1 (XVI в.) и общий вид (2) восточной части архитектурного комплекса (XVII в.).

кладка из белокаменных блоков разной формы и кирпича 2 размеров: $4 \times 11 \times 22$ см и $6 \times 12,5 \times 25$ см⁶.

В восточном углу помещения 2 сохранилось основание дверного проема. Южная сторона его выложена маломерным кирпичом без перевязи, с белокаменной бутовой кладкой, а северная — кирпичом размером $6 \times 12,5 \times 25$ см и перевязана с южной стеной помещения 3. В верхней части дугообразной стены частично уцелела кладка из маломерного кирпича. Основание фундамента этой стены — на сваях и находится на 0,6 м выше, чем основание фундамента под южной стеной помещения 3; перевязки между ними нет, что указывает на их одновременность.

С северной стороны к помещению 1 примыкало помещение 4, стены которого по характеру кладки не отличаются от стен первого. В середине южной стены — арочная ниша, перемычка ее выложена из маломерного кирпича, а около середины северной сохранилась белокаменная ступень, указывающая на место входа. Местами уцелели остатки вымостки пола из маломер-

⁶ Размеры кирпича этого типа — $6(6,5) \times 12,5(13) \times 25(26)$ см.

ного кирпича в «елку». С востока северная наружная стена заканчивается довольно плавным скруглением, которое прерывается стеной помещения 3, а с запада, за пределами помещения, образует трапециевидный выступ, которому соответствует на углу северной наружной стены помещения 1 сохранившаяся пята арки (возможно, от входной лестницы верхнего этажа). Подошва фундамента западной стены помещения 4 находится на 0,5 м выше, чем помещения 1, а фундамент трапециевидного выступа — еще выше.

С востока к помещениям 1 и 4 примыкало третье (рис. 31—2). Его стены и сохранившиеся части коробового свода выложены из правильно отесанных квадров известняка и по характеру кладки очень близки стенам соседних помещений.

Западная стена сохранилась на большую часть своей высоты. В ней — 2 арочных ниши: у южной ниши — белокаменная перемычка, у северной — перемычка из маломерного кирпича. Ко времени разрушения здания они были заложены большемерным кирпичом. «Подоконник» северной ниши выложен черной лощеной плиткой и частично — большемерным кирпичом. Примыкающая к этой нише с юга белокаменная облицовка отчасти закрывает ее, что могло быть лишь при более поздней перелицовке стены.

В восточной стене, сохранившейся на высоту до 0,9 м от пола, также есть основание ниши, тех же размеров, что и в западной. «Подоконник» ниши выслан большемерным кирпичом. Пол выложен в косую «елку» из кирпича⁷ на песчаной прослойке. Поверх кирпичного находился более поздний пол из дубовых бревен.

Под кирпичным полом вскрыты остатки 3 дренажных систем. Наиболее ранняя состояла из канала, идущего по диагонали от северо-западного угла к юго-восточному. Бока его выложены из квадров белого камня, дно — маломерным кирпичом; таким же кирпичом канал прикрыт и сверху. В северо-западном углу каналу соответствовало отверстие в стене, дном его служила часть надгробной плиты с клинообразным орнаментом; в юго-восточном углу он заканчивался небольшим колодцем, из которого отверстие проходило через стену наружу. От второй по времени дренажной системы сохранились остатки канала, идущего на некотором расстоянии от южной стены. Бока, дно и покрытие выложены из кирпича⁸. От третьей дренажной системы уцелели каналы, проходившие вплотную к западной и южной стенам. Бока канала состояли из поставленных в ряд на ребро кирпичей того же размера; сверху его перекрывали доска и слой бересты.

Вдоль западной стены помещения 3 обнаружены сваи, забитые в шахматном порядке. Пространство между их верхушками заполнено грубо отесанными блоками белого камня на известковом растворе. Южная стена помещения 3 с наружной стороны выложена из кирпича (6 × 12,5 × 25 см); забутовка в ее верхней части — из того же кирпича, но в отдельных местах встречается и маломерный (во вторичном использовании).

К помещению 3 с восточной стороны примыкали 3 небольших комнаты 5, 6 и 8. Западная стена помещения 5 сложена из белого камня; она смежная с помещением 3, остальные стены — из кирпича размерами 6 × 12,5 × 25 см. Южная стена сохранилась на более значительную высоту. На ней есть остатки пяты коробового или сомкнутого свода, в северной — дверной проем. Уцелели подстав, петля и нижняя часть дверного полотнища из рубленых топором досок.

Помещение 8 располагалось с северной стороны. Стены его подвергались неоднократным переделкам. В юго-восточном и северо-западном углах более или менее сохранилась регулярная кладка из кирпича того же размера. Кладка восточной и северной стен перевязана с кладкой соседних помещений 3 и 7. Пол — из большемерного кирпича (9 × 15 × 29 см) в косую

⁷ Размеры кирпича — 6 × 12,5 × 25 см.

⁸ Так же.

«елку»; позднее он был покрыт досками. Под кирпичным полом оказалась песчаная прослойка. Ниже ее был более ранний пол тоже в косую «елку» но из кирпичей размерами $6 \times 12,5 \times 25$ см; он лежал на одном уровне с полом помещения 6 и частично заходил под южную стену. С западной стороны находился вход⁹. Есть некоторые основания предполагать, что вход первоначально был сделан в южной стене и симметрично входу в помещение 6.

К северо-восточному углу помещения 8 с наружной стороны приложен контрофорс, в кладке которого использован фрагмент надгробной плиты с орнаментом в виде плетенки (XVII в.). Помещение 6 с западной стороны широким дверным проемом соединялось с третьим. Кроме первоначального порога здесь было еще 3 ступени из белого камня, положенные на культурном слое поверх кирпичного пола. Средняя часть южной стены выложена из постелистых блоков белого камня, на кирпичном полу — закладка более раннего дверного проема. Северная стена сложена из таких же блоков и кирпича двух размеров — $6 \times 12,5 \times 25$ см и $8,5 (9) \times 15 \times 30$ см, восточная — из кирпича размерами $6,5 \times 12,5 \times 25$ см; в ней — дверной проем, в котором уложены 2 ступени: верхняя — более поздняя, нижняя — более ранняя. Пол выложен из кирпича и заходил под закладку дверного проема южной и северной стен.

Помещение 7 примыкало с восточной стороны к шестому. Стены сложены из кирпича размерами $6 \times 12,5 \times 25$ см. У наружного дверного проема — 3 ступеньки из блоков белого камня. Сохранились остатки дверной колоды. Бутовый фундамент отсутствовал. С наружной стороны стены основание кирпичной кладки на 7 рядов выше, чем с внутренней.

Следует отметить, что уровень пола во всех помещениях примерно одинаков — он находился на 0,6—0,8 м ниже древнего уровня поверхности земли.

Какие же можно сделать предварительные предположения на основании приведенного выше описания обнаруженного архитектурного комплекса?

Весь комплекс по строительным материалам может быть разделен на 2 части. Для первой характерно применение маломерного кирпича, а в забутовке, наряду с обычным известняком, — камня желто-охристого цвета. К этой части комплекса относятся помещения 1, 4 и дугообразная юго-восточная стена помещения 2. Во второй части комплекса распространен кирпич размерами $6 (6,5) \times 12,5 (13) \times 25 (26)$ см. Желтый камень в забутовке отсутствует. Отдельные вкрапления в кладку маломерного кирпича носят случайный характер. К этой части комплекса могут быть отнесены все остальные помещения — 3, 5, 6, 7 и 8.

Эти две части комплекса принадлежат двум различным периодам. При определении очередности строительных периодов учитываются следующие обстоятельства:

1. Помещение 2 имеет необычную в плане форму. Она была бы вполне понятной, если предположить, что дугообразная юго-восточная стена помещения — это остатки полукруглой алтарной апсиды, разрушенной при устройстве более позднего помещения 3.

2. Характер обработки внутренних стен помещения 2 указывает, что первоначально оно не использовалось. Южная сторона дверного проема облицована к дугообразной стене в более позднее время, а северная перевязана правильной кладкой с наружной стеной помещения 3. Таким образом, проем устроен одновременно с возведением стены помещения 3, а дугообразная стена существовала еще до этого. То же самое подтверждает и обследование фундаментов этих стен.

⁹ По мнению С. С. Подъяпольского, по своему устройству дверной проем помещения 8 характерен для многих построек XVI, XVII вв. и начала XVIII в.

3. Выступающий снаружи северо-восточный угол помещения 4 с восточной стороны представляет собой начало плавного закругления, которое прерывается северной стеной помещения 3. Если продолжать эту кривую, то окажется, что участок стены помещения 3 в пределах, ограниченных кривой, имеет глубину заложения фундамента, значительно меньшую, чем остальная часть стены, и равную глубине заложения стен помещения 4. Затем забутовка в толще стены на этом участке почти сплошь состоит из желто-охристого камня, не встречающегося в кладке помещения 3. Все это дает основание считать, что северная его стена пристроена к более ранней закругленной восточной стене помещения 4.

4. Облицовочный слой белокаменной кладки западной стены помещения 3 отделяется от забутовки вследствие разницы в осадке, чего не наблюдалось в других местах. Это могло произойти из-за того, что на этом месте подлицовка сделана позднее и не получила достаточно прочной связи с забутовкой. Она могла быть возведена на отдельном основании, которое и потребовало дополнительного укрепления в виде широкой полосы свай с забутовкой между их верхушками. Все это свидетельствует о том, что помещения 1 и 4 и полукруглая стена помещения 2 относятся к более раннему строительному периоду, чем остальная часть комплекса (помещения 3, 5, 6, 7 и 8).

Дата сооружения первой части комплекса может быть примерно определена временем применения маломерного кирпича, который встречается в большом числе памятников от конца XV в. до третьей четверти XVI в. Желтый камень употреблен в забутовке стен некоторых московских памятников XVI в. (например, церкви Зачатия Анны в Китай-городе и церкви Антипия на Колымажном дворе¹⁰). В пределах этого периода (конец XV в.— третья четверть XVI в.) возможна некоторая разница во времени сооружения отдельных частей вскрытого нами комплекса (например, помещений 1 и 4), но она не может быть значительной.

План наиболее ранней первой части комплекса можно реконструировать; если мы отнимем, как более позднее, помещение 3 и мысленно продолжим полукруглую южную стену помещения 2, а также закругленную восточную помещения 4, то получим характерный план небольшого бесстолпного храма с одной апсидой и северным приделом¹¹.

На культовое назначение сооружения указывают и другие данные:

1. С западной стороны здания обнаружена часть кладбища XV—XVII вв. Ближайшие известные нам церкви Варвары и Максима находятся на значительном расстоянии, и кладбище никак не может быть связано с ними.

2. Помещение 1 по устройству сходно с подклетом древнейшего из сохранившихся в Зарядье архитектурных памятников — церкви Зачатия Анны (середина XVI в.). Ряд черт роднит его также с построенной в 1566 г. церковью Сретения на Поле¹².

3. На культовое назначение здания указывают и находки, которые известны нам, как правило, по памятникам церковного зодчества. Сюда относятся черная лошенная черепица (подобная найдена в церкви Трифона в Напрудном и в церкви Сретения на Поле в Москве)¹³, а также белокаменные детали, обнаруженные против середины южного фасада помещения 1: две капители перспективного портала — традиционной формы для древнерусского

¹⁰ Сведения сообщены Л. А. Давидом.

¹¹ По-видимому, находившееся с северной стороны каменное крыльцо вело в придел и к северному входу в помещение церкви. На существование западного входа может указывать перекосяк в плане откосов окна в западной стене помещения 1, который мог получиться из-за наличия лестницы перед западным порталом. В 1957 г. обнаружены следы кладки из белого камня от южного входа.

¹² См. дневник К. К. Романова за 1928 г. Архив ЛОИИМК, ф. № 29, № 171.

¹³ Там же.

церковного зодчества и фрагмент, более всего напоминающий характерную деталь перспективных порталов конца XV—XVI в., так называемый «снопик». Обычно «снопики» располагались на месте капителей, или на колонках портала. Приведенные данные довольно определенно указывают, что древнейшая часть обнаруженного комплекса — это остатки церковного здания конца XV — третьей четверти XVI в.

Реконструкция второй части комплекса более затруднительна. Стены помещений 3, 5, 6, 7 и 8 выше уровня земли были сложены из одного строительного материала — кирпича [6 (6,5) × 12,5 (13) × 25 (26) см] и перевязаны друг с другом. Из этого же материала и общим приемом в косую «елку» устроены полы. Все это свидетельствует об их одновременности. Более архаичной выглядит белокаменная кладка стен и сводов помещения 3 из небольших, приближающихся к квадрату, квадратов. Однако возможно, что при постройке использовали камень от разборки более древнего сооружения (может быть, — первой части комплекса), и строители пристройки попытались воспроизвести подклет старой части здания: Кирпич указанного размера не может быть связан с каким-либо определенным периодом в московском зодчестве XVI—XVII вв. Близкий по размерам кирпич (7 × 12,5 × 25 см) употреблен при постройке церкви — усыпальницы Нагих в Благовещенском погосте (1501 г.)¹⁴; в начале XVII в. (1626—1630 гг.) из кирпича близкого размера был сооружен Казанский собор в Москве¹⁵; подобный кирпич найден Н. Н. Соболевым в кладке крыльца Покровского собора в Москве (1680-е годы).

Однако размеры и соотношения основного помещения 3 этой части комплекса позволяют считать его гражданским сооружением. Об этом свидетельствуют следующие обстоятельства:

1) помещение 3 выстроено в форме прямоугольника, вытянутого с востока на запад; между тем известные нам бесстолпные храмы XVI в., как правило, — квадратные в плане, а церкви XVII в. почти все вытянуты в плане с севера на юг:

2) вход в помещение устроен с восточной стороны, и если бы наверху располагалась церковь, он находился бы под алтарем, что для церковного здания нельзя допустить;

3) стены помещений 5, 6, 7 и 8 имеют незначительную толщину — всего в 1½ кирпича; трудно предположить, чтобы над ними могли размещаться обычно довольно массивные стены алтаря со сводами; кроме того, под стеной помещения 7 не было фундамента.

В определении назначения и времени обнаруженного архитектурного комплекса помогают архивные материалы и письменные источники¹⁶.

Как удалось установить, на территории изучаемого нами квартала, который ограничен улицей Разина (бывшей Варваркой), Максимовским (бывшим М. Знаменским), Елецким (бывшим Б. Знаменским) и Зарядьевским переулками, в середине XVI в. возникло английское подворье. Английский двор занимал участок в центре квартала между церковью Варвары и церковью Максима. Одной стороной он выходил на Варварку, а другой — на М. Знаменский переулок¹⁷. Между английским подворьем и церковью Варвары располагался старый Денежный двор. Местонахождение его определяется довольно точно: он выходил на Варварскую улицу¹⁸, отстоял на полсажени от алтарей церкви Варвары и занимал участок земли, суживавшийся

¹⁴ Н. Н. Воронин. К истории русского зодчества XVI века. ГАИМК. Сборник аспирантов, вып. 1, Л., 1929.

¹⁵ Сведения сообщены П. Д. Барановским.

¹⁶ Архивные материалы подобраны сотрудником экспедиции Р. И. Козинцевой.

¹⁷ И. Н. Любименко. Английские торговые компании в России в XVI в. Переписная книга г. Москвы, т. I. М., 1881, стр. 11, 12.

¹⁸ Там же, стр. 10.

в сторону уклона к Б. Знаменскому переулку. В 1638 г. двор был передан в ведение Посольского приказа с тем, чтобы превратить его в купецкий двор для постоя приезжих иноземцев¹⁹.

Таким образом, во второй половине XVI в. и первой половине XVII в. (рис. 32) интересующий нас квартал со стороны Варварской улицы состоял из следующих владений: церкви Варвары (1514 г.), старого денежного двора, английского двора и церкви Максима (1586 г.).

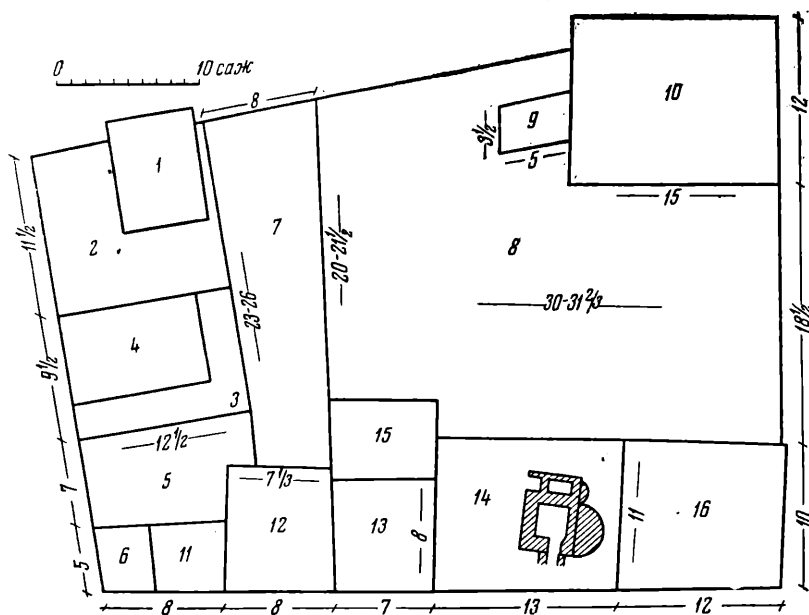

Рис. 32. Москва. Зарядье. Схема размещения земельных владений в районе церкви Жен Мироносиц в середине XVII в.

1 — церковь Варвары; 2 — кладбище церкви Варвары; 3 — двор попа Тихона; 4 — участок, выделенный под кладбище из двора попа Тихона и старицы Ульи (1657 г.); 5 — двор причта церкви Варвары; 6 — место, выделенное для переноса деревянной церкви Варвары (1626 г.); 7 — старый Денежный (Купецкий) двор (1638—1643/63 гг.), владение И. А. Милославского (1649 г.); 8 — Английский двор (1556—1649 гг.), владение Милославского (1649—1676 гг.); 9 — двор Ивашки Андреева до 1657 г., позже — кладбище церкви Максима (с 1657 г.); 10 — церковь Максима и кладбище; 11 — двор причта церкви Варвары; 12 — частное владение; 13 — двор причта церкви Жен Мироносиц (1626—1657, 1672 гг.); 14 — церковь Жен Мироносиц и кладбище (1626, 1657 гг.); 15 — земля церкви Жен Мироносиц, на которой жил дворовый человек И. Д. Милославского (1657 г.); 16 — двор Василия Лыткина (1626 г.), Торопова, Шустова (1639—1657 гг.), Милославского (1657—1676 гг.).

В южной части квартала под горой (по бывшему Б. Знаменскому переулку) одним из старейших зданий было церковь Жен Мироносиц, не сохранившаяся до нашего времени. Первое упоминание об ее построении относится к 1566 г.: церковь была «сделана... в Новом городе у Устюжского двора»²⁰. Устюжский гостиный двор, «что на Варварском крестце», упоминается и позже — в 1638 г. Указания на местоположение церкви Жен Мироносиц разбросаны в многочисленных и разновременных источниках. К более ранним указаниям относится определение ее «у Кохчина»²¹. Это указание уводит нас в XV в. Известно, что Максим Блаженный в 1434 г. был похоро-

¹⁹ И. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы, ч. II. М., 1873, стр. 1154.

²⁰ РИБ, т. 3, стр. 282.

²¹ Дополнения к Актам историческим т. 9, стр. 320.

нен Федором Кохчиным в церкви Бориса и Глеба, впоследствии переименованной в церковь Максима. В 1460 г. эта церковь называлась «у Кохчина двора». Следовательно, поблизости должна была находиться и церковь Жен Мироносиц. Однако в XV в. она еще не существовала. Следует, очевидно, предполагать, что на этой же территории в XV в. стояла одноименная деревянная церковь, определение которой «у Кохчина двора» продолжало бытовать и в XVII в., когда уже исчезли следы усадьбы Кохчиных. По другим источникам, церковь Жен Мироносиц находилась в следующих местах «что у старого денежного двора»²², «под английским двором»²³, «под горою за Варварою христовою мученицею»²⁴ и «у Водяных ворот»²⁵.

Церковь Жен Мироносиц, как известно, стояла на церковной земле. При ней было «древнее» кладбище. Размеры земли под церковью и кладбищем определены «строельной» книгой 1657 г. в 13 × 11 сажень²⁶. По данным 1626 г., с восточной стороны, вплотную к алтарю церкви примыкал забор двора Василия Лыткина, который, по-видимому, был «таможным» головой в Казани (1628 г.). С западной стороны в 4—5 саженьях располагался двор (8 × 7 сажень) мироносицкого попа. С северной стороны церковная земля граничила с английским двором; расстояние до его забора равнялось «2 саженьям без чети».

Владение мироносицкого попа с западной стороны, видимо, граничило с небольшим частным участком. За ним были расположены владения церкви Варвары. Владения эти в юго-западном углу квартала были чрезвычайно устойчивы и на протяжении трех столетий существенным изменениям не подвергались.

В середине XVII в. в земельных владениях квартала произошли большие изменения (рис. 33—1). После ликвидации английского двора в 1649 г. его территория передана окольничему Ивану Андреевичу Милославскому²⁷, родственнику жены царя Алексея Михайловича — Марии Ильиничны²⁸. В 1657 г. он был пожалован боярством²⁹, и, по-видимому, ему был отдан так же «безденежно», как и английский двор, смежный с ним купецкий двор (бывший старый Денежный двор)³⁰.

Поскольку владения И. А. Милославского по Варварской улице были ограничены церквами Максима и Варвары, дальнейшее расширение его участка происходило за счет частных владений в южной части квартала, которые он стал скупать между 1649 и 1663 гг.

Первый прикупной двор в приходе Жен Мироносиц был приобретен И. А. Милославским еще до 1657 г. Он принадлежал купцу гостиной сотни Якову Шустову, а до него — патриаршему дяку Федору Торопову, который был тесно связан с церковью Жен Мироносиц и в 1642—1650 гг. платил за нее сборы. Видимо, этот участок перешел к Торопову в 30-х годах XVII в. от Василия Лыткина. За это предположение говорит то, что обмер прикупного участка, ранее принадлежавшего Торопову, произведен в 1657 г. при установлении границ земли церкви Жен Мироносиц; следовательно, они были смежные. Поскольку с юга церковь выходила на улицу, с севера граничила с владением Милославского («а преж всего был тот двор агленской»), а с запада за поповскими мироносицкими дворами было расположено второе прикупное место Милославского, — то восточная межа церковного участка могла граничить только с землей Ф. Торопова.

²² ЦГАДА, Разрядные вязки, вязка 4, № 57, л. 7 об.

²³ ЦГАДА, портфели Миллера, портфель 52, № 1, л. 17.

²⁴ И. Забелин. Указ. соч., ч. I, стр. 362.

²⁵ Там же.

²⁶ И. Забелин. Указ. соч., ч. II, стр. 33.

²⁷ Двор I И. А. Милославского.

²⁸ ЦГАДА, Сношения с Англией, д. 173, ч. 1, л. 61.

²⁹ Там же, л. 79.

³⁰ Двор II И. А. Милославского.

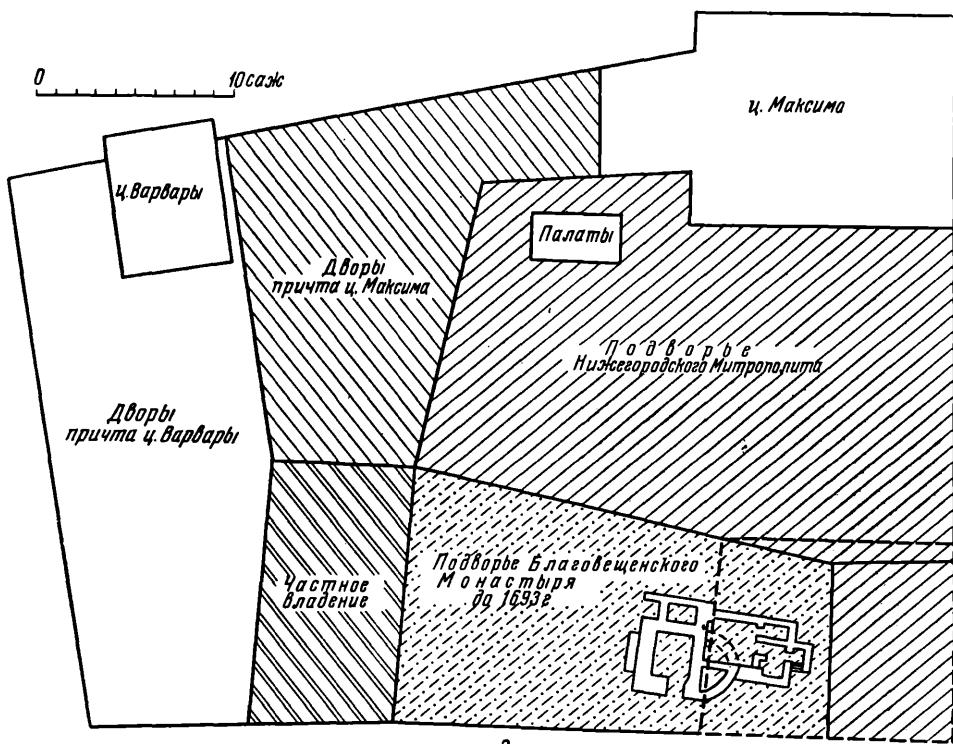
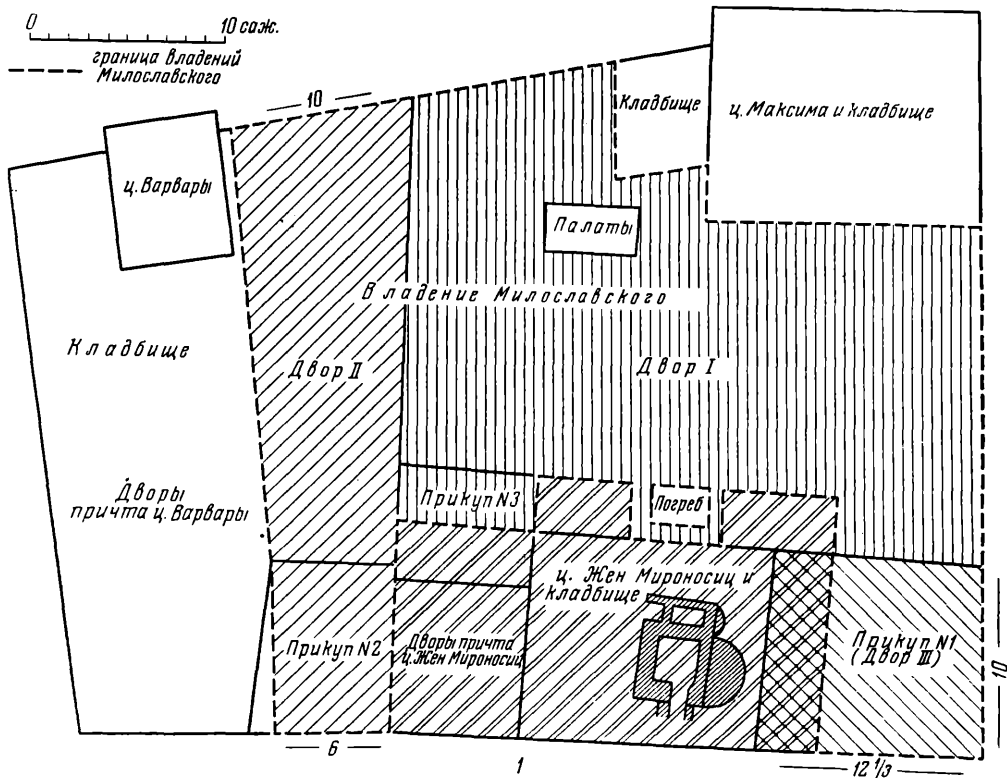

Рис. 33. Москва. Зарядье. Схемы размещения земельных владений в районе церкви Жен Мироносиц (XVII в.).

1 — владения И. А. Милославского (1649—1669 гг.); 2 — схема раздела владений И. А. Милославского (1676—1681 гг.).

Очевидно, после того как это владение было приобретено Милославским, за счет его «по государеву указу» к кладбищу церкви Жен Мироносиц «позади олтарей» (с восточной стороны) был прирезан участок в 3 сажени, и граница церковной земли стала находиться в 4 сажнях от алтарей церкви³¹. По тому же указу с северной стороны к кладбищу был прирезан из владений И. А. Милославского земельный участок «оприч погребя» шириной 3 сажени и длиной 11 сажень³². Эти прирезки земли расширили территорию церкви в длину до 16—17 сажень, а в ширину — до 14 сажень.

Второе прикупное место (9 × 8 сажень) И. А. Милославского было расположено «позади денежного двора, у церкви Жен Мироносиц в Знаменской улице»³³ и третье место «у церкви Жен же Мироносиц», совсем небольшое — примерно 6,5 × 3 сажени³⁴. Оно могло лишь располагаться с северо-западной стороны церкви.

Владения И. А. Милославского захватили почти весь квартал, со всех сторон окружили церковь Жен Мироносиц и «строельная» книга 1657 г. называет его единственным прихожанином.

Собранные сведения дают возможность довольно точно установить местоположение церкви Жен Мироносиц, которое совпадает с расположением открытого нами архитектурного комплекса. Таким образом, есть все основания считать более раннюю его часть (помещения 1, 2, 4) остатками здания церкви Жен Мироносиц.

После смерти И. А. Милославского (1663 г.) и его жены (1669 г.) начался процесс дробления их владений. Царь Федор Алексеевич из двора Милославских выделил участок под подворье Благовещенского домового патриаршего монастыря, что в Нижнем Новгороде; выделил он участки и под дворы причта церкви Максима, а оставшуюся после этих раздач землю пожаловал для подворья нижегородскому митрополиту Филарету (рис. 33—2).

Центральную часть усадьбы Милославского с его каменными палатами заняло подворье нижегородского митрополита. Максимовский причт получил западную часть, смежную с церковью Варвары, выходящую на Варварку, где владения эти просуществовали до XX в. Благовещенское подворье поместилось на задах усадьбы Милославского, под горой и выходило на Знаменскую улицу; подворье это заняло также землю церкви Жен Мироносиц: сама церковь, кладбище, часть поповских дворов вошли в состав подворья. В 1677 г. церковь Жен Мироносиц в книге недоимок упоминается на подворье нижегородского Благовещенского монастыря³⁵, а в челобитной патриарха Иоакима 1689 г. говорится, что на подворье «истари построена церковь и кладбище по всему подворью».

В роли наследников двора Милославского выступают и отдельные частные лица, имена которых источниками не названы. Так, в период 1676—1682 гг. угловой участок, выходивший на М. Знаменский и Б. Знаменский переулки, который был первым прикупом Милославского (бывшее владение В. Лыткина — Ф. Торопова — Я. Шустова), перешел к частному владельцу — «патриаршему стряпчему». Кроме участка размерами 7 × 10 сажень, выделенного из владений Нижегородского подворья³⁶, тому же владельцу, по-видимому, был отделен такой же участок от земли Благовещенского подворья, и размеры этого частного владения доведены до размеров известного позднее здесь владения Кувшинова (14,5 × 10 сажень), кото-

³¹ Прирезка участка могла произойти в 1649—1657 гг. и только после этого появилась возможность пристроить помещения 3 и другие, с ним одновременные.

³² И. Забелин, Указ соч., ч. II, стр. 33.

³³ ЦГАДА, Сношения с Англией, д. 226, л. 4.

³⁴ Там же.

³⁵ И. Забелин, Указ соч., ч. I, стр. 362.

³⁶ См. выпись 1683 г. (И. Забелин, Указ соч., ч. II, стр. 682, 683).

рый, очевидно, приобрел его у «патриаршего стряпчего» между 1683 и 1693 г. К частному владельцу перешел и второй прикуп Мирославского, выхдивший на Б. Знаменский переулоч (8 × 9 сажень), смежный с владениями Благовещенского подворья, где были возведены новые постройки; об этом свидетельствует выпись 1683 г., где говорится: «Монастырское подворье построили»³⁷.

Благовещенское подворье просуществовало 17—20 лет. В 1693 г. оно было продано «со всяким своим каменным и деревянным строением»³⁸ воронежскому епископу Митрофану. В этот момент подворье «под горою, что в Зарядье» имело по Б. Знаменскому переулочу 18 сажень без чети, на противоположной стороне, по меже с владением Нижегородского подворья — 17 сажень, в поперечнике по левой (западной) стороне — 15,5 сажени, по правой (восточной) — 12 сажень. Смежные участки принадлежали: с левой стороны — постельничей вдове М. Селяковой, с правой — патриаршему дьяку М. Кувшинову.

В 1701 г. воронежский епископ приобретает смежное владение Кувшинова и становится владельцем всего участка, где в 1955—1956 гг. и был заложен раскоп № 10. В момент покупки земли у Кувшинова на ней находился только «погреб каменной, ветхой с выходом».

По сведениям 1722—1726 гг. на Воронежском подворье находилась церковь Благовещения богородицы (с приделом Иоанна Предтечи) с каменными палатами.

По-видимому, церковь Благовещения уже существовала в 1703 г. В этом году из Воронежа выславалось в Москву жалованье «предтеченскому попу Афанасию»³⁹, т. е., очевидно, священнику придела Иоанна Предтечи. Возможно, что предтеченский поп Афанасий был тем самым попом Афанасием от «Жен Мироносиц», который известен по окладным книгам 1672—1674 гг., где он указан последним, вносящим взносы этой церкви. После 1677 г. она больше не упоминается⁴⁰.

В мае 1737 г. на Воронежском подворье «в церкви и кельях все выгорело...» Пожар 1737 г. положил конец существованию подворья, хотя формально оно продолжало числиться за Воронежским архиерейским домом.

Итак, после того как участок церкви Жен Мироносиц был передан Благовещенскому подворью, при его строительстве, видимо, в период 1678—1681 гг. произошла перестройка здания церкви и переименование ее в Благовещенскую. В этот период и была частично разобрана апсида церкви Жен Мироносиц, а на ее месте сооружена хозяйственная постройка, остатки которой обнаружены (помещения 3, 5, 6, 7 и 8). Очевидно, она и была той каменной постройкой в виде погреба «с выходом», что упоминается на участке Кувшинова, поскольку он свой участок мог купить только у «патриаршего стряпчего», к которому в 1683 г. должен был отойти участок с этим строением. Затем, уже в период существования Воронежского подворья, после приобретения воронежским епископом владения Кувшинова, вероятно, произошла дальнейшая достройка того же здания. В расходных книгах Воронежского архиерейского дома указываются какие-то строительные работы: в 1703 г. из Воронежа в Москву было послано 10 руб. «на строение на том подворье в хлебне, в нижних полатах печей и на очистку на том подворье ж отходов»⁴¹.

О характере существовавших на Воронежском подворье палат мы можем судить по так называемой офицерской описи 1763 г. Она сообщает, что там

³⁷ Там же.

³⁸ ЦГАДА, Грамоты коллегии экономии, № 57/14986, лл. 1—2.

³⁹ Труды Воронежской ученой архивной комиссии, вып. 1, 1902, стр. 49, 53.

⁴⁰ В ружной книге 1681 г. ее уже нет (см. И. Забелин. Указ, соч., ч. II, стр. 373).

⁴¹ Труды Воронежской ученой архивной комиссии, вып. 1, 1902, стр. 57.

находятся «палаты каменные в три аппарата 42, ветхие, в них церковь с приделом ветхая ж, 8 покоев и одни сени, длиною 12¹/₂ сажень, шириною 6 сажень» 43. Один из арендаторов подворья купец И. Ф. Гребенщиков арендовал «нижний покой», другой — крестьянин (графа Орлова) С. И. Хомяков — «верхний» и «исподний» 44. Гребенщиков в одном из показаний говорил об аренде «сухого погреба с палаткою» (1762 г.) 45.

В 1766 г. палаты Воронежского подворья описывались как «каменные, ветхие, обвалившиеся» 46. В том же году появилось объявление о продаже

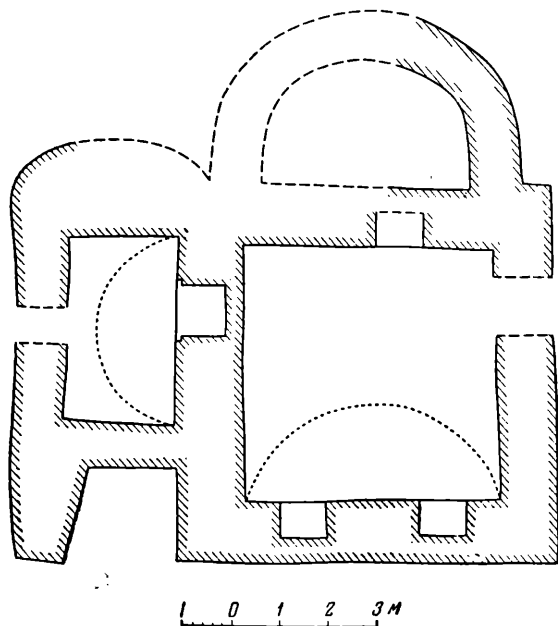

Рис. 34. Реконструкция подклета церкви Жен Мироносиц в Москве (составлена С. С. Подъямпольским).

подворья с аукциона, причем текст гласил, что продается «архиерейское с каменным ветхим строением и церковью, о трех аппаратах и погребами подворье» 47. В 1772 г. оно было продано купцу А. И. Крашенинникову 48. В 1779 г. разобрана глава церкви, и этот год считается последней датой существования церкви Благовещения 49. В 1787 г. участок Крашениникова был продан прапорщику И. П. Сметанину, который в 1790 г. построил на нем новое каменное здание и, очевидно, разобрал старые постройки подворья. Остатки фундамента этой новой постройки перекрывали части фундаментов XVI—XVII вв.

42 Три этажа.

43 ЦГАДА, Коллегия экономии, оп. 3, № 142, л. 2; И. Забелин. Указ соч., ч. II, стр. 1079, 1080.

44 ЦГАДА, Коллегия экономии, оп. 1, № 2871, л. 42.

45 Там же, л. 59.

46 ЦГАДА, Коллегия экономии, оп. 1, № 4495, л. 4.

47 Там же, оп. 1, № 2871, л. 61.

48 Следует отметить, что на планах XVIII в. юго-восточная часть участка Воронежского подворья и владения Крашениникова имеет закругление, которое соответствует сохранившейся полукруглой части апсиды у здания подворья. Последнее служит также подтверждением предположения о принадлежности обнаруженных остатков постройки указанному зданию.

49 ГИМ, фонд Александровского, № 184.

Таким образом, при раскопках 1955—1956 гг. открыты остатки весьма сложного архитектурного комплекса XVI—XVII вв., который в течение трех столетий подвергался изменениям. В его истории выделяются три основных периода.

Первый период — 1566—1676 гг., когда открытая нами наиболее древняя часть комплекса (помещения 1 и 4) была подклетом церкви Жен Мироносиц, принадлежавшей к типу небольших бесстолпных посадских церквей, представлявших важное, прогрессивное направление в зодчестве Москвы конца XV в.—XVI в. В отличие от других памятников этого типа, церковь имела северный придел (Никольский), выделенный в особый объем. Как и

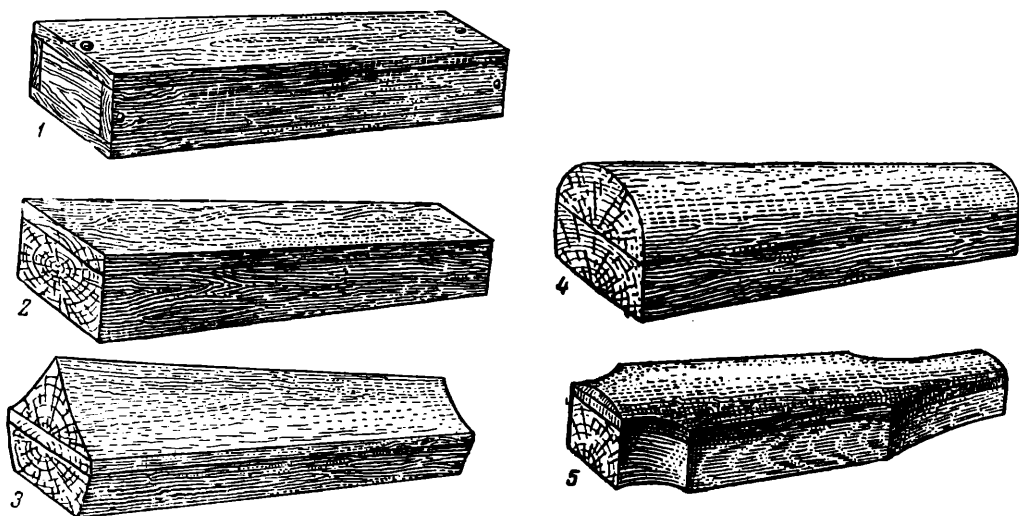

Рис. 35. Типы гробов XV—XVII вв. (1—5).

многие московские церкви XVI в., она находилась на подклете, который был углублен в землю (рис. 34). Пол церкви возвышался над землей сравнительно немного. Подклетный этаж был выложен из белого камня с отдельными незначительными включениями маломерного кирпича. Подцерковье и подклет придела были перекрыты белокаменными коробовыми сводами из блоков того же размера, что и стены. Под апсидами церкви и придела помещений в подклетном этаже не было. Стены верхнего этажа церкви и придела были выложены из маломерного кирпича. Церковь имела перспективные порталы с белокаменными деталями (капителями, «снопиками») и, возможно, с кирпичными колонками.

Как и большинство памятников московского зодчества XVI в., церковь была покрыта чернолощеной черепицей. О характере завершения церкви говорить пока не приходится до проведения дальнейших исследований.

Каменная церковь Жен Мироносиц была построена на месте деревянной одноименной церкви XV в.

Второй период — 1676—1693 гг., когда около 1678—1680 гг. церковь Жен Мироносиц была перестроена в домовую Благовещенскую церковь монастырского Благовещенского подворья «со всяким своим каменным и деревянным строением». При этом частично были разобраны ее и придела апсиды и на месте их сооружена пристройка (помещения 3, 5, 6, 7 и 8), которая, по-видимому, первоначально имела лишь хозяйственное назначение — «погреб каменной... с выходом». Последний, очевидно, в течение 20 лет находился на территории частного владения.

Третий период — 1693—1772 гг., когда открытый нами архитектурный комплекс являлся подклетом — «исподним апартаментом» палат в 3 этажа, с домовою церковью, 8 покаями и сенями Воронежского подворья. Общий размер этих палат вполне соответствует размеру открытого комплекса, если еще учесть, что с западной стороны помещения 1 находилась в это время деревянная пристройка — «сени» (5,5 × 4 м), нижний венец которой обнаружен на глубине 2,1 м от современной поверхности. Помещение 3, очевидно, и было тем самым «сухим погребом с палаткою», который арендовал еще в XVIII в. И. Ф. Гребенщиков.

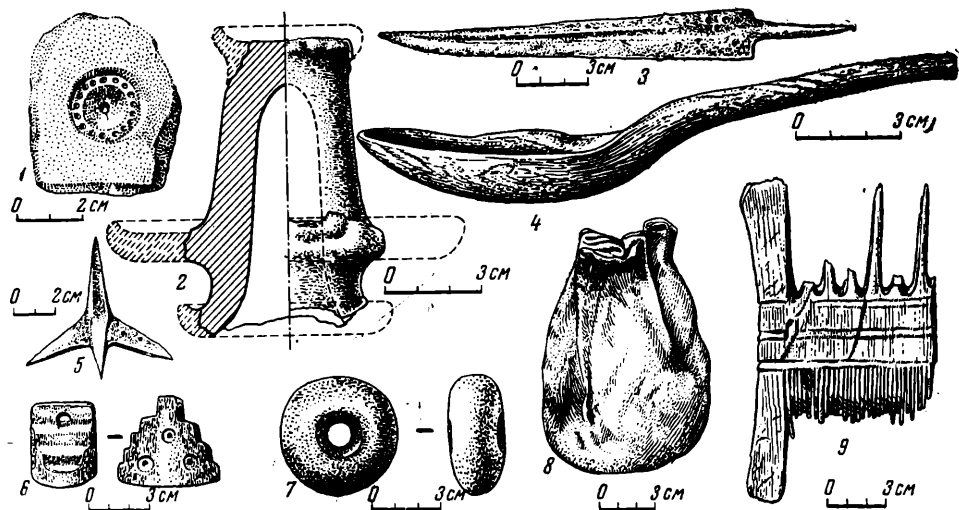

Рис. 36. Москва. Зарядье. Вещи из раскопа № 10 (XII—XIV вв.).

1 — каменная литейная форма; 2 — часть глиняного светильника; 3 — железный нож с клеймом; 4 — ложка; 5 — железный «чеснок»; 6 — костяной торец рукоятки ножа; 7 — шиферное пряслице; 8 — кожаный кошелек; 9 — самшитовый гребень.

Открытый архитектурный комплекс — интереснейший памятник московского зодчества XVI—XVII вв.

Кроме остатков церкви Жен Мироносиц и палат Благовещенского, а затем Воронежского подворий, в раскопе № 10 на прилегающих к церкви с запада и северо-востока участках вскрыто более 100 погребений XV—XVII вв. Наиболее ранние из них находились в дубовых долбленых колодах с боковыми стесами и полукруглой крышкой. Были в употреблении и дубовые колоды без боковых стесов. Они постепенно сменили колоды первого типа и употреблялись позднее. Затем в XVI в. делались дубовые долбленые гробы с килевидными крышками. Во второй половине XVI в. и первой половине XVII в. хоронили в ящичных сосновых гробах с плоскими крышками (рис. 35).

Два погребения в дубовых колодах с боковыми стесами находились под зданием церкви Жен Мироносиц. Они относились, как и ряд других погребений, к более древнему кладбищу около деревянной церкви, стоявшей здесь до 1566 г.

Из погребений собрана интересная коллекция ранней московской поливной керамики XV—XVI вв. в виде сосудиков для масла, которые ставили при погребении. Над погребениями в 4 случаях находились каменные надгробные плиты с орнаментом в виде врезных треугольников или зубчиков (XV—XVI вв.). На одной из них вырезана надпись «Мавра».

В заполнении могильной ямы погребения 77 под обломком плиты найдены восемь московских и тверских пул 1462—1505 гг., а несколько южнее в перерытом слое обнаружен второй в Зарядье бронзовый нюрнбергский счетный жетон Ганса Краувинкеля (1580—1611 гг.)⁵⁰.

Под кладбищем на глубине 3,4—4 м от поверхности находился непорочанный культурный слой, который лежал наклонно к югу и доходил до глубины 4,1—5,2 м. В этом пласте прослежены остатки сгоревшего забора из кольев диаметром 7—10 см, который шел с севера на юг, а западнее его в 2,5 м находились следы второго частокола из более тонких колышков. Частоколы, очевидно, разделяли находившиеся здесь усадьбы (XIV в.).

Нижний пласт культурного слоя раскопа № 10, как и раскопов № 5 и 6, содержал значительное количество фрагментов крученых и гладких стеклянных браслетов и перстней. Кроме того, в пласте XII—XIV вв. найдены каменная литейная форма (рис. 36—1), фрагмент среднеазиатской поливной керамики XII—XIII вв., пряслице из серого шифера (рис. 36—7), два самшитовых, двусторонних гребня (рис. 36—9), часть глиняного светильника (рис. 36—2), железный «чеснок» (рис. 36—5) и другие. Железный «чеснок», употреблявшийся против конницы, обычно датируется более поздним временем — XVI—XVII вв., здесь же он найден в слое не позже XIV в. В этом пласте встречены фрагменты курганной и ранней красноглиняной керамики XII—XIII вв. Таким образом, нижний горизонт культурного слоя раскопа № 10 датируется XII—XIII вв. Дальнейшее изучение материалов раскопа № 10, несомненно, даст возможность не только уточнить высказанные нами здесь предположения, но еще шире осветить некоторые моменты многовековой истории Москвы.

---

⁵⁰ Первый экземпляр найден в 1955 г., в раскопе № 5. См. КСИИМК, вып. 77, 1959.

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

РАБОТЫ ВЕРХНЕДНЕПРОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ 1957 года

В 1951—1956 гг. полевые работы по изучению восточно-славянских древностей, предшествующих эпохе Киевской Руси, были объединены в ИИМК в рамках Славянской археологической экспедиции¹. В 1957 г., в связи с общим расширением археологических исследований по славяно-русской тематике, экспедиция была разукрупнена. Наряду с другими, из нее выделась Верхнеднепровская археологическая экспедиция, задачей которой является изучение раннеславянских древностей на Днестре и его притоках выше устья Десны в связи с проблемой этногенеза восточных славян.

То, что в области Верхнего Поднепровья обильно представлены памятники I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э., было известно уже давно. Но состав этих памятников, их территориальная и хронологическая классификация стали проясняться лишь в последние годы. При этом оказалось возможным разделить археологические памятники Верхнего Поднепровья на три больших культурно-хронологических группы.

Первую группу составляют древнейшие городища Верхнего Поднепровья, относящиеся к середине и второй половине I тысячелетия до н. э., а в некоторых местах и к первым векам нашей эры. Если до последнего времени были более или менее известны из числа этих городищ южновские на Средней и Нижней Десне и литовско-белорусские со штрихованной керамикой в области днепровского Правобережья на участке Орша — устье Березины, то недавно выявлены еще 2 группы — милоградская в Юго-Восточной Белоруссии, послужившая предметом работ О. Н. Мельниковской², и своеобразная группа древнейших городищ Смоленщины и Северной Брянщины, пока мало изученная и не получившая еще названия.

Следующая группа памятников, открытая в Верхнем Поднепровье в самые последние годы, может быть условно названа зарубинецкой. Кроме характерных зарубинецких могильников и городищ Южной Белоруссии, относящихся к II—I вв. до н. э. и первым векам нашей эры³, она включает в свой состав близкие зарубинецким могильники, селища и городища первых пяти веков нашей эры, открытые на Брянщине и Смоленщине. Памятники, входящие в эту группу, со временем распадутся на ряд локальных вариантов, в настоящее время лишь намечающихся.

¹ П. Н. Третьяков. Раннеславянская культура в Верхнем Поднепровье. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 11—16.

² О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 28—39.

³ П. Н. Третьяков. Указ. соч.; Ю. В. Кухаренко. Могильники полей погребений в Верхнем Поднепровье. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 80—85.

В третью хронологическую группу входят древности середины и второй половины I тысячелетия н. э. — курганы с трупосожжением, городища и селища, составляющие в свою очередь несколько локальных групп. Из них особенно интересны волынские древности с керамикой типа Корчак, изучаемые Ю. В. Кухаренко⁴. Относительно хорошо известны «длинные курганы» Смоленщины VI—IX вв., исследуемые Е. А. Шмидтом.

Задачей работ Верхнеднепровской экспедиции на ближайшие годы является дальнейшее изучение древностей всех этих групп, уточнение их хронологических и территориальных границ и, самое главное, исследование отношения их друг к другу с целью раскрыть исторические и этногенетические процессы, приведшие к формированию в Поднепровье известных по начальной летописи восточнославянских племен.

В 1957 г. Верхнеднепровская экспедиция работала в составе 3 отрядов — Гомельского, Смоленского и Брянского. Гомельским отрядом под руководством О. Н. Мельниковской были продолжены начатые ранее раскопки на 2 городищах милоградской культуры — Горошковском и Милоградском на правом берегу Днепра в Речицком районе Гомельской области. На первом изучались остатки оборонительного сооружения и различного рода построек. Из находок обращают на себя внимание клад железных изделий V—IV вв. до н. э., приближающихся по формам к латенским типам, а также серия бронзовых украшений того же времени и характера. На городище у дер. Милоград обнаружены остатки большого, несколько углубленного в землю округлого жилища, погибшего от пожара. Найденная на полу жилища керамика оказалась очень интересной; она принадлежит и милоградской, и зарубинецкой культурам и датируется I в. н. э. по найденным здесь фибулам позднелатенской схемы. Особый интерес этой находки станет понятным, если мы вспомним, что в нескольких десятках километров южнее (например, на Чаплинских городище и могильнике) милоградская культура сменяется зарубинецкой значительно раньше, уже ко II в. до н. э. Можно сделать вывод, что зарубинецкая культура генетически не связана с милоградской; она постепенно распространилась на милоградскую территорию с юга, местами сосуществуя с милоградскими поселениями в течение длительного времени.

Гомельским отрядом были продолжены также обследования берегов Днепра и его притоков с целью выявить границы милоградской культуры. Были повторно осмотрены правый берег Днепра на участке Рогачев — устье Припяти (впервые разведка была произведена здесь в 1951 г.), правый берег Припяти от г. Мозыря до устья и впервые — правый берег р. Птич от Копаткевичей до г. Глусска, а также правый берег р. Сож от г. Славгорода до г. Гомеля и правый берег Ипути от с. Гордеевка, Брянской области до устья. В результате обследований обнаружено 16 городищ и 30 селищ I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э., а также множество мест поселения эпохи бронзы. Оказалось, что по р. Сож милоградские городища доходят на севере до района Славгорода.

Смоленский отряд Верхнеднепровской экспедиции под руководством П. Н. Третьякова завершал раскопки на городище Тушемля, Починковского района, Смоленской области (р. Сож), начатые в 1955—1956 гг. В результате трехлетних раскопок площадь городища исследована полностью.

На городище Тушемля — два культурных слоя. Первый относится к периоду древнейших верхнеднепровских городищ к V—III вв. до н. э. Кроме обломков неорнаментированных гладкостенных плоскодонных сосудов в этом слое найдены разнообразные изделия из кости, железные ножи и остря, бронзовые изделия, приближающиеся к гальштатско-латенским

⁴ Ю. В. Кухаренко. Славянские древности V—IX вв. на территории Припятского Полесья. КСИИМК, вып. 57, 1956, стр. 33—38.

формам. Второй слой разделяется на 2 горизонта: нижний — первых веков нашей эры и верхний — VI—VII вв., отмеченный большим пожаром. Нижний горизонт дал материал позднезарубинецкого характера, в том числе лощеную керамику и бронзовую фибулу I в. н. э. К этому горизонту принадлежит округлое сооружение, определенное нами как святилище. Исследование остатков верхнего горизонта, относящихся к моменту гибели городища в результате пожара, позволяет восстановить полную картину памятника, его построек и укреплений, представляющую большой интерес.

Оказалось, что овальная площадка этого небольшого городища составляла как бы двор, окруженный со всех сторон расположенными вдоль склонов, примыкающими друг к другу столбовыми постройками с каменными очагами. Наружные стены построек были покрыты земляной насыпью. Земляной была также и крыша. Ближе к стрелке городища внутри двора находилось святилище — такое же, как отмеченное выше. Это открытая круглая площадка диаметром 6 м, окруженная канавкой с гнездами от стоявших в ней вертикальных столбов. В центре площадки обнаружена яма от большого вертикального столба, как мы полагаем, — идола.

Раскопки на городище Тушемля оставили неразрешенным вопрос о том, являлось ли это городище особым культовым местом, или оно было рядовым поселением с расположенным в его пределах святилищем. Поэтому приняты раскопки на двух ближайших аналогичных памятниках — на городище у дер. Городок и на городище у с. Прудки — оба Починковского района, Смоленской области. Оказалось, что остатки сооружений на обоих городищах полностью повторяют ту картину, которая была открыта на Тушемле. Мы видим здесь, следовательно, новый тип — «городища с жилыми стенами» и круглым святилищем внутри. На городище у дер. Городок святилище очень хорошо сохранилось. Около ямы от центрального столба найдены, по-видимому, увенчивавшие этот столб остатки черепа большого медведя. Предполагаем, что городища этого типа принадлежали местным балтийским (лето-литовским) племенам, уже испытавшим на себе сильное влияние со стороны родственных им раннеславянских племен — носителей зарубинецкой культуры.

Кроме того, Смоленским отрядом экспедиции начаты раскопки на городище у дер. Мокрядино, Починковского района, Смоленской области, соответствующем по времени и культуре нижнему культурному слою Тушемля, а также на селище у с. Мошевое того же района, относящемся к культуре верхнего горизонта Тушемля. Е. А. Шмидтом были продолжены раскопки длинных курганов у дер. Слобода Глушица.

Брянский отряд экспедиции исследовал два главных объекта. А. К. Амброзом были продолжены начатые в 1956 г. раскопки огромного позднезарубинецкого селища у с. Синьково в районе г. Почеп. За 2 года раскопок на селище вскрыты остатки 11 наземных построек столбовой конструкции, датируемые I—II вв. н. э. по находкам позднелатенских и прибалтийских фибул. Раскопки продолжались в 1958 г.

Л. В. Артишевской были вскрыты 11 насыпей на курганном могильнике с трупосожжением около дер. Кветунь в районе Трубевска. Помимо грубых лепных сосудов, в курганах найдены две (целая и обломок) своеобразных фибулы прибалтийских форм, которые могут быть датированы серединой I тысячелетия н. э. Эта находка очень важна, так как до последнего времени датировка курганов у дер. Кветунь и аналогичных им других кургановых могильников и селищ на Средней Десне оставалась спорной. Некоторые археологи относили их в одну группу с роменскими, т. е. датировали их рубежом I и II тысячелетий н. э. Теперь этот вопрос прояснился.

В. П. ДАРКЕВИЧ и В. К. ПУДОВИН

РАСКОПКИ НА СЕВСКОМ ГОРОДИЩЕ

Город Севск¹ впервые упоминается в летописи в 1146 г. в связи с борьбой черниговского князя Изяслава Давыдовича с князем новгород-северским Святославом Ольговичем². О Севске более раннего времени сведений нет. Археологических работ в городе никогда не производилось, если не считать разведок местного краеведа — ныне покойного С. А. Русанова, результаты которых неизвестны.

В 1957 г. отрядом Южнорусской экспедиции ИИМК³ произведены разведочные раскопки на городище Севска с целью выяснить характер культурного слоя и перспективы дальнейших работ.

Севское городище — «городок» (рис. 37) — это высокий останец у слияния речки Марицы с р. Севом. Городище имеет в плане форму почти правильной трапеции со сторонами 205, 160, 195 и 235 м и возвышается в среднем на 15 м от подножия. Оно опоясано валом (высотой от 0,5 до 2,5 м) с бастионами по углам. На городище, ближе к его восточной стороне, находится круглый холм высотой 3,5 м с остатками разрушенной Знаменской церкви; в южной стороне расположен въезд. На сохранившемся плане 1779 г. «городок» показан в форме трапеции с несколько вытянутой западной стороной, клинообразными бастионами и церковью в центре. Лучше сохранились южная и западная стороны «городка». В 1956 г. почти вся его площадь была перепахана на глубину до 0,3 м.

Три раскопа, заложенных в разных концах городища, и разрез вала (рис. 37) показали, что культурный слой, относящийся ко времени ранее XVI—XVII вв., отсутствует. Отдельные ранние вещи и многочисленные фрагменты керамики обнаружены в насыпи вала и бастионов. В процессе раскопок выяснилось, что первоначально не было ни вала, ни бастионов. На сооружение их был употреблен культурный слой, снятый с территории городища. Этим объясняется полное отсутствие отложившегося до XVI—XVII вв. слоя на площадке, ограниченной валом. Остатки слоя, датированного XVI—XVII вв. и позднее, обнаружены на немногих неперепаханных участках.

Общий характер уничтоженного культурного слоя восстанавливается по вешам и керамике, которую можно разделить на 5 хронологических групп.

¹ В настоящее время Севск — районный центр Брянской области.

² Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871, стр. 238.

³ Состав отряда — В. К. Пудовин и В. П. Даркевич. Нашей работе постоянное содействие оказывала местный краевед В. А. Теличко, за что приносим ей глубокую благодарность.

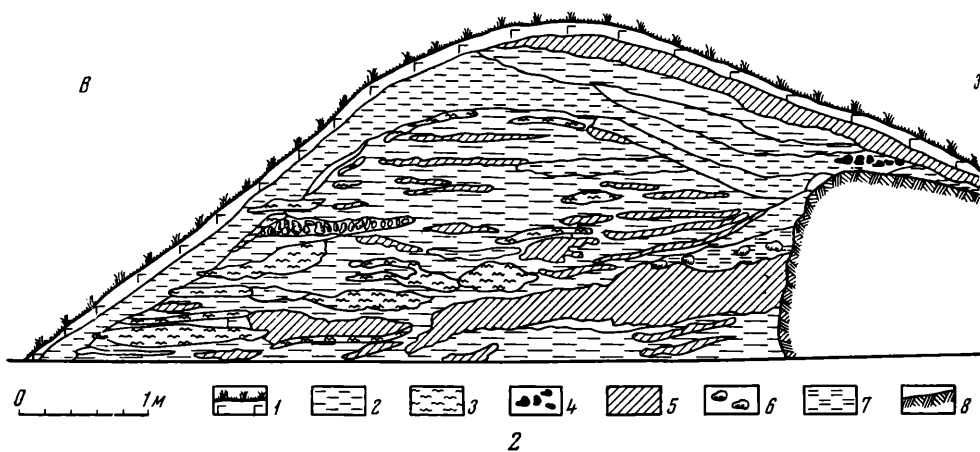
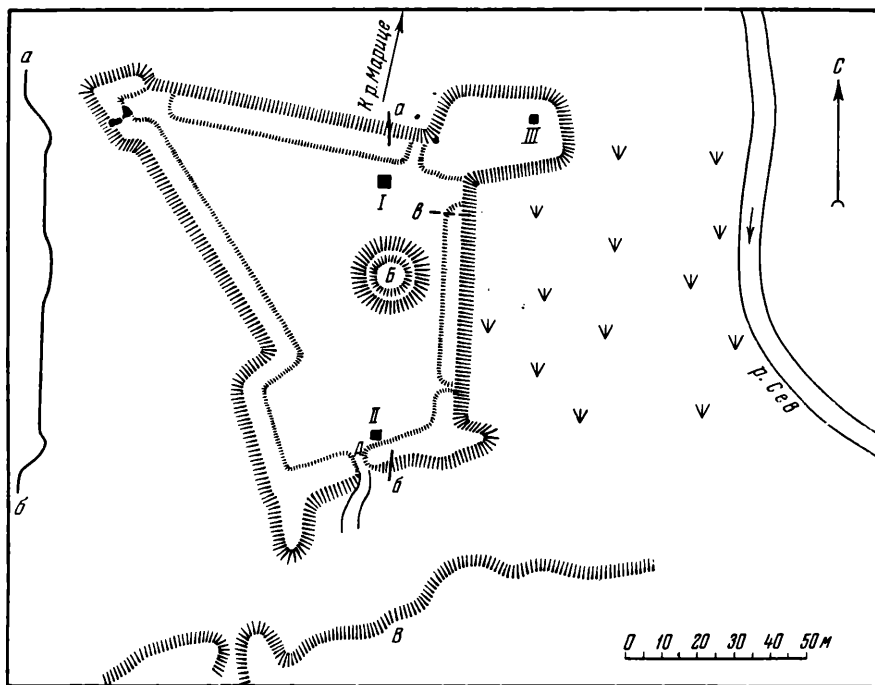

Рис. 37. Схематический план Севского городища (1) и разрез вала (2).

I—раскоп № 1; *II*—раскоп 2; *III*—раскоп № 3; *A* — въезд на городище; *B* — холм, на котором стояла церковь XIX в.; *B* — северная граница Большого города; *a, б* — профиль городища, 2 — разрез вала.
Условные обозначения к разрезу вала: 1 — дерн; 2 — глина; 3 — зола; 4 — угли; 5 — серый грунт; 6 — кирпич; 7 — обожженная глина; 8 — материк.

Группа I — лепная посуда, грубая, серого цвета; тесто — с примесью кварца, обжиг неравномерный; толщина стенок сосудов — около 0,5 см; венчик слабо отогнут, край венчика орнаментирован насечками, ниже которых идет ряд редких вдавлений. Учитывая географическое положение Севска, этот тип посуды можно поставить между керамикой позднескифского времени сейминских городищ (поздnezольничная культура — по И. И. Ляпушкину)⁴ и керамикой юхновской культуры городищ Десны⁵ и датировать временем последних веков до нашей эры (рис. 38—7).

Группа II — посуда лепная, грубоватая, серого цвета; венчик сосудов слегка отогнут, плечики выпуклые; орнаментация однообразная и состоит из отпечатков веревочного штампа («елочки», зигзаги, косые линии). Эта керамика хорошо известна по материалам роменско-боршевских городищ и датируется VIII—X вв. н. э.⁶ (рис. 38—8—10).

Группа III — гончарная посуда, серого цвета; венчик плавно отогнут, орнамент волнистый и линейный. Этот тип керамики был широко известен в XI—XII вв. на славянских городищах и поселениях. На днищах сосудов встречены гончарные клейма, находящиеся многочисленными аналогиями; для примера можно указать на клейма из Старой Рязани⁷ (рис. 38—11—14; рис. 39—1—3).

Группа IV — посуда гончарная, серого и белого цвета; утолщенный венчик сильно отогнут наружу, горло иногда довольно высокое, плечики выпуклые; орнамент волнистый и в виде поперечных бороздок. В Новгороде подобная керамика датируется XIV—XV вв.⁸ (рис. 38—15—17).

Группа V — тонкостенная (часто — мореная) керамика типа XVI—XVII вв.

По количеству находок резко преобладает группа IV, т. е. керамика XIV—XV вв. Из отдельных находок остановимся на наиболее характерных. Найдены браслеты из желтого и синего стекла — 3 фрагмента (рис. 38—3, 4). Стекланные браслеты производились в течение XI—XIII вв. во многих городах Киевской Руси⁹. Обнаружено шиферное биконическое пряслице (рис. 38—5); аналогичные пряслица обычно встречаются на каждом русском городище и во многих курганах XI—XIII вв.¹⁰ Найдены костяные гребни двусторонние, целые (рис. 38—6). Датируются они XI в. — первой половиной XII в.¹¹ Из других изделий отметим несколько костяных проколов, обычных для инвентаря роменских городищ¹² (рис. 38—1, 2), и сравнительно многочисленные железные изделия (гвозди, ножи, цепь) относящиеся к XVII—XIX вв.

На основании полученных материалов намечаются следующие этапы ранней истории Севска. В позднескифское время (последние века до нашей эры) Севское городище уже было заселено. Археологических сведений о жизни здесь в первой половине и середине I тысячелетия н. э. мы не имеем.

⁴ И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного левобережья. СА, XII, 1950, стр. 57 и сл.

⁵ М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 67—77.

⁶ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА № 8, 1948, табл. I, 1—5; И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения днепровского степного левобережья. СА, XVI, 1952, стр. 29, рис. 15, а, 2; рис. 16.

⁷ А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА № 49, 1955, рис. 80, 5, 7, 11, 21, 22.

⁸ Г. П. Смирнова. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. МИА № 55, 1956, стр. 245, рис. 7; стр. 246, рис. 8.

⁹ Г. Ф. Соловьева и В. В. Кропоткин. К вопросу о производстве, распространении и датировке стекланных браслетов древней Руси. КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 21—25.

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 188—190.

¹¹ Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, № 2, стр. 111.

¹² И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА № 74, 1958, рис. 29, 1—10.

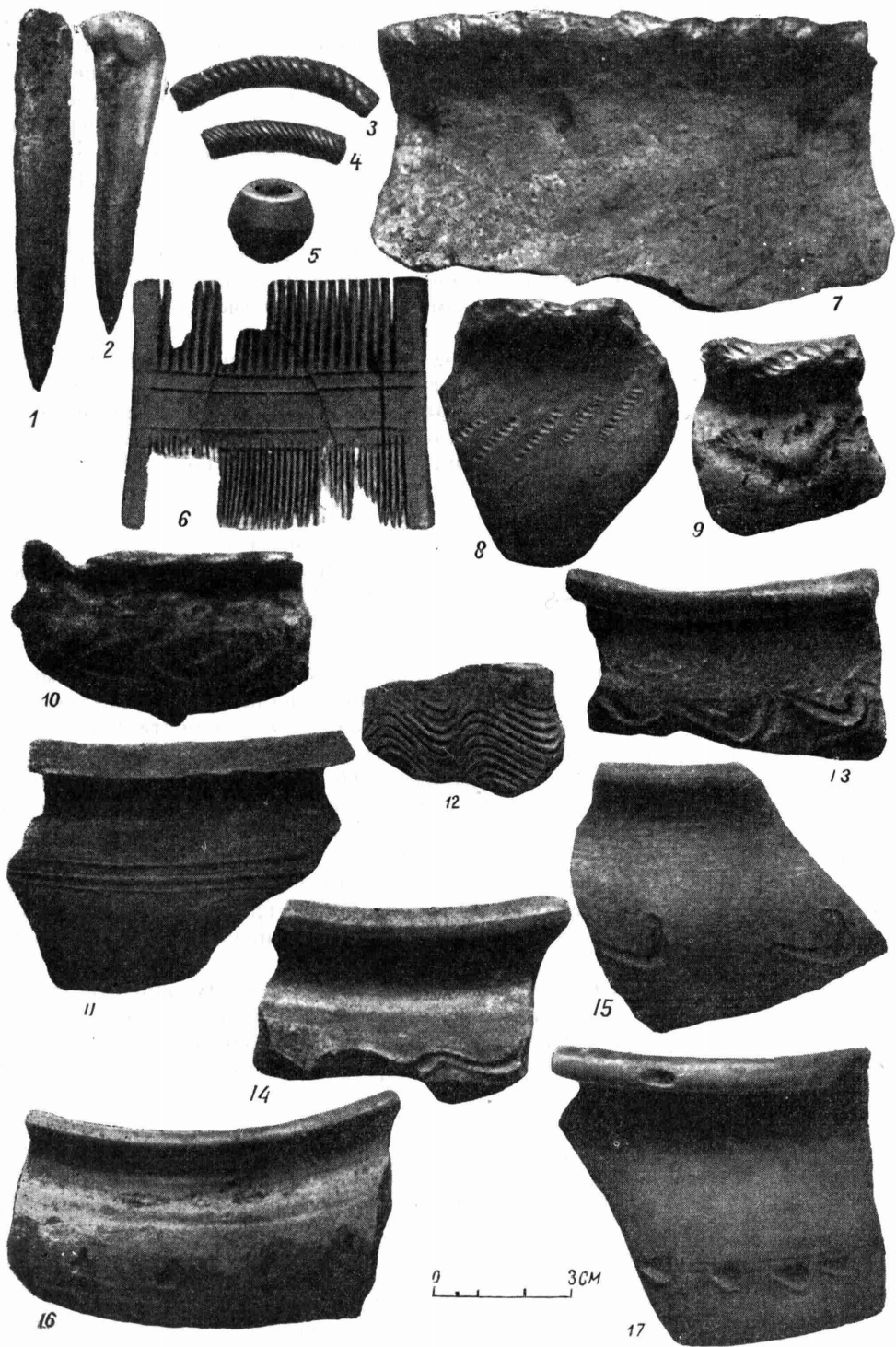

Рис. 38. Находки из раскопок на горадище.

1, 2 — костяные проколки; 3, 4 — обломки стеклянных браслетов; 5 — шиферное пряслице;
6 — костяной гребень; 7—17 — керамика.

В VIII—X вв. на городище обитало славянское население, оставившее хорошо известную керамику роменско-боршевского типа.

В дальнейшем жизнь на городище продолжалась без перерывов. О городе Севске XI—XIII вв. красноречиво свидетельствуют стеклянные браслеты, шиферное пряслице, костяные гребни, керамика. Возможно, что в этот период была заселена и ближайшая к городищу территория Большого города¹³. Это был тот «Севьско», о котором говорится в летописи под 1146 г. Севск являлся городом Черниговской земли, но в период княжеских усобиц ему пришлось находиться под властью князей вщижского, северского, трубчевского и брянского¹⁴.

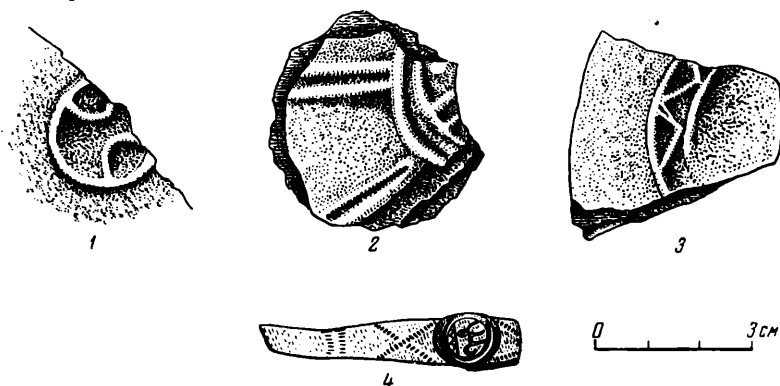

Рис. 39. Гончарные клейма с Севского городища (1—3) и бронзовый перстень с селища в с. Радогощ (4).

Отметим, что во все эти периоды у Севска не было валов. Они насыпаны позднее. В древности валы обычно сооружались с напольной стороны, а возводить их на крутых, естественно защищенных склонах не имело смысла. В том месте, где в древности должен был бы проходить вал, сейчас глубокая выемка, через которую в более позднее время был перекинут мост, ведущий в Большой город и существовавший в начале XIX в.¹⁵ Происхождение выемки неясно, но если она была и в те времена, о которых выше шла речь, — что очень вероятно, — то у городища, почти со всех сторон защищенного крутыми склонами, валов не было. Можно предполагать, что въезд на городище всегда находился на месте современного.

Как известно, монгольское нашествие превратило все левобережье Днепра в пустыню. В XIV в. Севск был опустошен и разрушен татарами, а в 1356 г. вошел в состав Литвы¹⁶.

После присоединения в конце XV в. Севска к Русскому государству городище было превращено в пограничную крепость. Основное население сосредоточилось в Большом городе и Оболони, окруженных валом и рвом, следы которых уцелели в Севске до настоящего времени. В течение XVI—XVII вв. Севская крепость играла видную роль в истории России. Очевидно, в это время начали насыпать валы и бастионы, на которых ставили деревянные стены и башни. Известны сведения о неоднократных работах по укреплению и починке крепости на протяжении XVII в.¹⁷,

¹³ По сведениям севских краеведов, на территории Большого города были найдены шиферное пряслице и стеклянный браслет.

¹⁴ В. А. Теличко. Севск. Брянск, 1951, стр. 4.

¹⁵ Афанасий Щекатов. Словарь географический Российского государства. М., 1807, ч. V, стр. 1286.

¹⁶ В. А. Теличко. Указ. соч., стр. 4.

¹⁷ Там же, стр. 5—8.

в результате которых городище постепенно приобретало современную форму. Последний раз крупные работы в крепости провел Петр I в связи с угрозой шведского похода на Москву. Поход окончился неудачей и Севск навсегда утратил свое военное значение.

Отрядом проведена также разведка в с. Радогощ (в 55 км к северо-востоку от Севска). Город Радогощ (Радощ) впервые упоминается в летописи под 1155 г.¹⁸ В 2 км к северу от современного с. Радогощ в с. Слободка на пологом спуске берега р. Нерусы находится «городок» — небольшой овальный холм (площадь — 73 × 64 м, высота — 2—2,5 м), сильно поврежденный в годы последней войны. Городищем холм можно назвать лишь условно. Подъемный материал включает немногочисленные фрагменты лепной керамики роменского типа. Культурный слой не прослежен. «Городище» с севера, востока и запада окружено селищем, границы которого четко прослеживаются по прекрасно сохранившемуся рву, глубина которого достигает 2 м, ширина — 3—4 м. На площадке селища, в пределах окружающего ее рва, находится много костей, керамики роменского типа, а также относящейся к XI—XIII вв.; здесь же обнаружен сломанный бронзовый перстень с круглым щитком (рис. 39—4) и литым изображением на нем (монограмма, знак?). По бокам щитка — гравированный узор в виде косога креста. Перстень относится к типу печатных, известных на Руси в XII—XIV вв.¹⁹

---

¹⁸ Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871, стр. 328.

¹⁹ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 110, рис. 11.

РАБОТЫ СРЕДНЕРУССКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В 1957 году

Экспедиция, руководимая Н. Н. Ворониным, состояла из 8 отрядов. Настоящий обзор охватывает деятельность 6 отрядов: Мерянского (Поволжского, начальник — Е. И. Горюнова), Вологодского (начальник — А. В. Никитин), Рязанского (начальник — А. Л. Монгайт), отряда по изучению древнерусских крепостных сооружений (начальник — П. А. Раппопорт) и 2 отрядов по изучению древнерусской деревни — Смоленского и Владимирского (начальник обоих отрядов — В. В. Седов). Обзоры деятельности Сунгиревского отряда, исследовавшего палеолитическую стоянку под Владимиром (начальник — О. Н. Бадер), и неолитического, изучавшего памятники в Ярославской и Калининской областях (начальник — Д. А. Крайнов), даны в отдельных статьях.

Мерянский отряд

Исследовалось Попадьинское селище V—VII вв. н. э., в 20 км ниже г. Ярославля, на правом берегу Волги, близ пристани Красный Холм. 1957 г. был третьим годом раскопок этого интересного памятника, на котором вскрыто в общей сложности 1166 кв. м. В итоге получена большая коллекция керамики (4217 фрагментов, не считая мелких) и разнообразных находок (621). Особенно ценны остатки наземных бревенчатых жилищ с большим многоочажным домом в центре, вскрытым полностью (22 × 6 м).

Находки говорят о довольно сложном, многоотраслевом хозяйстве мерянского поселка V—VII вв. н. э., в котором уже значительную роль играли земледелие и скотоводство. Характер скотоводства определяется находками костей преимущественно свиньи и лошади, которая была мясным животным. Многочисленные кости бобра свидетельствуют о пушной охоте. О развитии охоты можно также судить по найденным на селище разнообразным наконечникам стрел. Глиняные грузила указывают на сетевое рыболовство.

Много предметов связано с деревенским ремеслом мери, особенно металлургическим. Находки тяжелых шлаков говорят о местной сыродутной выплавке железа, из которого ковкой вырабатывали несложный, но разнообразный хозяйственный инвентарь и оружие. Меднолитейное производство представлено многочисленными глиняными льячками, тиглями, полуфабрикатами изделий и самими изделиями — серией украшений; из них некоторые типичны для мерянской одежды VI—VII вв. Многочисленны и разнообразные по назначению изделия из кости; среди них — вотивная резная фигурка медведя.

По керамике Попадьянское селище находит самые точные аналогии в Березняковском городище, с одной стороны, и в Сарском, — с другой, представляя с этими территориально близкими памятниками единый хронологический и культурный комплекс.

Е. И. Горюнова

Вологодский отряд

Продолжались работы на Крестьянской улице г. Вологды около дома № 24, на месте расположения домонгольской части города, вблизи так называемой Ленивой площадки. Наблюдения показали, что вскрытая раскопом площадь полностью исчерпала доступные в настоящее время участки с домонгольским слоем в этом районе города.

К домонгольскому слою относятся части усадеб. Постройки — срубные, небольших размеров (3 × 3 м и 4 × 4 м); некоторые из них жилые, располагавшиеся вдоль замощенных улиц (подобных новгородским) шириной 2—3 м. Вскрыты также остатки замощения небольшой площади.

Среди находок 1957 г. много стеклянных браслетов, остатков кожевенного и косторезного производств, железных изделий и т. д. Впервые найдено пряслице из розового шифера, что подтверждает возникновение Вологды в домонгольское время (по письменным источникам позднего времени — это 1147 г.).

Среди городских ремесел в Вологде XII—XIII вв. выделяются кожевенное и косторезное производства. По своему культурно-экономическому облику Вологда XII—XIII вв. не отставала от больших городов домонгольской Руси.

А. В. Никитин

Смоленский и Владимирский отряд

Смоленский отряд продолжал ведущую третью год археологическую разведку центральных районов Смоленской области для изучения размещения и топографии сельских поселений IX—XIV вв., их размеров и планировки, а также состояния археологических памятников¹.

Владимирский отряд, работавший в 1957 г. на средства Владимирского и Вязниковского музеев, продолжал начатые в 1956 г. большие раскопки древнерусского селища и городища, расположенных недалеко от г. Вязники, на правом берегу р. Клязьмы (Пирово селище и городище).

На селище вскрыто свыше 600 кв. м и прослежены остатки более 20 разновременных наземных построек; удалось выявить несколько типов печей. Собрано около 1000 различных предметов; среди них — много серпов и кос, рыболовных крючков и глиняных грузил, шиферные пряслица, ножи, ключи, замки, стрелы, разнообразные украшения. Нижний слой памятника относится к волосовской культуре бронзового века. При раскопках установлено, что первые славянские поселения здесь появились в X в. на левом берегу Безымянного ручья, разрезающего селище на 2 части. В начале XI в. поселение распространилось на правый берег, а в конце XI в. возникло городище.

В 1957 г. на городище раскопано свыше 200 кв. м. Здесь открыты две небольших четырехугольных ямы; вероятнее всего, — это подпольные ямы наземных построек. Наиболее интересным открытием можно считать часть

¹ См. статью в этом выпуске: В. В. Седов. Древнерусские сельские поселения Смоленской земли (стр. 43).

дугообразного рва, засыпанного культурным слоем. Глубина рва — около 1 м, дно его почти горизонтально. Назначение рва пока не выяснено.

В культурном слое городища собрано большое количество разнообразных находок.

В. В. Седов

Рязанский отряд

Продолжались начатые в 1955 г. раскопки Переяславля-Рязанского (современный г. Рязань). В археологическом отношении этот город очень плохо изучен. В 1924 г. здесь вел небольшие раскопки В. А. Городцов, но проведенная им в кремле траншея длиной 25 м не достигла материка, и отчет о раскопках не сохранился. В 1929—1931 гг. небольшие разведочные раскопки выполнялись Н. П. Милоновым. Нужно было решить вопрос о мощности и сохранности культурного слоя в кремле Переяславля-Рязанского и получить некоторые предварительные данные о топографии древнего города. В 1955—1956 гг. были заложены 4 раскопа, позволивших определить направление дальнейших работ. Оказалось, что культурный слой в кремле не только обладает большой мощностью (от 4 до 7 м), но и отличается от культурных слоев других рязанских городищ великолепной сохранностью дерева; это позволило изучить жилища, хозяйственные постройки, уличные и дворовые мостовые и собрать обширную коллекцию деревянных вещей.

В 1957 г. были завершены работы на раскопе № 4, расположенном в южной части «архиерейского» сада в кремле. Этот участок в древности был заболочен. Сюда, в низину стекали воды и, может быть, здесь было упоминаемое в древних актах озеро Карасево, у которого, по преданию, заложили город Переяславль. Культурный слой в раскопе № 4 составляет свыше 7 м и, начиная с глубины 4 м (от современной поверхности) все постройки находятся в воде, обильно просачивающейся из подземных родников.

Открыты небольшие хозяйственные постройки от XII в. до начала XIII в. Это бревенчатые срубы из тонких бревен, рубленных в обло. Строители вынуждены были периодически засыпать участок мусором и щепой, борясь с влажностью почвы. Дренажных сооружений пока не найдено. В самой нижней зоне раскопа вскрыты настил из больших плах и забитые в его край сваи, вероятно, составлявшие древнюю пристань на берегу озера. Найдены много грузил от сетей, обрывки сетей и верши, сплетенные из лозы. Во всех постройках и в культурном слое — большое количество рыбьей чешуи. В хозяйственных постройках XIII—XIV вв. обнаружены многочисленные деревянные предметы, в том числе — жом для масла, льнотрепальные ножи, веретёна, гребни для прядения шерсти, тележная ось и т. п. После керамики наиболее массовый материал представляют кожаная обувь и обрезки кожи. Среди находок — орудия сапожников и шорников: шилья, комплекты ножей с шилом и иглой, скрепленные вместе на кожаном шнурке, и т. п. Очевидно, на исследуемом участке кремля в течение нескольких веков находился район, в котором жили ремесленники — шорники и сапожники, а также рыбаки.

А. Л. Монгайт

Отряд по изучению крепостей

Исследован ряд городищ — русских укрепленных поселений XII—XV вв. Работа проведена двумя маршрутами: в первом обследованы г. Тутаев (бывший Романов), сёла Курба, Диево Городище (Ярославская область), г. Плес (Ивановская область), с. Судиславль и г. Галич (Костромская область); во втором — г. Старая Русса, сёла Демянск и Молвогицы, городище Княжья Гора близ Демянска (Новгородская область), городище Кличен

у г. Осташкова, города Торжок и Старица, с. Семенов Городок близ Старицы, г. Бежецк и с. Бежицы (Калининская область).

Выяснилось, что в селах Курба, Судиславль и Демянск нет древних городищ, а в с. Диево Городище, городах Старой Руссе и Бежецке городища в настоящее время полностью уничтожены. Во всех остальных обследованных пунктах выполнены глазомерная съемка городищ, нивелировка и сбор подъемного материала; в нескольких случаях заложены разведочные шурфы. В Тутаеве, Плесе, Галиче и Торжке сделаны прорезки оборонительных валов с целью выяснить их конструкцию. Кроме того, проведена фотосъемка с самолета городищ в г. Старице и с. Микулино Городище.

По типам и времени сооружения все обследованные памятники можно разделить на следующие группы:

1. Городища домонгольского времени, различных схем плановой структуры — мысовой (Бежицы и первоначальная крепость в Торжке) и полукруглой (нижнее городище в Галиче).

2. Городища XIV—XV вв. островного типа, на отдельном невысоком холме (Кличен) и на отдельной горе (Княжья Гора).

3. Городища XIV—XV вв. мысового типа, с четко выраженной «односторонней» схемой организации обороны². Сюда относится большинство обследованных городищ (Романов, Плес, верхнее городище в Галиче, Молвотицы, Торжок, Старица, Семенов Городок).

4. Городище «регулярного типа», относящееся в XV—XVI вв. (кремль в Галиче).

Наиболее сложными комплексами военно-оборонительных сооружений оказались городища в Торжке и Галиче. Городище в Торжке состояло из двух частей, отвечающих двум этапам строительства укреплений. В XI или XII вв. здесь была сооружена крепость, остатками которой является «верхняя площадка» современного городища. В XIV в. площадь укрепления была значительно увеличена за счет добавления «нижней площадки».

В Галиче, как выяснилось, — три древних городища, относящихся к трем последовательно сменявшим друг друга этапам в развитии укреплений города³. Нижнее городище в Галиче — это остатки крепости, построенной в середине XII в. при Юрии Долгоруком, верхнее — относится к началу XV в., а Галичский кремль сооружен в конце XV в. или первой половине XVI в.

П. А. Раппопорт

---

² См. об этом: П. А. Раппопорт. Плановая структура раннемосковских городищ. КСИИМК, вып. 71, 1958.

³ П. А. Раппопорт. Оборонительные сооружения Галича Мерьского. КСИИМК, вып. 77, 1959.

ЭКСПЕДИЦИИ ЛОИИМК
ПО ИЗУЧЕНИЮ СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ
В 1957 годуДнестровско-Волынский отряд
Галицко-Волынской экспедиции

Задача отряда в 1957 г. была двоякая: во-первых, продолжение работы на поселении культуры полей погребений в Луке-Врублевецкой — специальное исследование жилых комплексов, не законченное в 1955 г., и продолжение изучения участка гончарных печей, открытых в 1956 г.; во-вторых, работы на Южной Волыни — начало раскопок поселения культуры полей погребений в Лепесовке (Белогорского района, Хмельницкой области), впервые открытого в качестве погребального памятника в 1905 г. и обследованного разведкой Днестровско-Волынского отряда в 1956 г.

Первая задача выполнена целиком. В Луке-Врублевецкой вскрыто 240 кв. м. Продолжено исследование участка с гончарными печами III—IV вв. н. э., найдены остававшаяся необнаруженной яма с отбросами гончарного производства у печи № 1, а также (несколько восточнее раскрытых в предшествующем году печей) небольшая средневековая гончарная печь с припечной ямой, содержавшей золу и черепки. Датируется печь заполняющей ее тонкостенной красно- и белоглиняной керамикой XII—XIII вв. Участок этот, очевидно, постоянно использовался для гончарного производства, о чем свидетельствует и само его название «Гончары», бытовавшее, по словам старожилов, вплоть до конца XIX в.

На втором участке, где в 1955 г. в центре поселения культуры полей погребений, на склоне к Днестру, были замечены печи, обнаружена большая шахтная печь, синхронная и остальным печам, и всему поселению в целом.

На третьем участке раскрыто наземное жилище, где найден интересный набор железных орудий — одноручная пилака (встречается на поселениях данной культуры впервые), долото, зубило, тесло, а также много керамики типичных днестровско-черняховских форм, обломки костяных гребешков, пряслиц и выразительная бронзовая фибула (с высоким держателем иглы и головкой в виде водоплавающей птицы). Весь материал не выходит за рамки III—IV вв. н. э.

Кроме работ в Луке-Врублевецкой, отрядом обследовано два больших поселения черняховской культуры — в Малиновцах и у с. Устье, Каменец-Подольского района, Хмельницкой области. Первое расположено на берегу ручья, второе (как и в Луке-Врублевецкой) — на левом берегу Днестра, на его первой надпойменной террасе; оно почти разрушено тракторной вспашкой — на поверхность выворочены огромные куски обожженной обмазки и очень крупные обломки сероглиняных сосудов, сделанных на круге.

Рис. 40. Лепесовка. Ритуальные чаши (1, 2) и обломок дна сосуда с греческой надписью (3).

На Южной Волини в Лепесовке, на поселении культуры полей погребений вскрыта площадь более 900 кв. м (двумя раскопами: один — около 560 кв. м, другой — 240 кв. м) и заложено большое число контрольных шурфов для определения границ поселения и характера культурных напластований на всей его площади. Поселение расположено на левом высоком берегу старого русла Горыни, к востоку от современного села, по дороге в с. Ольшаницу. Общая площадь поселения достигает почти 10 га. Оно в основном однослойное, лишь местами на глубине около 2 м прослеживается трипольская керамика, а выше — керамика высоцкого типа. В нескольких местах встречаются поздние ямы со славянской керамикой X—XIII вв. Поселение это было центром керамического производства; открыто Я. В. Яроцким в 1905 г. «ульевидное погребальное сооружение» в действительности — гончарная печь двухъярусной конструкции, датируемая концом III в.— началом IV в. н. э.¹ Памятник относительно хорошо сохранился — явление для культуры полей погребений редкое; площадь его давно не распахивается.

Начатый в 1957 г. раскоп в центре поселения, на самой высокой его части (там, где в 1956 г. был заложен шурф № 1), показал значительную насы-

¹ См. М. А. Тиханова. Культура западноукраинских областей в первые века нашей эры. МИА № 6, 1941, стр. 262—264.

ценность культурного слоя. Обнаружено погибшее в пожаре большое наземное сооружение, что и вызвало необходимость вскрытия широкой площади (более 560 кв. м). Сооружение это, имеющее прямоугольную форму, вытянутое с запада на восток, видимо, — культового характера, с очагом-жертвенником в северной его части. Одновременно велись работы и на западной окраине поселения, где заложенный в 1956 г. шурф № 3 подтвердил, что именно на этом месте Я. В. Яроцким были обнаружены гончарные печи. В 1957 г. здесь вскрыты остатки наземных сооружений, видимо, производственного назначения, с целым рядом очагов.

Исключительно интересны собранные во время раскопок материалы — богатейшая и разнообразная керамика, сделанная на гончарном круге, и лепная — в основном пшеворского типа. Среди керамики, изготовленной на круге, — огромные сосуды для хранения запасов, кухонная и столовая посуда, в том числе много богато орнаментированной. Специального внимания заслуживают две трёхручные чаши с глиняными кольцами на ручках и резным ажурным украшением (из глины) по борту (рис. 40—1, 2). Сосуды эти — подражание металлическим — явно ритуальные; они были положены в разбитом виде в основание упомянутого выше очага-жертвенника. Встречено также много изделий из железа, в том числе удила, наконечник копья, обломки серпа, косы, топоров, сучкорез, ножи; из бронзы — иглы, булавки, пинцет. Найдена серебряная фибула больших размеров, относящаяся к типу «с обернутой ножкой», но со своеобразной фигурной тетивой. Многочисленны пряслица и грузила. Немало обнаружено изделий из кости, в том числе костяные гребни, пряслица, «шашка» — жетон для игры. Среди импортных вещей — обломки тонкостенной стеклянной чаши, украшенной поясками из шлифованных овалов, краснолакового сосудика и др. Много кусков железного шлака; встречается и стеклянный шлак.

Особого внимания заслуживают следы письменности — обрывки 4 греческих надписей на обломках сосудов и орудия письма, что встречается в материалах культуры полей погребений впервые. Одна из надписей — граффити на дне сосуда, изготовленного на гончарном круге, хорошо читается:

1 (рис. 40—3); другие сделаны до обжига на наружных стенках сероглиняных, богато орнаментированных сосудов. Весь комплекс находок датирует поселение III—IV вв. н. э.

М. А. Тиханова

Славяно-Литовский отряд Прибалтийской экспедиции

В 1957 г., как и в предшествующем году, исследования проводились на левом берегу Немана, в пределах Гродненской области БССР. Первый месяц работ был посвящен разведке. Обследовано междуречье Молчади и Сервеча, где выявлено около 20 памятников I тысячелетия и начала II тысячелетия н. э. Обнаружены малоизвестные на этой территории поселения со штрихованной керамикой (Черешля, Городище), датирующиеся первой половиной I тысячелетия н. э. Весьма интересны селища с гладкостенной лепной керамикой, дающие первые сведения о появлении здесь славянского населения во второй половине II тысячелетия н. э. (Огородники, Селище и др.). Интересно, что эта гладкостенная посуда близка керамике роменского типа. Обнаружены также древнерусские городища, селища и курганные могильники.

По окончании разведочных работ были начаты раскопки городища в Новогрудке, впервые обследованного нашим отрядом в 1956 г. Раскоп площадью около 150 кв. м заложен на поселении, примыкающем к детинцу. Культурный слой здесь мощностью немногим более 1 м. В нижнем горизонте обнаружена землянка, в одном из углов которой сохранилась

хозяйственная яма. На полу землянки найдены следы очага. В верхнем горизонте отмечены следы наземных жилищ с печами, сложенными из камней.

На городище встречено много находок. Керамика — исключительно гончарной выделки, причем преобладает обычная древнерусская посуда с линейно-волнистым орнаментом. Вместе с тем отдельные сосуды украшены валиком, штампом и другим орнаментом, типичным для керамики Польши и Волыни. Нередко встречаются обломки амфор. Найдены разнообразные изделия из железа — сошник, ножи, ключи, наконечники стрел, шпора и др. Довольно много пряслиц — шиферных и глиняных — и изделий из рога и кости. Весьма богат набор женских украшений: это стеклянные и бронзовые браслеты и перстни, височное кольцо, спирали, подвески, бубенчики, пряжки и другие поделки из бронзы. Найдены бронзовые кресты, кресты из камня, поделки из янтаря и т. д. Во всех горизонтах культурного слоя очень много костей животных.

Нижний горизонт Новогрудского городища можно датировать X—XI вв., верхний — XII—XIII вв.

Материалы городища рисуют поселение с развитой древнерусской культурой, находящейся в тесном общении с культурой близлежащих и более отдаленных территорий. Насколько связаны Новогрудское городище и аналогичные ему древнерусские памятники со славянскими памятниками предшествующей поры, открытыми на этой территории, — ответить пока трудно.

Ф. Д. Гуревич

Днепровский левобережный отряд Южнорусской экспедиции

Летом 1957 г. отряд продолжал раскопки восточно-славянского городища VIII—IX вв. в с. Опошня, начатые еще в 1940 г.²

Полевые изыскания послевоенных лет и тщательное изучение ранее собранных материалов позволили выдвинуть ряд положений, вносящих коренные изменения в наши представления об общем облике культуры восточных славян Среднего Поднепровья (точнее, — лесостепи) времени формирования Киевского государства. В частности, установлено, что в историко-культурном отношении Среднее Поднепровье (в широком понимании — от Днестра до Дона) в этот период представляет единое целое и что противопоставление восточных славян Правобережья левобережным не имеет оснований³. Существенно также отметить, что общий облик этой культуры, как показывают новые данные, совсем не архаичен и не примитивен. Большое значение имеют поправки, внесенные в наши представления о типе жилых и хозяйственных построек⁴.

В сложении этих новых взглядов на характер культуры восточных славян времени формирования Киевского государства, наряду с новыми материалами (послевоенными), видную роль играли и старые данные, в том числе материалы Опошнянского городища. В 1940 г. на Опошнянском городище было вскрыто около 10 кв. м. Хотя по характеру культурных отложений городище — довольно простой, однослойный памятник, тем не менее материалы, полученные при раскопках (обнаружены остатки 3 жилищ),

² И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 117—127.

³ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. Изд. 2-е, М., 1953, стр. 246; И. И. Ляпушкин. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей. Вестник ЛГУ, № 20, 1956, стр. 45—60.

⁴ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 164, 172; И. И. Ляпушкин. О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII—X вв. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 3—13; его же. Городище Новотроицкое. МИА № 74, 1958.

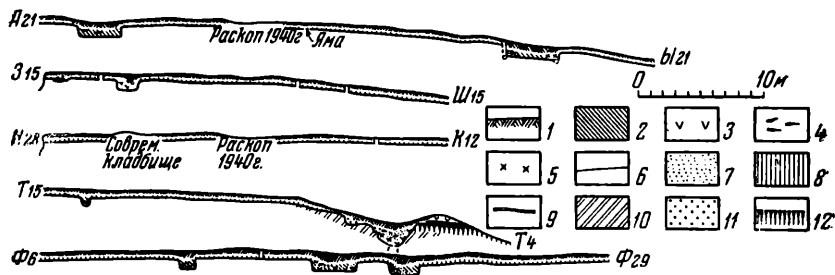
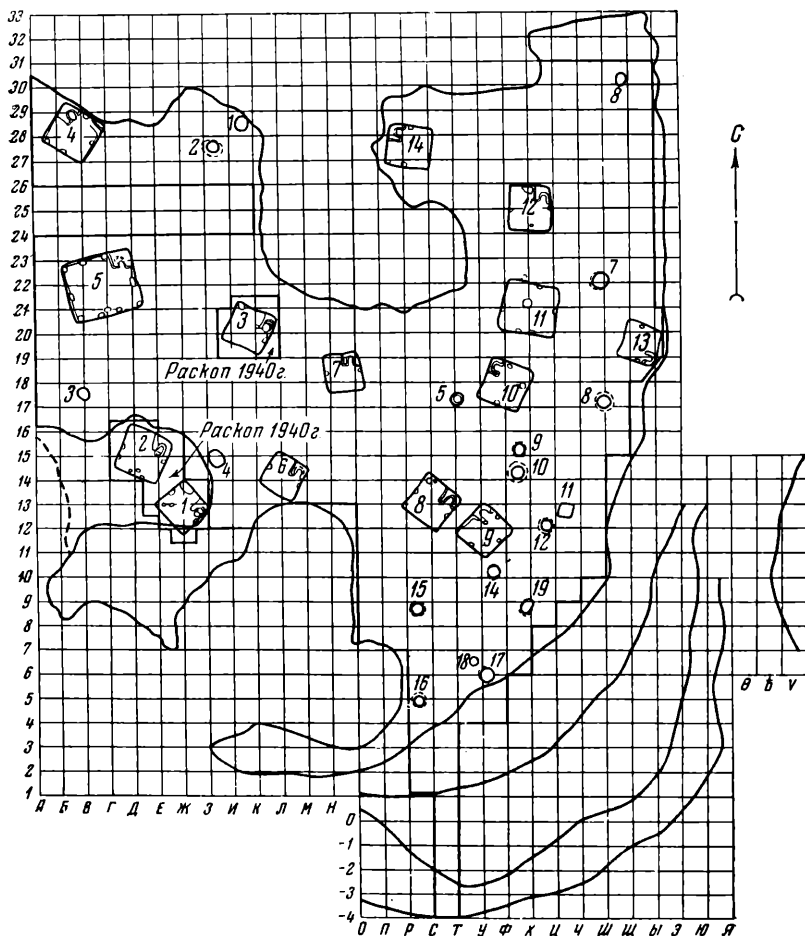

Рис. 41. План раскопа 1957 г. на городище Опощня.

1 — гумусный слой; 2 — желтый глинистый слой; 3 — белый глинистый слой; 4 — угли;
 5 — слой со включениями обожженной глины; 6 — горизонт материка; 7 — золотистый слой;
 8 — слой подпочвы; 9 — выброс (белая глина); 10 — материк (белая глина); 11 — коричне-
 ватый слой; 12 — материк (коричневатая глина).

не могли раскрыть со всей полнотой облик культуры населения, обитавшего в поселке. Для этого нужны были дополнительные данные. С этой целью и были организованы раскопки 1957 г., которые охватили восточную часть городища на площади около 1500 кв. м (рис. 41), причем культурный слой снят до основания. Мощность его незначительная, в пределах 0,3—0,45 м. Характер культурных отложений довольно однообразен: это темный, гумусированный слой с включением немногочисленных обломков глиняной лепной посуды, раздробленных костей животных, кусков обожженной глины, угольков и единичных поделок (целых или дефектных) из металла, кости, глины. Только на местах жилых и хозяйственных построек, врезанных в землю, глубина залегания культурного слоя доходила до 1,5 м.

На вскрытой площади обнаружены остатки 11 жилых (14 — с раскопан-ными в 1940 г.) и около двух десятков хозяйственных построек. Не исключено, что часть жилищ уничтожена глинищами, врезавшимися с юга и севера в площадку городища. Все жилища — полуземляночного типа. Нижняя часть их опущена в материковую глину (в верхней части глина — темно-желтого оттенка, внизу — белая) глубиной до 1 м. В плане жилища прямоугольные; часть их ориентирована сторонами по линиям северо-восток — юго-запад и северо-запад — юго-восток, часть — строго по странам света. Как правило, размеры жилищ небольшие — в среднем около 3 × 3 м. Лишь жилище 5 выделяется своей величиной (размеры его — около 5,5 × 5 м). Печи расположены в одном из углов. Они вырезаны в материковой глине одновременно с сооружением нижней, углубленной части жилища. Только в жилище 11 печь сделана в стене (в виде подбоя). В полу (в углах и у стен, в средней их части) — столбовые ямы числом от 2 до 10. В заполнении нижних, углубленных частей всех жилищ обнаружены остатки сгоревшего дерева. Судя по расположению их, это деревянные конструкции жилищ — столбы, перекладины, стропила и т. п. В отдельных жилищах найдены глиняные сосуды (в раздавленном виде). Керамика только лепная, за исключением нескольких обломков амфор.

Остатки хозяйственных построек сохранились в виде углубленных в материк ям. Как правило, они округлые в плане (овальные и прямоугольные составляют единицы) и колоколовидные (или конические) в сечении. Сохранность ям прекрасная. И жилища, и хозяйственные ямы размещены на территории исследованной площадки довольно свободно, в виде отдельно стоящих построек.

Слабая насыщенность культурного слоя бытовыми остатками, хорошая сохранность углубленных частей жилых и хозяйственных построек, отсутствие следов перестройки и некоторые другие данные позволяют сделать заключение о непродолжительности жизни на поселении, причем все жилища закончили свое существование, по-видимому, одновременно.

Судя по найденным вещам, время, к которому относится поселение, не выходит за рамки VIII—IX вв. Более точная дата может быть установлена после детальной обработки материалов. Сейчас о них можно сказать лишь, что они полностью подтверждают данные разведочных раскопок 1940 г.⁵ и еще более укрепляют выводы, сделанные на основе этих данных.

И. И. Ляпушкин

Западнодвинский отряд Верхнеднепровской экспедиции

Полевые изыскания 1957 г. производились в течение 2 месяцев. Отряд закончил исследование городища под Великими Луками, одновременно выполнены разведочные работы в бассейне р. Ловати, на участке между гг. Ве-

⁵ И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ... стр. 117—127.

ликими Луками и Холмом. Затем было начато систематическое изучение Малого Торопецкого городища.

Разведками в бассейне р. Ловати обследованы 24 археологических пункта, из них 4 городища, 4 селища, несколько курганных групп и единичные длинные и круглые курганы. Наряду с памятниками рубежа I и II тысячелетий н. э., обнаружены и более древние группы памятников первых веков нашей эры, например, у дер. Валульской, где найдена сетчатая керамика.

В 1957 г. завершено начатое в 1954 г. исследование городища у дер. Городище под Великими Луками. В 1957 г. здесь вскрыто 350 кв. м в юго-восточной и центральной частях площадки. С северо-восточной, napольной стороны городища в двух местах встречены небольшие фрагменты сгоревшей деревянной оборонительной стены, очевидно, являющейся продолжением наиболее сохранившейся части стены, вскрытой в 1956 г. с северной стороны городища.

В северо-восточной и центральной частях обнаружены основания 7 жилых наземных сооружений. Все они, как и постройки, исследованные в предыдущие годы, — столбовой конструкции. Два из них, с прослеженными основаниями столбовых ям, углубленными в материк печами и примыкающими хозяйственными постройками, сохранились более полно. В худшем состоянии оказались жилища в центральной части, перекрытые более поздними сооружениями. Со стороны южного склона городища к жилищам примыкала яма конусовидной формы, диаметром 4 м и глубиной 2,5 м.

Среди находок, наряду с предметами, отмеченными при раскопках предыдущих лет, встречены бронзовые изделия (проволочная серьга с напущенными золочеными бусами, бубенчик, подвеска-ложечка и пр.), костяной гребень с накладной орнаментированной рамкой, серебряная монета — диргем (Ахмед ибн-Исмаил, 910 г.), оплавленный тигелек для литья металла и др.

По материалам раскопок 1954—1957 гг. городище может быть датировано X—XII вв.

На Малом городище в Торопце вскрыт участок в 160 кв. м, примыкающий с северной стороны к шурфу, заложенному в 1956 г. П. А. Раппопортом. Здесь обнаружен мощный гумусированный слой ярко-черной окраски, вскрытый до глубины 1,2—1,3 м. Слой насыщен находками и заполнен развалом срубных сооружений (с глинобитными печами), залегавших в несколько ярусов.

В верхнем ярусе на глубине 0,4—0,6 м от поверхности обнаружены остатки двух расположенных рядом хозяйственно-жилых комплексов (размером 9,5×4 м), вытянутых с северо-востока на юго-запад, погибших от пожара. С южной стороны к ним примыкали постройка квадратной формы (4 м в поперечнике) и части еще двух аналогичных сооружений, уходящих в восточный обрез раскопа.

В заполнении построек встречена глиняная посуда разнообразных размеров и форм — от обычных горшков и горшочков, украшенных линейным орнаментом, до кувшинов и вазочек с поддоном. Среди металлических изделий — железные ключи и замки, пробои, наконечники копий, топоры, бронзовый крест-энколпион XIII в. Встречены также разнообразные шиферные и глиняные пряслица, точильные камни и жернова.

Наряду с костями животных, в культурном слое сохранились различные органические остатки: ткань, куделя, обгорелая мука и большое количество зерен злаков, конопли, гороха и других культур.

Под верхним ярусом построек залегал следующий ярус прекрасно сохранившегося дерева — остатки нижних венцов больших срубных построек из массивных бревен, плах и настила жилищ и дворов, частично уходящих за пределы раскопа. Среди бытовых предметов обращают на себя внимание глиняная, грубого теста посуда с волнистым орнаментом,

разнообразные металлические и костяные изделия, двусторонние гребни, коchedыки и т. п.

Второй ярус сооружений, после выполнения обмеров и фиксации, был засыпан консервирующим слоем земли с целью сохранения этого яруса для исследований последующих лет на более широкой площади.

Я. В. Станкевич

Г а л и ц к о - В о л ы н с к а я   э к с п е д и ц и я

В 1957 г., как и в предшествующие 2 года Галицко-Волынская археологическая экспедиция ЛОИИМК работала совместно с Галицко-Волынской архитектурно-археологической экспедицией ЛГУ. Основным объектом были раскопки древнерусского городища, расположенного у восточной окраины с. Городище, Шепетовского района, Хмельницкой области. Городище ограждено 3 линиями отлично сохранившихся валов и рвов. Расположенный в северной части детинец дополнительно огражден рвом и плохо сохранившимся (распаханным) валом. Общая площадь городища, не считая рвов и валов,— 3,5 га.

При распашке городища местные жители не раз находили в земле разнообразные древние предметы, куски обгорелых бревен и множество человеческих костей. Находки свидетельствовали о том, что этот древний хорошо укрепленный городок погиб в результате кровавого разгрома, сопровождавшегося пожаром. Раскопками открыты остатки сгоревших наземных жилищ и хозяйственных построек, под развалинами которых уцелели многочисленные бытовые вещи и орудия ремесленного производства. Особенно много находок обнаружено под развалинами сгоревших деревянных клетей, устроенных внутри земляных валов, ограждавших и детинец, и городской посад. На городище найдено множество орудий сельскохозяйственного производства — серпы, косы, лопаты, железные части плугов (лемехи и чересла), жернова, конская упряжь и пр. В хозяйственных постройках обнаружены большие запасы обгоревшей ржи, пшеницы, проса, гороха и других сельскохозяйственных культур. Многочисленные находки связаны с рыбным промыслом — рыболовные крючки, остроги, грузила. Среди огромного количества разнообразных бытовых предметов следует отметить множество различных глиняных сосудов, многочисленные железные предметы,— ножи, замки, ключи, обручи от деревянных ведер, кресала, бронзовые и серебряные украшения (браслеты, перстни, бусы, височные кольца).

На городище обнаружено 4 клада, зарытых в момент опасности, состоявших из серебряных женских украшений — височных колец, перстней, браслетов, колтов и подвесок. Найдены также несколько бронзовых крестов-энколпионов, изготовленных в киевских мастерских, каменная резная иконка, бронзовое блюдо западноевропейского происхождения с аллегорическими изображениями и около полутора тысяч фрагментов разноцветных стеклянных браслетов. Возле оборонительных сооружений собрано более 300 железных наконечников стрел, обломки мечей и сабель, копья, боевые топоры, булавы, стремена и шпоры. По всей площади городища лежат многочисленные скелеты людей, погибших от огня и меча. Много женских и детских скелетов вскрыто под развалинами сгоревших жилищ.

Разнообразные вещи, найденные на городище, позволили установить, что разгром городка относится к середине XIII в. Из древнерусских летописей известно, что татаро-монгольские полчища, вторгшиеся на Русь, взяв штурмом в декабре 1240 г. столицу древней Руси — Киев, двинулись на запад с целью захватить Владимир-Волынский и Галич. Города и села на пути от Киева до Владимира были разгромлены и сожжены. Среди них был и небольшой городок, остатки которого исследовались нами у с. Городище. Все

обнаруженные раскопками предметы в настоящее время обрабатываются в реставрационных мастерских ЛОИИМК. Раскопки продолжатся несколько лет. Предполагается раскрыть полностью всю площадь городища. Вновь открытый памятник представляет исключительное значение для изучения истории материальной культуры древней Руси накануне монгольского нашествия.

После окончания раскопок на городище Галицко-Волынская экспедиция провела небольшие раскопки в древнем Галиче (городище в с. Крылос), в продолжение работ 1955 г. На территории так называемого Золотого тока обнаружена мастерская архитектурно-декоративных керамических плиток с рельефными изображениями. Из многочисленных фрагментов плиток удалось собрать до полутора десятка почти целых экземпляров. Архитектурно-декоративные плитки Галича имеют крупное значение для истории декоративного искусства древней Руси.

М. К. Каргер

Староладожская экспедиция

В 1957 г., после семилетнего перерыва, возобновились археологические исследования на Земляном городище Старой Ладogi⁶. Необходимо было в первую очередь продолжить работы на том участке, где в 1949 г. начались раскопки, доведенные до горизонта *в*⁷. Горизонт с остатками строительных комплексов, после необходимой фиксации (чертежи, фотографии), был консервирован.

Исследуемый участок (площадь в 480 кв. м.) находится в юго-западном углу Земляного городища и примыкает соответственно к южному и западному городищенским валам; с востока его ограничивает старый раскоп Н. И. Репникова, а с севера — участок, законченный полевыми исследованиями в 1950 г.

На освобожденном от консервирующего слоя горизонте *в* было продолжено изучение строительных комплексов. Из вновь открытых построек следует отметить хорошо сохранившийся нижний венец жилого дома в юго-западной части раскопа. Комплекс выделяется среди других большим числом найденных здесь лаптей (более двух десятков) и запасом заготовок бересты для их плетения. Тут же обнаружены кожаные поршни, масса обрезков кожи и пучки щетины, которая, возможно, служила для тачания кожаной обуви.

Раскрытый участок хорошо увязывается по плану, стратиграфии, типичному инвентарю с ранее изученными площадями города Ладogi, что дает твердые основания датировки горизонта *в* (конец XVI в.— начало XVIII в.).

Следующий горизонт *г* характеризовался гумусным слоем аморфной структуры. Дерево здесь сохранилось очень плохо; все же удалось зафиксировать остатки довольно большого строения (6 × 8 м), — по-видимому, жилого дома. Среди особо интересных находок из нижнего слоя этого горизонта — княжеская свинцовая печать с греческими надписями; она относится ко времени Владимира Мономаха и может служить датирующим предметом для этого слоя.

Горизонт *д* раскрыл картину, хорошо знакомую по раскопкам прошлых лет. Отличается он сильной застроенностью городской площади и хорошей

⁶ Начальник экспедиции — В. И. Равдоникас, заместитель начальника — К. Д. Лаушкин.

⁷ О стратиграфии и плане Земляного городища см. В. И. Равдоникас. Старая Ладoga. (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.). СА, XI, 1949, стр. 9—12.

сохранностью дерева. Из строительных комплексов следует отметить остатки 4 жилых домов, которые, тесно примыкая друг к другу в одной линии, являются продолжением уличного порядка, обнаруженного ранее⁸.

Собран богатый материал: керамика, преимущественно лепная, разнообразные изделия из дерева, костяные проколки и шилья, шиферные и глиняные пряслица, стеклянные и янтарные бусы и пронизки, стрела с деревянным древком и железным наконечником и многое другое.

Горизонт д не удалось полностью изучить в 1957 г. Поэтому все деревянные сооружения были покрыты соломенными матами и площадь раскопа засыпана консервирующим слоем земли.

При археологических разведках по берегам р. Ладожки (обследованы оба берега реки на протяжении 4 км от устья) обнаружены 3 пункта, где встречается средневековый подъемный материал: на левом берегу — в самом устье р. Ладожки и на правом берегу — в 250 м и в 510 м от устья.

К. Д. Лаушкин

---

⁸ См. сводный план синхронных построек из горизонта на участках раскопа 1911—1913 гг. и 1938—1948 гг.: Г. П. Гроздилов. Раскопки в Старой Ладозе в 1948 г. СА, XIV, 1950, рис. 11. Постройки служат продолжением восточного ряда домов.

III. ХРОНИКА

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
В 1957 году.4. СЕКТОР СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ¹

В 1957 г. Сектор продолжал разрабатывать проблемы скифо-сарматской археологии и культуры племен раннего железного века на широком пространстве — от Молдавии до Средней Азии и от Черного моря до Прикамья.

Большое внимание уделялось вопросам формирования культуры скифских и других племен, начиная с эпохи поздней бронзы, и выявлению локального своеобразия отдельных вариантов культуры скифских и сарматских племен раннего железного века.

Из многолетних работ была закончена монография А. И. Мелюковой «Предскифский период в лесостепной Молдавии» (3 печатных листа), написанная на основании материалов экспедиций 1954—1957 гг. Автор выделяет 2 группы памятников: ранних, примыкающих к культуре Ноа в Румынии, и более поздних, соответствующих культуре фракийского гальштата Карпато-Дунайского района. Выявлены отдельные элементы сходства с памятниками того же времени на юге СССР, что свидетельствует о тесных взаимоотношениях племен лесостепной Молдавии с населением причерноморских степей. Показывается, что культура предскифского периода лесостепной Молдавии была основной, на которой развивалась культура местного населения скифского времени.

К. Ф. Смирнов продолжал работу над монографией о ранних сарматах. По этой теме им опубликованы в 1957 г. 2 статьи («Проблема происхождения ранних сарматов»² и «О погребениях с конями и труположениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье»³), имеющие важное значение для проблемы генезиса савроматов и их культуры. Кроме того, К. Ф. Смирнов подготовил для II тома Трудов Сталинградской экспедиции работу «Быковские курганы», в которой, помимо описания открытых памятников, дал общую историко-культурную характеристику населения Нижнего Поволжья от эпохи древнеямной культуры до раннего средневековья, остановившись на вопросах формирования и связей отдельных культур.

Е. И. Горюнова еще в 1956 г. закончила в авторской редакции большой труд — «Этнический состав Волго-Окского междуречья в I тыся-

¹ Информацию о работе Ученого Совета и секторов палеолита, неолита и бронзы в 1957 г. (разделы 1—3) см. КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 119—126. В настоящем выпуске разделы составлены: 4—Н. Н. Погребовой, 5—Г. А. Цветаевой, 6, 8, 9—Н. Н. Гуриной, 7—Л. В. Алексеевым.

² См. СА, 1957, № 3, стр. 3—19.

³ См. СА, XXVII, 1957, стр. 209—221.

четлетия н. э.» (около 35 печатных листов), явившийся результатом многолетних полевых и научных исследований автора. Работа прорецензирована и обсуждена на объединенном заседании секторов скифо-сарматской и славяно-русской археологии и утверждена секторами к печати. Как показало обсуждение, монография очень важна для решения двух проблем — формирования мерянской культуры и славянской колонизации в междуречье Волги и Оки.

А. Е. Алихова и Л. П. Зяблин подготовили к печати следующие публикации: «Памятники эпохи бронзы на р. Усе» и «Памятники средневековья на р. Усе» (А. Е. Алихова); «Верхние слои Ак-Бешимского городища» и «Археологические памятники Иссык-Куля» (Л. П. Зяблин).

Отдельные сотрудники Сектора продолжали работать над многолетними темами по изучению культуры племен Западной Скифии (Н. Н. Погребова), лесостепных племен скифского времени (П. Д. Либеров, А. Е. Алихова), племен Северного Кавказа (Е. И. Крупнов), Чувашского Поволжья (А. П. Смирнов) и евразийских кочевников (Л. П. Зяблин).

Для получения археологического материала сотрудники Сектора осуществили ряд экспедиций. Проведены разведки в мало или совсем не изученных районах (П. Д. Либеров — по среднему течению Дона, Н. Н. Погребова — в степях между Николаевом и Одессой, К. Ф. Смирнов — в оренбургских степях) и раскопки городищ, поселений и могильников. Особенно интересны раскопки Е. И. Крупновым богатейшего аланского могильника XI—XII вв., открытие К. Ф. Смирновым погребений савроматских жриц и раннесарматских катакомб и диагональных погребений, ранее не известных в Приуралье, и исследования А. Е. Алиховой городища Кузина Гора в Курском Посеймье, где обнаружены впервые на городищах этой местности деревянные оборонительные сооружения.

Вышла из печати книга Е. И. Крупнова «Древняя история и культура Кабарды», подытоживающая исторические археологические исследования края, среди которых большое место занимают работы самого автора. История края дается на широком фоне развития культуры Северного Кавказа. Кроме того, в 1957 г. в разных изданиях опубликовано 13 статей сотрудников Сектора (К. Ф. Смирнова, Н. Н. Погребовой, А. П. Смирнова, Е. И. Крупнова, Л. П. Зяблина) на разные археологические темы и 12 статей сдано в печать.

За 1957 г. проведено 28 заседаний Сектора. Из них на двенадцати заслушаны предварительные сообщения о результатах полевых работ частично за 1956 г. и главным образом за 1957 г. В этих сообщениях приняли участие члены других секторов (Э. А. Сымонович, доложивший о результатах раскопок грунтового могильника Неаполя Скифского в 1956 г.) и приезжие археологи (Н. П. Кипарисова, рассказавшая о раскопках Каменногорского городища I тысячелетия до н. э. в Челябинской области). Опыт показал целесообразность таких сообщений: они неизменно вызвали оживленный обмен мнений и по методике полевых исследований, и по тем выводам историко-культурного порядка, которые можно уже сейчас сделать на основании результатов полевых работ. Так, во время доклада П. В. Либерова развернулась полемика между автором и В. Г. Петренко по вопросу о локализации гелоно-будинских племен Геродота. П. Д. Либеров, поддержанный К. Д. Смирновым, отстаивал свой тезис о принадлежности гелоно-будинам обследованных им памятников лесостепного Подонья. В. Г. Петренко же считает более правильной точку зрения М. И. Артамонова, помещающего будинов на левобережье Среднего Поднепровья и отождествляющего Гелон — центр большого будинского объединения племен — с Бельским городищем. На докладе О. Д. Дашевской о раскопках в Неаполе Скифском в 1957 г. оживленно обсуждался вопрос о возможной синхронности граффити на штукатурке стен здания и времени сооружения самого здания. При этом боль-

шинство выступавших считало, что граффити были нанесены на втором этапе существования здания, с чем согласилась и докладчица.

На докладе А. И. Мелюковой о раскопках зольников в Гиндешты (Молдавия) и В. Г. Петренко об исследовании зольника в Адамовке (Среднее Поднепровье) дебатировался вопрос о характере этих памятников, причем в результате обсуждения присутствовавшие согласились с мнением докладчицы о том, что зольники эти — не культовые, а жилые комплексы.

Во время доклада Е. И. Крупнова о работах в 1957 г. Северокавказской экспедиции возник вопрос о причинах сходства кобанской материальной культуры с гольштатской, которое западноевропейские ученые в последнее время объясняют движением киммерийцев с Кавказа на территорию Молдавии и Румынии. Присутствующие согласились с докладчиком, объясняющим это сходство одним общим истоком для кобанской и гальштатской культур. Таким истоком автор считает культуру Средиземноморья.

На докладе Э. А. Симоновича о раскопках в 1956 г. грунтового могильника Неаполя Скифского обсуждался вопрос о том, объясняются ли присутствие в могилах сарматских вещей и черты сарматского погребального обряда наличием сарматского этнического элемента, или же только сарматским влиянием; большинство выступавших согласилось с тем, что несмотря на сильную сарматизацию инвентаря и обряда, в целом могильник должен принадлежать скифскому населению.

Исследовательским докладам посвящено 7 заседаний.

К. Ф. Смирнов прочел доклад «Происхождение и территория ранних сарматов»⁴, получивший высокую оценку присутствующих. Основное несогласие с докладчиком высказал В. Н. Чернецов, отрицавший какое-либо родство и даже сходство между андроновскими и срубными племенами.

А. П. Смирнов в своем докладе об интереснейшем памятнике раннесабинского искусства⁵ — Алкинском серебряном блюде определил его происхождение и датировку.

Вопросу о «бондарихинской культуре Днепровского лесостепного левобережья и ее генетическим связям» был посвящен доклад старшего научного сотрудника Института археологии АН УССР В. А. Ильинской. Докладчица ставит бондарихинскую культуру (X—VIII вв. до н. э.) в генетическую связь с памятниками средней и поздней бронзы в левобережной лесостепи, с одной стороны, и с южновской культурой раннего железного века, — с другой. Доклад вызвал большой интерес. В целом концепция В. А. Ильинской признана убедительной, однако высказано пожелание уточнить в дальнейшем положения докладчицы, поскольку, например, погребальные памятники бондарихинской культуры до сих пор неизвестны. Е. И. Крупнов возражал против отнесения бондарихинской культуры к концу бронзового века. По его мнению, железный век начинается со времени появления первых железных предметов, а не широкого распространения их; VIII в. до н. э. в степи и лесостепи Украины, как полагает Е. И. Крупнов, следует относить уже к раннему железному веку. Вопрос этот не раз поднимался в другой связи на заседаниях Сектора. Противоположную взглядам Е. И. Крупнова позицию занял П. Д. Либеров при обсуждении отчета А. И. Мелюковой о командировке в Румынию. П. Д. Либеров считает, что характеризовать культуру нужно не по отдельным вещам, а по комплексу их. Сабатиновскую культуру X—VIII вв. до н. э. на Украине, по мнению П. Д. Либерова, нельзя относить к железному веку, так как в сабатиновских материалах железа нет.

Е. И. Горюнова сделала доклад о «красносельских ювелирах», в котором она, между прочим, проводит генетическую связь между ювелир-

⁴ См. СА, 1957, № 3.

⁵ А. П. Смирнов. Новая находка восточного серебра в Приуралье. Труды ГИМ, вып. XXV, М., 1957.

ным промыслом красносельского мерянского поселения IX—X вв. н. э. и русскими ювелирными промыслами в южных районах Костромской области. Против этого тезиса возражал А. П. Смирнов, однако докладчица отстаивала свое право поставить этот вопрос, считая, что памятники промежуточного периода еще могут быть открыты.

Е. И. Крупнов прочел введение к монографии о древней истории Центрального Предкавказья, определив задачи своего исследования. Во время обмена мнениями, в частности, по затронутому автором вопросу о взаимоотношениях племен Северного Кавказа со скифами, среди выступавших выяснились две противоположных точки зрения на скифский этнос и скифскую культуру. К. Ф. Смирнов, П. Д. Либеров, А. И. Мелюкова, Н. Н. Погребова рассматривают вопрос о скифском этносе и культуре, ограничивая собственно скифов племенами степной части Украины⁶; Е. И. Крупнов и А. П. Смирнов трактуют понятие скифов в расширительном смысле, считая, что скифы не только культурно, но и этнически — гораздо более широкое явление, чем «Скифия» Геродота.

А. П. Смирнов в докладе «Ранний железный век в Чувашском Поволжье» показал, что в эпоху раннего железа в Чувашское Поволжье, заселенное потомками племен — носителей абашевской и срубной культур, проникли с юга племена городецкой культуры и что в целом культуру Чувашского Поволжья в раннем железном веке можно считать особым вариантом городецкой.

В. А. Кузнецов прочел главу о средневековых дольменообразных склепах Верхнего Прикубанья из подготовляемой им кандидатской диссертации.

Два заседания Сектора посвящались знакомству с новыми открытиями и исследованиями за рубежом: Н. Н. Погребова сделала обзор археологических открытий в области раннего железного века в Центральной Европе, а Ю. В. Кухаренко доложил о новой периодизации латенской культуры по Филипу.

На одном из заседаний А. И. Мелюкова выступила с отчетом о своей научной командировке в Румынию, ознакомив с основными румынскими памятниками эпохи поздней бронзы и раннего железа и остановившись подробнее на тех из них, которые находят соответствие среди памятников на территории СССР. Работа над румынскими археологическими материалами дала возможность А. И. Мелюковой лучше понять и охарактеризовать памятники предскифского и скифского времени, которыми она занимается, а сделанный ею интересный доклад помог и остальным товарищам получить представление о взаимосвязях культур на территории СССР и Румынии в указанную эпоху.

В конце 1957 г. А. И. Мелюкова была командирована в Болгарию для ознакомления с археологическими материалами раннего железного века.

В 1957 г. Сектор принял участие в работе над Корпусом археологических источников по темам «Савроматы» (К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко), «Сарматы» (К. Ф. Смирнов, М. Г. Мошкова), «Городецкая культура» (А. П. Смирнов). Сектором проведено обсуждение общего проспекта и планов работы по отдельным темам. Несколько заседаний посвящено организационным вопросам.

Помимо рецензий и отзывов, выполненных отдельными сотрудниками, Сектору в целом было поручено рецензирование соответствующих глав II тома «Истории СССР» (об угро-финских племенах, гуннах и готах). Рецензии (Е. И. Горюновой, А. Е. Алиховой, Л. П. Зяблина, К. Ф. Смирнова) заслушаны и обсуждены на заседании.

⁶ Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954.

Сектор все время работает в контакте с другими археологическими учреждениями Союза (ГИМ, Молдавский, Казанский, Киргизский филиалы Академии наук СССР, Институт археологии Академии наук УССР, Институт истории и археологии Академии наук УзССР и др.), организуя с ними совместные экспедиции.

5. СЕКТОР АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Как и в предыдущие годы, в 1957 г. деятельность Сектора была связана с изучением большой проблемы в истории нашего Юга — «Античные города Северного Причерноморья и их связь с местными племенами». В этом плане велись раскопочные и научно-исследовательские работы.

В г. Керчи под руководством В. Д. Блаватского продолжались раскопки Пантикапея. Получены новые материалы, обогащающие наши представления об экономике, социальном строе и градостроительстве боспорской столицы, а также интересные данные об истории Пантикапея в «смутный» период готского нашествия в третьей четверти III в. н. э.

В 1957 г. по инициативе и под руководством В. Д. Блаватского начались подводные археологические исследования. Проведены разведки морского дна около Пантикапея и Мирмекия; у берегов Фанагории исследованы стены, лежащие под водой, у берегов Гермонассы отмечены границы затонувшей части города. В дальнейшем предполагается расширение масштабов и районов подводных исследований.

Раскопки Гермонассы, производившиеся под руководством И. Б. Зеест, дали исключительно интересный по обилию и разнообразию, ранее не известный здесь архаический материал первой половины VI в. до н. э.

На территории Керченского полуострова продолжалось исследование сельскохозяйственной территории — хоры Боспора, проводимое И. Т. Кругликовой. Выявлен характер отдельных населенных пунктов: приморских — на берегах Азовского и Черного морей и поселений, далеко отстоящих от моря. В 1957 г. впервые был использован метод геофизического исследования; применение пропуска электрического тока через пласты земли позволило определять наличие и топографию каменных стен на городище. В том же плане исследования хоры Боспора (в азиатской его части) Н. И. Сокольский начал изучение города Кеп.

В устье Дона продолжались под руководством Д. Б. Шелова раскопки древнего города Танаиса. Открыты новые жилые и хозяйственные комплексы II—III и IV вв. н. э. Кроме того, продолжались исследования оборонительных сооружений и некрополя города.

В научно-исследовательском плане сотрудники Сектора вели работу над следующими многолетними темами:

В. Д. Блаватский по теме «Пантикапей» разработал вопросы истории боспорской столицы в III в. до н. э.—I в. н. э. и заново пересмотрел вопрос об этническом составе населения города этого времени.

М. М. Кобылина продолжала работу над темой «Милет и его роль в истории и культуре Северного Причерноморья в VII—IV вв. до н. э.». Особое внимание уделено архаическому периоду.

Работа А. И. Болтуновой была связана с планом Института истории Академии наук СССР по изданию корпуса «Надписи Боспора» и состояла в выявлении и собирании неопубликованных надписей, в составлении палеографического комментария к ним.

И. Б. Зеест и Н. А. Онайко продолжали работу над проблемой «Экономические связи городов Северного Причерноморья с окружающими племенами». В орбиту изучения входят племена Придонья и Поволжья, Прикубанья и Таманского полуострова и многообразное население Приднестровья.

И. Т. Кругликова и Г. А. Цветаева продолжали работу над темой «Боспор I—IV вв. н. э.». Исследованы отдельные вопросы, касающиеся границ государства, уточнения хронологии правления царей, структуры политического и социального строя и др.

Н. И. Соколовский по теме «Деревообработка на Боспоре» занимался выявлением характера мебельного производства.

Д. Б. Шелов по теме «Материалы из раскопок Танаиса» подготовил к печати собранные им материалы некрополя, раскопанного в последние годы.

В 1957 г. вышел из печати сборник «Пантикапей» в серии МИА (№ 56), состоящий в основном из работ сотрудников Сектора и посвященный проблеме всестороннего исследования столицы Боспора. Собраны публикации и исследования материалов из раскопок Пантикапея, относящиеся к проблемам местного производства, вопросам торговли, строительного дела, истории некрополя.

Сектором подготовлен и сдан в печать сборник «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху» (Труды конференции ИИМК 1956 г.), обобщающий и подытоживающий исследование исторического развития античных государств Северного Причерноморья.

В 1957 г. проведено 27 заседаний: семь посвящено обсуждению организационных вопросов, двадцать — научным докладам. Приводим краткое содержание докладов и обсуждения их.

М. М. Кобылина прочла доклад о строительстве архаического Милета. В докладе даны история археологических исследований Милета, топография расположения города, характер планировки и построек. Особое внимание обращено на сопоставление со строительными приемами Северного Причерноморья.

В. Д. Блаватский сделал доклад «Период протоэллинизма на Боспоре». Историю взаимоотношений греческого мира с варварским докладчик разделил на 3 периода: 1) полисный (IX—V вв. до н. э.), 2) протоэллинистический (значительная часть IV в. до н. э.), 3) эллинистический (начало IV — конец I в. до н. э.). Для окраинных государств, в том числе Боспора, характерной особенностью которого было сочетание эллинских полисов с негреческой хорой, временем расцвета был IV в. до н. э.

В прениях по докладу отмечалось, что постановка вопроса о протоэллинизме на Боспоре очень актуальна и интересна; решение его имеет теоретическое значение, и это выводит доклад за пределы Боспора. Д. Б. Шелов указал на необходимость выяснить специфику остальных центров Северного Причерноморья и возразил против характеристики культуры Боспора IV в. до н. э. как чисто греческой. М. М. Кобылина напомнила о том, что термин «протоэллинизм» не нов и применялся раньше в истории искусства. Кроме того, было высказано предположение о том, что понятие протоэллинизма может быть распространено шире — на многие локальные общества.

Важному и мало исследованному вопросу — датировке позднеантичных амфор посвящался доклад И. Б. Зеест. Ею выделены амфорные группы II—III вв. и конца II—IV в. н. э. Надежную основу для датировки последних дали 5 слоев вымосток III и IV вв., обнаруженные в раскопках Пантикапея 1953 г. Аналогии приводились на материале раскопок ряда городов (особенно «малых») Боспора. Установлена также взаимосвязь в формах амфор V—VI вв. с амфорами IV в. н. э.

Типология и датировка материала, предложенные И. Б. Зеест, не встретили возражений. Выделение двух основных групп амфор подтверждается другими видами материалов того же времени. Возражение вызвало лишь определение красноглиняных амфор. Д. Б. Шелов, указав на большое количество подобных амфор в Ольвии, подверг сомнению тезис об их боспорском происхождении. И. Т. Кругликова обратила внимание на то, что при

классификации амфор следует говорить не только об их локальных вариантах, но также о целевом назначении этих сосудов.

Доклад А. И. Болтуновой «О неизданных надписях из музеев Юга СССР» содержал интересные и ценные сведения о надписях из музеев Ростова, Таганрога, Новочеркасска, Анапы. Чтение надписей, предложенное А. И. Болтуновой, вводит их в наш научный обиход. Наиболее интересны строительная надпись, дополняющая надпись, изданную в IOSPE, 435, и чтение ее оборотной стороны. Помимо строительных, прочтены надписи фиасов и на надгробных стелах.

М. М. Кобылина сообщила о винодельне, обнаруженной в Фанагории в 1954 г. Ее открытие внесло новое в изучение топографии города: появление в западном районе в I в. н. э. хозяйственных сооружений на месте общественных зданий свидетельствует об изменении характера отдельных частей города в первые века нашей эры. Выступавшие признали ценность открытого памятника и необходимость скорейшего его опубликования.

Доклад И. Т. Кругликовой касался монетного клада из поселения у дер. Семеновка. Клад (в количестве 96 монет), открытый автором доклада, датирован 242/243—267/268 гг. н. э. Датировка сопровождалась обширным иконографическим анализом и установлением связи с историческими событиями.

В. В. Кропоткин, Д. Б. Шелов и др. указали на то, что обнаруженный клад делает более ясным вопрос о готских походах III в. К. В. Голенко и Ю. С. Крушкол обратили внимание на необходимость анализа штемпелей. Однако целый ряд выводов еще следует считать не окончательными, а предварительными.

Н. И. Сокольский прочитал доклад «Керченская катакомба 1956 г.» — о земляном склепе, открытом при прокладке водопровода и исследованном экспедицией ИИМК. Рассмотрены конструкция склепа, характер сохранившихся предметов погребального инвентаря и выдвинута датировка (III—IV вв.). В вопросе о происхождении аналогичных земляных склепов связь с сарматами отвергается. Основные положения докладчика возражений не встретили. Некоторому сомнению со стороны М. М. Кобылиной подвергся общий тезис отрицания сарматского влияния в конструкции земляных склепов Боспора.

Некоторым вопросам истории Боспора I—IV вв. посвящены доклады Г. А. Цветаевой и И. Т. Кругликовой. Г. А. Цветаева рассмотрела вопрос о границах Боспорского государства в I—II вв. н. э. В докладе проведена резкая грань между территорией собственно Боспорского государства и территорией племен, попадавших временами в подчинение Боспору. В связи с рассмотрением границ Боспора была подвергнута сомнению локализация Асандрова вала у Перекопа и сделана попытка восстановить историческую топографию Таманского полуострова. При обсуждении одобрена постановка вопроса о пересмотре границ Боспора, хоры городов В. Д. Блаватский и А. И. Болтунова выступили против термина «хора государства», считая более закономерным замену его «территорией государства». И. Т. Кругликова и В. Д. Блаватский возражали против излишне резкой критики Страбона в вопросе о вале Асандра.

Доклад И. Т. Кругликовой касался отдельных вопросов политической структуры Боспора III—IV вв., уточнения хронологии правления боспорских царей в «смутное» время середины III в., связанного с нападением готов. Рассмотрение неясных вопросов из истории Боспора III—IV вв. оценено выступавшими положительно. Замечания касались историографических моментов. Г. А. Цветаева и Н. И. Сокольский возражали против того, что докладчица не признала возможным установление границ Боспора III—IV вв. по имеющимся материалам. Эпиграфический материал дает для этого некоторые данные.

Т. В. Блаватская (Институт истории Академии наук СССР) прочитала доклад о фрагментах эллинистического романа о Боспоре. В романе упоминаются скифский царь, савроматы и некая героиня с греческим именем — Каллигона. При обсуждении доклада были приняты аргументы докладчицы, относящие действие романа к Северному Причерноморью. Н. И. Сокольский высказал пожелание о более детальном анализе имени Эвбиота с целью установить его историческую принадлежность. А. И. Болтунова подчеркнула желательность более тщательного обоснования датировки.

Н. А. Сидорова (Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина) прочитала доклад «Расписная ионийская керамика архаического периода из раскопок Пантикапея 1952—1956 гг.» Рассмотрена большая группа художественной керамики, охарактеризована «родосско-ионийская», которая преобладает, и выделены образцы хиосской, клазоменской и типа Фикеллур. Датированы фрагменты VI в. до н. э.; особо отмечены обломки конца VII в. и начала VI в. до н. э. Материал изложен докладчицей достаточно обоснованно. Интересна попытка пересмотреть существовавшие ранее датировки, что и было отмечено выступавшими.

На заседаниях заслушаны также 2 рецензии на вышедшие работы: 1) рецензия М. М. Кобылиной на книгу Теофила Иванова «Римская мозаика от Ульпия Эскуса. София; 1954»; помимо анализа работы Т. Иванова, М. М. Кобылина сделала тщательный самостоятельный экскурс — охарактеризовала другие мозаики, аналогичные найденной в Болгарии; 2) рецензия А. И. Болтуновой на II том «Всемирной истории».

Заслушано несколько информации о полевой работе сотрудников Сектора в 1956 г. И. Т. Кругликова сообщила о раскопках поселения около Героевки, Д. Б. Шелов — о раскопках Танаиса, Н. А. Онайко — о раскопках Раевского городища. Обсуждались методика раскопок и перспективы дальнейших работ.

Обзору последних археологических открытий за границей посвящались доклады: Н. А. Сидоровой — «Археологические открытия в Средиземноморье» и Н. М. Лосевой (Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина) — «Новейшие открытия в Микенах». Кроме того, на заседаниях Сектора заслушаны интересные доклады о поездке за границу для ознакомления с античными памятниками. Упомянем доклад М. М. Кобылиной о командировке в Болгарию и Н. А. Сидоровой — в Грецию.

6. ГРУППА АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛОИИМК

Исследовательская работа группы античной археологии велась в области изучения открытых в последние годы памятников (эллинистическая сельская усадьба на Керченском полуострове, Ольвийская агора), а также обобщения ранее накопленных материалов, освещающих различные стороны античной культуры Юга СССР (наиболее выдающиеся комплексы боспорских курганов и др.).

Основной была проблема «Возникновение и развитие рабовладельческих отношений в странах Средиземноморья и Востока».

Продолжалась работа над крупными монографиями и над созданием коллективных трудов объединенных одной тематикой: 1) М. И. Максимова — «Курганы раннеэллинистического Боспора», монография, посвященная раннеэллинистическим курганам Боспора и анализу их погребального инвентаря; 2) «Ольвия» — коллективный труд (Т. Н. Книпович, Е. И. Леви, А. Н. Карасев), включающий исследование градостроительства Ольвии, ее экономических и культурных связей, а также господствующих религиозных культов; 3) «Очерки по экономике и культуре эллинистического Боспора» — коллективный труд (В. Ф. Гайдукевич,

С. И. Капошина, Е. Г. Кастанаян), освещающий историю эллинистического Боспора, его керамическое и металлическое производство; 4) А. Л. Якобсон — «Культура Северного Причерноморья», монография, посвященная установлению основных вех исторического развития Северного Причерноморья в раннее средневековье и исследованию его культуры и связей с Киевской Русью; 5) М. А. Наливкина — «Ремесло и торговля Херсонеса» (анализ краснолаковой керамики, найденной в Херсонесе, выделение местных групп и установление центров производства ее для выявления торговых связей Херсонеса в I в. н. э.).

Важным разделом была работа над подготовкой к изданию Корпуса надписей Боспора (Т. Н. Книпович и В. Ф. Гайдукевич), проводимая совместно с Ленинградским отделением Института истории Академии наук СССР.

Сотрудники группы в 1957 г. успешно провели полевые археологические исследования:

1. Работы в Ольвии (Е. И. Леви и А. Н. Карасев), совместно с Институтом археологии Академии наук Украинской ССР, дали ряд ценных материалов по истории, культуре и искусству Ольвии.

2. Продолжала свою деятельность Боспорская советско-польская археологическая экспедиция (начальник — В. Ф. Гайдукевич), проводившаяся совместно с Польской Академией наук, Варшавским университетом, Народным музеем г. Варшавы, Государственным Эрмитажем и Ленинградским университетом. Исследовались города Боспора — Мирмекий, Илурат и др.; это значительно обогатило античную археологию ценными материалами по истории культуры Северного Причерноморья.

3. Кобяковская экспедиция (начальник — С. И. Капошина) работала на обширном могильнике. Вскрыто 88 погребений, выявлена особенность погребального ритуала — захоронение животных вместе с покойниками и собран богатый инвентарь.

4. Байдарский средневековый отряд (начальник — А. Л. Якобсон) исследовал средневековые поселения VIII—IX вв. близ с. Бобровка.

Совместно с Государственным Эрмитажем проведена научная сессия, посвященная итогам работ Боспорской советско-польской экспедиции. Сессия показала плодотворность совместных археологических работ с учеными других стран. Поставлены новые вопросы в изучении древнейшего исторического прошлого Крыма.

На заседаниях группы заслушано и обсуждено 20 научных докладов и сообщений: 1) М. И. Максимова — «Панафинейская амфора Зеленского кургана», 2) М. И. Максимова — «О дате 2-го погребения Артюховского кургана», 3) В. Ф. Гайдукевич — «Боспорская загородная усадьба», 4) С. И. Капошина — «Местная керамика Тиритаки», 5) А. Н. Карасев — «Специфика северного района Ольвийской агоры», 6) Е. Г. Кастанаян — «Производство украшений из минералов и стекла на Боспоре (буслы VI—I вв. до н. э.)», 7) М. А. Наливкина — «Краснолаковая керамика Херсонеса (по материалам Государственного Эрмитажа)», 8) И. Б. Брашинский — «Керамические клейма из Мирмекия», 9) Е. И. Леви — «Комплекс керамической эпиграфики (Синопа, Фасос, Кос и другие центры) и общие итоги исследований Ольвийской агоры», 10) А. Л. Якобсон — «Культура Восточной Таврики в VIII—IX вв.», 11) Т. Н. Книпович — «Наслоения первых веков нашей эры и слои догетского периода на территории римской цитадели в Ольвии по материалам раскопок 1954—1955 гг.», 12) И. Б. Брашинский — «Афинский декрет 323/322 г. до н. э.», 13) А. М. Беленицкий — «Эллинистические элементы в искусстве Пенджикента», 14) И. В. Шургая — «Мегарские чашки по материалам Боспорской экспедиции», 15) В. М. Гайдукевич — «О дополнении к книге «Боспорское царство»,

16) И. Б. Брашинский — «Из истории борьбы Афин за торговый путь в Черное море (IV в. до н. э.)», 17) В. Ф. Гайдукевич — «Об итогах работ Боспорской советско-польской экспедиции в 1957 г.», 18) И. Т. Кругликова — «О работах Восточнокрымского отряда в 1957 г.», 19) В. В. Кропоткин — «Раскопки в Чуфут-Кале в 1957 г.», 20) С. И. Капошина — «Итоги работ Кобяковской экспедиции».

В. Ф. Гайдукевич находился в научной командировке в Варшаве, где была устроена выставка материалов Мирмекия и сделан доклад о результатах работы экспедиции.

7. СЕКТОР СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ

В 1957 г. Сектор продолжал разрабатывать проблему «Генезис и развитие феодальных отношений на территории СССР».

По разделу этой проблемы — «Древние славяне в I тысячелетии н. э. и их соседи» работали: А. Ф. Дубынин (Можайский отряд Московской экспедиции, руководимой им же), изучавший Трицкое городище дьяковского времени; Ю. В. Кухаренко (Полесский отряд Славянской экспедиции, руководимой П. Н. Третьяковым), раскапывавший городища Хотомель и Велемичи; Т. Н. Никольская (Верхнеокский отряд той же экспедиции), окончившая исследование городища Николо-Ленивец; С. А. Тараканова (начальник Прибалтийской экспедиции), изучавшая славянские древности на прибалтийских рубежах; Э. А. Сымонович (отряд Южнорусской экспедиции, руководимой Б. А. Рыбаковым), раскапывавший городище Колочин I; С. А. Плетнева (Северодонецкий отряд той же экспедиции), исследовавшая древности Северского Донца; В. В. Кропоткин (Бахчисарайский отряд Крымской экспедиции), изучавший известный могильник Чуфут-Кале.

По разделу «Город и деревня в древней Руси» работали: В. В. Седов (Смоленский и Владимирский отряды Среднерусской экспедиции, руководимой Н. Н. Ворониным), изучавший древнерусскую деревню; Б. А. Рыбаков, исследовавший древности летописного Любеча (в экспедиции принимал участие Л. П. Гуссаковский); А. Л. Монгайт (Рязанский отряд Среднерусской экспедиции), который изучал древности Рязанской земли; А. В. Никитин (Вологодский отряд той же экспедиции), исследовавший древности Вологды; А. Ф. Дубынин (Московский отряд Московской экспедиции), кроме указанного Трицкого городища, продолжавший раскопки Зарядья в Москве; Б. А. Колчин и А. Ф. Медведев (Новгородская экспедиция, руководимая А. В. Арциховским), которые вели дальнейшие раскопки Новгорода; Л. В. Алексеев (Полоцко-Прибалтийский отряд Прибалтийской экспедиции), продолжавший раскопки Друцка и обследовавший летописные Лукомль, Еменец и Неколоч.

По разделу «Русское государство и его культура» большая работа проведена Н. Н. Ворониным и Б. А. Рыбаковым.

В 1957 г. окончены 2 темы — «Рязанская земля» (А. Л. Монгайт) и «Экономические связи Восточной Европы с Римом» (В. В. Кропоткин). Обе монографии подготовлены к изданию. В 1957 г. сотрудниками Сектора издано 37 статей и сдано в печать 38.

Заседания Сектора привлекают большое внимание археологов-славистов, историков, историков архитектуры и сотрудников других научных учреждений (кафедры археологии МГУ, ГИМ, Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Института истории Академии наук СССР, Института этнографии Академии наук СССР, Института истории естествознания и техники Академии наук СССР, Музея истории и реконструкции Москвы, Загорского краеведческого музея. Министерства

культуры СССР, Института археологии АН УССР, Молдавского филиала Академии наук СССР и др.).

На 22 заседаниях Сектора прочитано 26 докладов по общим и частным вопросам археологии, о древней архитектуре, о непосредственных работах в поле, а также на некоторые темы исторического характера.

Более общим темам посвящено 4 заседания. В докладе «Зарубинецкая культура» Ю. В. Кухаренко подвел итоги систематизации зарубинецких древностей, выделив 5 локальных групп (среднеднепровскую, полесскую, верхнеднепровскую, деснинскую, волинскую). По мнению автора, зарубинецкая культура явилась результатом проникновения венедов из Поморья на Полесье, Волинь и в Приднестровье. Положение о миграции зарубинецких племен с запада вызвало ряд сомнений (А. Е. Алихова, Г. Б. Федоров и др.).

Во втором докладе — «Памятники житомирского типа на территории СССР» Ю. В. Кухаренко систематизировал памятники житомирского типа, пытаясь одновременно связать их с более ранними памятниками пшеворской и зарубинецкой культур, что, по мнению выступивших по докладу (А. Л. Монгайт, Э. А. Симоновича), еще преждевременно.

Обсуждались доклад В. В. Кропоткина по законченной им теме («Экономические связи Причерноморья с Римом в I—V вв. н. э.») и рецензия на книгу В. Л. Янина «Денежно-весовые системы русского средневековья» (А. Л. Монгайт). В возникшей дискуссии приняли участие московские археологи, а также археологи из Ленинграда (М. А. Тиханова) и Киева (М. Ю. Браичевский).

Десять докладов посвящалось более частным вопросам — отдельным памятникам археологии, архитектуры, предметам древнерусской скульптуры и т. д.

В. В. Кропоткин сообщил о средневековых могильниках горного Крыма в свете последних исследований.

В докладе о Будештском селище черняховской культуры Э. А. Рикман (Кишинев) выделил в истории селища два последовательных этапа, связанных, как он считает, с черняховской культурой, и показал, что основным типом жилищ этого времени были прямоугольные наземные столбовые постройки большой площади, сделанные из обожженной глины и ориентированные с запада на восток. Находки фибул, стекла и амфорных обломков позволили исследователю датировать их III—IV вв.

Ю. В. Кухаренко в своем докладе рассмотрел латенские вещи на территории СССР. Указав, что большинство из них попало на нашу территорию не ранее II в. до н. э., он считал возможным говорить о проникновении в западные районы Поднепровья отдельных групп кельтов, влияние которых на местное население сказалось, по его мнению, и позднее. В выступлениях по докладу отмечались спорные моменты в положениях, выдвинутых докладчиком, а также указывалось на смешение им чисто зарубинецких вещей с латенскими (П. Н. Третьяков); высказывалось сомнение в южном проникновении латенских вещей в Верхнее Поднепровье (Э. А. Симонович).

В докладе о новгородском дереве Б. А. Колчин познакомил Сектор с написанной им работой на эту тему. Подробно остановившись на типологии деревянной посуды Новгорода, автор показал ее эволюцию, подчеркнув при этом, что работа не является итоговой и преследует лишь публикационные цели с возможными историко-технологическими выводами. Работа Б. А. Колчина рекомендована Сектором к печати. Два не менее интересных сообщения, посвященных публикуемым работам, изложены И. И. Ляпушкиным («Городище Новотроицкое») и А. Ф. Медведевым («Новгородское оружие»). В первом докладе всеобщее одобрение вызвали интерпретация памятника и методы его раскопок; в прениях по второму докладу отмечался исключительный интерес, который представляет для науки эта

работа, где новгородский материал по оружию приведен в стройную систему, датирован и рассмотрен на широком историческом фоне (Б. А. Рыбаков, А. Л. Монгайт и др.).

Историко-архитектурные темы в 1957 г. обсуждались на 2 заседаниях сектора: Н. Н. Воронин сделал сообщения о еще не изданных шиферных рельефах XI в. из Киевской земли и о граффити Благовещенского собора в Москве¹, Г. К. Вагнер — о рязанских памятниках шатрового зодчества XVI в.² и о древнерусских резных иконах³.

В докладах о «Новых памятниках владими́ро-суздальского зодчества XII—XIII вв.» Н. Н. Воронин сообщил о своих новых открытиях при раскопках возле ростовского Успенского собора и у Покрова на Нерли. По докладу возникали широкие прения, в которых приняли участие и специалисты по истории архитектуры (т.т. Максимов, Чиняков, Трофимов, Петушенко, Ильин).

Полевые археологические исследования 1957 и предыдущих годов были освещены в 11 докладах.

Интересна работа О. Н. Мельнико в ской, ориентировочно наметившей разведками границы распространения милоградской культуры и продолжавшей раскопки городищ Горошков и Мохов I; в последнем обнаружено древнейшее жилище милоградской культуры — VI в. до н. э. В прениях указывалось исключительное значение работ и отмечалась неясность соотношения зарубинецкой и милоградской культур, хотя связь их и несомненна (П. Н. Третьяков). Редкому памятнику позднезарубинецкого времени — городищу у с. Колочин посвятил доклад Э. А. Симонович, установивший стратиграфию памятника, своеобразный характер его керамического комплекса и т. д. В информационном докладе Б. А. Колчина о раскопках в Новгороде в 1956 г. особый интерес вызвали ныне уже опубликованные рисунки и записи на бересте новгородского мальчика XII—XIII вв. — Онфима⁴. Раскопки Вологды, проведенные А. В. Никитиным в 1956 г., показали, что находки древних вещей и облик построек подтверждают письменные сведения и позволяют установить особенность планировки города в древности. Л. П. Гуссаковский прочел доклад о первых раскопках в Кирове (Вятке).

Раскопкам на двух участках в Москве в Зарядье (№ 5 и 10) были посвящены 3 сообщения сотрудников постоянной Московской экспедиции: А. Ф. Дубынин и познакомила Сектор с общим ходом работ; Х. И. Крис рассказала об интересном сооружении из кирпича, найденном на ее раскопе в усадьбе XVI в.; Р. Л. Розенфельдт сообщил о керамике раскопа № 5 — наиболее ранней, «курганной» (XII—XIII вв.), красноглиняной и краснолощеной керамике (появившейся в Москве с XIV в.), белоглиняной керамике (XIV—XVIII вв.), чернлощеной керамике (XV—XVIII вв.), поливной (XVI—XVIII вв.). Интересным оказалось городище Тушемля, двухлетним раскопкам которого посвятил свое сообщение П. Н. Третьяков. Как выяснилось, городище двуслойное и, по предположению П. Н. Третьякова, служило древним святилищем. В прениях Б. А. Рыбаков отметил необходимость дальнейшего выявления жилых селищ и святилищ, с которыми они связаны, что даст, по его мнению, возможность определить некоторые организационные формы первобытного строя.

Ценные результаты достигнуты А. Ф. Дубыниным при раскопках Троицкого городища дяковского времени (Можайский район), где собраны обильные материалы по обработке кости. За валом известного Чаплинского

¹ См. СА. 1957, № 2, стр. 258—264.

² См. КСИИМК, вып. 71, 1957, стр. 18—20.

³ См. КСИИМК, вып. 77, 1959, стр. 10—14.

⁴ См. А. В. Арциховский. Берестяные грамоты мальчика Онфима. СА, 1957, № 3, стр. 215—223.

городища (Белоруссия) Э. А. Симоновичем обнаружены остатки поселения, датированного IX—XI вв. по находкам диргема, шиферного пряслица и др. Интересны 2 землянки различной конструкции, углубленные в материк до 1 м.

Одно заседание Сектора было посвящено взаимной информации членами Сектора о проделанных в 1957 г. полевых изысканиях. Исторические темы освещены на одном заседании, на котором А. Д. Удальцов прочел сообщение о Рэрике Норманском и Рюрике русских летописей; исследователь поддержал ранее высказанное предположение о тождестве Рэрика и Рюрика.

Два заседания было уделено темам аспирантов Сектора: заслушан доклад И. В. Дайги по ее диссертационной теме — «Ремесло латгаллов» (научный руководитель — С. А. Тараканова), а также обсуждены планы работ аспирантов.

В 1957 г. Сектором проводилась большая работа по подготовке и сдаче в печать «Очерков истории СССР» (т. II). Четыре члена Сектора являются авторами этого труда (Б. А. Рыбаков, Ю. В. Кухаренко, В. В. Кропоткин и С. А. Плетнева). Б. А. Рыбаковым и С. А. Плетневой осуществлено окончательное редактирование тома, а рецензирование его — А. Л. Монгайтом.

Корпус археологических источников начали разрабатывать в 1957 г. сотрудники Сектора А. Ф. Медведев, Л. П. Гуссаковский, С. А. Тараканова и Л. В. Алексеев, подготовивший археологическую карту Витебской области. Сотрудниками Сектора выполнены также внеплановые работы. Так, Б. А. Рыбаков провел большое источниковедческое и текстологическое исследование наименее изученной Ипатьевской летописи и выделил ее источники.

8. ГРУППА СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Группа славяно-русской археологии, как и в предшествующие годы, продолжала работу над двумя основными проблемами: 1) история ранних славян и 2) культура древнерусских городов.

Начаты монографии на основе полевых исследований предшествующих лет: 1) М. К. Каргер — «Древний Переяславль», обобщающее исследование, построенное на материалах раскопок автора в г. Переяславе-Хмельницком; 2) И. И. Ляпушкин — «Днепровское Левобережье в I тысячелетии н. э.», монография, подводящая итоги исследования автором памятников скифской поры, культуры полей погребений и раннеславянских; 3) М. А. Тиханова — «Южная Волынь во II—V вв. н. э. и ее место в истории славянства», работа, освещающая историю Южной Волини в первой половине I тысячелетия н. э. (ставятся вопросы этнического состава и социального строя населения этого района); 4) Г. Ф. Корзухина — «Русско-скандинавские отношения по археологическим данным», исследование, посвященное анализу скандинавских элементов в художественном ремесле древней Руси, выяснению путей проникновения этих элементов и их роли в развитии древнерусского художественного ремесла; 5) Ф. Д. Гуревич — «Славяно-литовские отношения в I тысячелетии н. э.», монография, касающаяся изучения пограничных славянских и литовских племен в I тысячелетии н. э. и их взаимоотношений; 6) П. А. Раппопорт — «Периодизация и областные варианты древнерусского военного зодчества X—XV вв.», исследование военного зодчества Северной Руси; 7) Я. В. Станкевич — «Раннефеодальное поселение Городок», монографическое описание поселения Городок X—XIII вв. в районе г. Великие Луки.

Сектор провел следующие экспедиции¹. Галицко-Волинская экспедиция (начальник — М. К. Каргер) раскапывала городище XIII в. в Хмельницкой

¹ Подробнее об экспедициях по изучению славяно-русской археологии в 1957 г. см. в настоящем выпуске КСИИМК.

области УССР, уничтоженное во время монгольского нашествия. Собранный чрезвычайно богатый и яркий материал. Староладожская экспедиция (руководитель — В. И. Равдоникас) продолжала исследование «Земляного городища» Старой Ладogi, где был вскрыт горизонт X—XIV вв. Днепровско-Волынский отряд (начальник — М. А. Тиханова) работал на поселении культуры полей погребений в Луке-Врублевцевкой и начал раскопки поселения той же культуры в с. Лепесовка, Белогорского района, Хмельницкой области. Днепровский левобережный отряд (начальник — И. И. Ляпушкин) исследовал славянское городище VIII—IX вв. н. э. в с. Опoшня, Полтавской области. Западнoдвинский отряд (начальник — Я. В. Станкевич) закончил раскопки городища Городок X—XIII вв. близ г. Великие Луки и начал изучение Малого городища в г. Торопце. Кроме того, проведены разведки в бассейне р. Ловати. Славяно-Литовский отряд Прибалтийской экспедиции (начальник — Ф. Д. Гуревич) работал на городище X—XIII вв. в г. Новогрудке (Белоруссия) и вел разведки по р. Неман. Отряд по изучению крепостей (начальник — П. А. Раппопорт) обследовал древнерусские городища XI—XV вв. в Ярославской, Ивановской, Костромской, Новгородской и Калининской областях.

Группа заслушала 13 научных докладов и сообщений: 1) П. А. Раппопорт — «Оборонительные сооружения Торопца», 2) А. Н. Кирпичников — «Русские шлемы X—XIII вв.», 3) П. А. Раппопорт — «Оборонительные сооружения Галича Мерьского», 4) Ф. Д. Гуревич — «Этнический состав населения Верхнего Понеманья по данным археологических памятников второй половины I тысячелетия н. э.», 5) И. И. Ляпушкин — «Об археологических памятниках северян», 6) Г. Ф. Корзухина — «Резная кость X—XIII вв.», 7) М. А. Тиханова — «Поселения Южной Волыни первой половины I тысячелетия н. э.», 8) Я. В. Станкевич — «Городище Городок. Основные типы домостроительства», 9) М. К. Каргер — «Строительство митрополита Ефрема в Переяславле», 10) П. А. Раппопорт — «К вопросу о периодизации истории древнерусского военного зодчества», 11) Н. Н. Воронин — «Новые памятники владими́ро-суздальского зодчества XII—XIII вв.», 12) К. Д. Лаушкин — «Информация о раскопках в Старой Ладогe», 13) Е. И. Горунова — «К вопросу о длинных и удлиненных курганах».

Подготовлен к печати II том сборника «Труды Волго-Донской археологической экспедиции» (редактор — М. И. Артомонов), посвященный итогам работ на городище Саркел — Белая Вежа, проведенных во время строительства Волго-Донского канала.

9. СЕКТОР СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА

Работы Сектора Средней Азии и Кавказа велись по двум проблемам: 1) история первобытного общества на территории СССР и 2) возникновение и развитие рабовладельческих отношений в странах Средней Азии и восточных странах.

По первой проблеме сотрудники Сектора работали над монографиями, обобщающими большой и новый фактический материал. Закончены издания: 1) С. И. Руденко — «Культура населения Центрального Алтая в скифское время», монография, посвященная публикации и исследованию замечательных памятников скифского времени на Алтае — Башадарских и Туэктинских курганов; 2) М. П. Грязнов — «Археологические памятники Новосибирской области», работа, обобщающая результаты трехлетних археологических исследований в зоне строительства Новосибирской ГЭС (обе монографии на основе материалов, полученных в экспедициях, освещают историю древних племен и народов в областях, ранее совершенно не изученных); 3) А. А. Гаврилова — «К истории древнего сибирского

ткачества», публикация найденных в Алтайских курганах тканей, выяснение их особенностей в различные хронологические периоды.

Помимо того, продолжалась работа над многолетними монографиями: 1) Б. Б. Пиотровский — «Археология Закавказья»; в этой работе на основе новых материалов дается характеристика древнейшей истории Закавказья; 2) С. С. Черников — «Древняя история Восточного Казахстана», публикация и интерпретация археологических памятников Восточного Казахстана; 3) В. П. Шолов — «Древняя история племен Нижнего Поволжья», монография, посвященная истории древних племен Нижнего Поволжья в эпоху бронзы и особенно в эпоху железа.

По второй проблеме работали: 1) К. В. Тревер — большое исследование на тему «Культура Кавказа, Средней Азии и Ирана в ранне средневековье (III—VII вв.)»; 2) Ю. А. Заднепровский — «Древние земледельческие культуры Ферганы и Южной Киргизии», очерк развития истории культуры земледельческого населения и хронологическая классификация памятников; 3) А. М. Мандельштам — «Кочевое население Южного Таджикистана в древности и раннем средневековье», публикация материала курганных могильников на территории древней Бактрии, освещающего ряд вопросов древней истории Средней Азии; 4) В. М. Массон — «Древние земледельцы на юге Средней Азии», научно-популярный очерк первобытно-общинного строя Средней Азии, преимущественно раннеземледельческих племен юга.

Велись исследования и по более узким темам: 1) О. Г. Большаков — «Арабские пословицы на поливной керамике Мавераннахра IX—XI вв.»; 2) В. С. Сорокин — «К вопросу об организации производства глиняной посуды в андроновском обществе» (автор посредством анализа отгисков зубчатых штампов на сосудах, найденных в могилах, устанавливает семейное производство глиняных сосудов в андроновском обществе); 3) К. Х. Кушнарева — «Памятники эпохи средней бронзы в Закавказье» (проблемы расписной керамики Закавказья).

Сотрудники Сектора приняли участие в составлении II тома «Истории СССР» (А. М. Мандельштам, О. Г. Большаков, Ю. А. Заднепровский) и «Истории таджикского народа» (А. М. Беленицкий).

Сектором проведены экспедиции на территории Кавказа и Средней Азии:

1. Кармирблурская экспедиция, совместно с Государственным Эрмитажем и Академией наук Армянской ССР (начальник — Б. Б. Пиотровский), продолжала раскопки древнего урартского города Тейшебаини. Вскрыты жилые помещения и кладовые; получены интересные материалы по истории культуры и искусства.

2. Таджикская экспедиция, совместно с Институтом истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР (начальник экспедиции — А. М. Беленицкий), вела раскопки жилых комплексов в Пенджикенте, в том числе — большого зала с остатками стеной росписи. Собраны материалы, характеризующие материальную культуру Согда VI—VIII вв. Продолжались также раскопки городища древнего Кульбука (X—XII вв.) и Кафыркалы. В Бишкентской долине закончены раскопки могильника Арук-тау (III—IV вв. н. э.). На Памире — разведка памятников каменного века.

3. Азербайджанская экспедиция, совместно с Институтом истории Академии наук Азербайджанской ССР (начальник экспедиции — А. А. Иессен), изучала памятники различных периодов — от эпохи энеолита (III тысячелетие до н. э.) до эпохи средневековья (XII—XIII вв.). Обнаружены жилища с предметами быта и искусства. Начато вскрытие большого кургана скифского времени и продолжены исследования на городище Орен-кала.

4. Астраханская экспедиция (начальник — В. П. Шолов) исследовала могильник у дер. Погромное, состоящий из 17 курганных насыпей, содержа-

щих 100 погребений, главным образом IV—II вв. до н. э. Встречен богатый инвентарь, в том числе меч в кожаных ножнах, обложенных золотом, и железный чешуйчатый панцырь. Получены новые материалы о связях сарматских племен Поволжья и Приуралья.

5. Западноказахстанский отряд (начальник отряда — В. С. Сорокин) исследовал в Актюбинской области могильник и поселение второй половины II тысячелетия до н. э. Обнаружены остатки жилищ и могилы, так называемые «каменные кольца».

6. Южнокиргизский отряд (начальник — Ю. А. Заднепровский) производил раскопки 3 средневековых поселений, городища и могильника с 10 погребениями.

7. Каракумский отряд (начальник — В. М. Массон) изучал раннеземледельческие поселения Южного Туркменистана — неолитические (Джейтун), энеолитические (Кара-депе у Артыка) и группу памятников в древней дельте Теджена. Установлено, что в эпоху неолита существовали однокомнатные дома, в эпоху энеолита — многокомнатные.

В 1957 г. Сектор провел 27 заседаний, на которых заслушано 27 научных докладов и сообщений: 1) В. М. Массон — «Древнеземледельческая культура в дельте Мургаба», 2) С. С. Черников — «Древняя история Восточного Казахстана», 3) А. М. Мандельштам — Обсуждение главы по истории Средней Азии, 4) И. Б. Бентович — «Стеклянные сосуды из Пенджикента», 5) А. М. Беленицкий — «К вопросу об образовании классов и становлении городов в Средней Азии», 6) Ю. А. Заднепровский — «Новые материалы по истории поселений Ферганы древнего периода», 7) В. П. Шилов — «Памятники Нижнего Поволжья в эпоху бронзы и железа», 8) Б. Б. Пиотровский — «История и культура Урарту», 9) А. А. Гаврилова — «Привозные шелковые ткани Саяно-Алтая», 10) К. Х. Кушнарева — «Тазакендский могильник в Армении», 11) В. М. Массон — «Джейтунская культура», 12) В. С. Сорокин — «К вопросу об организации производства керамики в андроновском обществе», 13) Ю. А. Заднепровский — «Новые материалы по этногенезу населения древней Ферганы», 14) В. М. Массон — «К вопросу о датировке могильника Заман-Баба», 15) М. П. Грязнов — «Об одной писанице из дер. Знаменка в Хакасии», 16) Л. Р. Кызласов — «Некоторые памятники кара-китайской культуры», 17) А. М. Оразбаев — «Северный Казахстан в эпоху бронзы», 18) С. Г. Кляшторный — «Об использовании геофизических методов в археологической разведке», 19) Г. А. Максименков — «Два клада бронзовых орудий близ Красноярска», 20) Л. Л. Викторова — «К вопросу о расселении монгольских племен в древности», 21) П. Н. Кожемяко — «Раннесредневековые поселения Чуйской долины», 22) И. Кожембердыев — «Новые материалы Кенкольского могильника», 23) С. К. Кабанов — «Раскопки здания V в. н. э. типа усадьбы в долине Кашка-Дарьи», 24) В. И. Спришевский — «Наземные каменные склепы Мугхона в Северо-Западной Фергане», 25) К. Г. Алиев — «Албанские племена II в. до н. э. — II в. н. э.», 26) И. М. Замоторин — «Определение относительной хронологии методом анализа древесного ствола», 27) Г. А. Максименков — «Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов».

Помимо того, 2 заседания посвящались обсуждению тематики Корпуса археологических источников и несколько — организационным вопросам.

Сектор подготовил к сдаче в печать выпуск КСИИМК, посвященный памяти А. Н. Бернштама.

В XXIV Международном конгрессе востоковедов в Мюнхене приняли участие и выступили с докладами Б. Б. Пиотровский — «Успехи в изучении культуры Урарту» и А. М. Беленицкий — «Новые памятники изобразительного искусства Согда VII в. н. э.».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП — Археологічні пам'ятки УРСР
АС — Археологический съезд
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ЗОРСА — Записки Общества русской и славянской археологии
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
КИМ — Киевский исторический музей
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ПАО — Псковское археологическое общество
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИБ — Русская историческая библиотека
СА — Советская археология
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
SWYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja
LWK — Leitschrift für historische Waffenkunde

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

С. А. Плетнева. Средневековые поселения верховьев Северского Донца . . .	3
--	---

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Э. А. Симонович. Раскопки поселения Ломоватое 2	21
Б. А. Рыбаков. Раскопки в Любече в 1957 году	27
Л. А. Голубева. Белозерская экспедиция 1957 года	35
В. В. Седов. Древнерусские сельские поселения Смоленской земли (по материалам экспедиций 1956—1957 годов)	43
Р. Л. Розенфельдт. Разведки в Московской области	57
А. Ф. Дубынин. Археологические раскопки в Зарядье (Москва) в 1956 году	64
П. Н. Третьяков. Работы Верхнеднепровской археологической экспедиции 1957 года	80
В. П. Даркевич и В. К. Пудовин. Раскопки на Севском городище	83
Е. И. Горюнова, А. В. Никитин, В. В. Седов, А. Л. Монгайт, П. А. Раппопорт. Работы Среднерусской экспедиции в 1957 году	89
М. А. Тиханова, Ф. Д. Гуревич, И. И. Ляпушкин, Я. С. Станкевич, М. К. Каргер, К. Д. Лаушкин. Экспедиции ЛОИИМК по изучению славяно-русской археологии в 1957 году	93
Список сокращений	119

III. ХРОНИКА

Институт истории материальной культуры в 1957 году	103
--	-----

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
Института истории материальной культуры,
вып. 79.

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры АН СССР

Редактор издательства М. Г. Воробьева. Технический редактор И. Н. Дорохина

РИСО АН СССР № 82-92В Сдано в набор 21/1 1960 г. Подписано к печати 11/V 1960.
Формат бум. 70×180¹/₁₆ Печ. л. 7,5. Усл. печ. л. 10,27+1 вклейка. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 1500 экз.
Т-03094. Изд. № 4143. Тип. зак. № 69.
Цена 6 руб.

Опечатки и исправления

стр.	строка	напечатано	должно быть
65	9—10 стр. к рис. 30	1—8 номера помещений	1 — каменные плиты; 2 — поливные плитки; 3 — граница фундамента; 4 — сваи; 1—8 — номера помещений.

КСИИМК, в. 79